83.3(2Рос=Рск)
М14

П. МАКСЯШЕВ

НАШ БЕЛИНСКИЙ

829766

По-нашему, Белинский
является центральной фигурой
во всем ходе развития
русской общественной мысли.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

83.3(2Рос=Рус)1-8Белинский В.Г.кр
М17

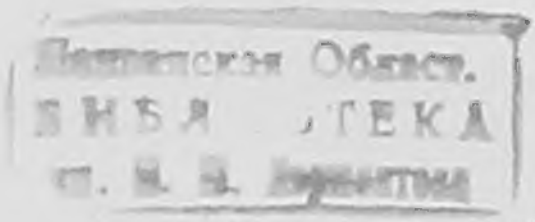
П. МАКСЯШЕВ

НАШ БЕЛИНСКИЙ

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕНЗЕНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1977

8P1
M17

829766



2019

Максяшев П.

М17 Наш Белинский [Изд. 2-е]. Саратов, Приволж. кн. изд-во, Пензен. отд-ние, 1977.
192 с.

Первое издание, вышедшее в 1961 году, получило положительную оценку в печати. Автор значительно переработал книгу, ввел новые материалы, рассказывающие о влиянии творчества В. Г. Белинского на развитие литературы братских народов, о распространении его наследия за рубежом, а также о памятных местах, связанных с именем великого критика.

70202
42-77

8P1

© Приволжское книжное издательство, 1977.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рассматривая творчество А. С. Пушкина, В. Г. Белинский писал: «Есть два рода деятелей на всяком поприще: одни своими делами творят новую эпоху, действуют на будущее; другие действуют в настоящем и для настоящего. Первые бывают не признаны, не поняты, не оценены и часто даже гонимы и ненавидимы своими современниками; их апофеоза создается в будущем, когда уже самые кости их истлеют в могиле; вторые — всегда любимцы и властелины своего времени, но, уважение, превознесенные и счастливые при жизни своей, они получают уже совсем не то значение после их смерти, а иногда и переживают свою славу. Без сомнения, первые выше вторых, ибо это натуры великие и гениальные, тогда как вторые — только сильно и ярко даровитые натуры» [1].

Эти слова можно полностью отнести к личности и творчеству самого критика. Над ним, писал Н. А. Некрасов, еще при жизни тучи собирались.

И честный сеятель добра
Как враг отчизны был отмечен;
За ним следили и тюрьму
Враги пророчили ему.

Правящие круги и дворянские интеллигенты, свидетельствовал А. М. Горький, не любили этого нового человека. Они не могли примириться с тем, что Белинский, вышедший из разночинной среды, не получивший официального университетского образования, сразу занял в литературе командный пост, невольно заставил подчиниться силе своей мысли и обаянию своей личности.

Его творческая деятельность протекала в мрачные годы разгула реакции и мракобесия. «Что ж делать при виде этой ужасной действительности? — спрашивал он. — Не любоваться же на нее, сложа руки, а действовать елико возможно, чтобы другие потом лучше могли жить, если нам никак нельзя было жить» [2].

---

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., в тринадцати томах. М., Изд-во АН СССР, 1953—1959, т. VII, с. 135—136.

[2] В. Г. Белинский. Указ. соч., т. XI, с. 581.

Верный высокому гражданскому долгу, Белинский посвятил свою короткую жизнь борьбе за распространение просвещения, за свободу мысли и разума, за освобождение закабаленного крестьянства. Как истинный патриот, он с гневом относился к крепостному рабству, страстно верил в прекрасную будущность России. Выдающийся мыслитель и критик-демократ писал о том, что настанет время, когда не будет богатых, не будет ни бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди. Это сделается, утверждал Белинский, не само по себе, а через социальную революцию. И поэтому нет ничего выше и благороднее, как способствовать ее развитию и ходу.

Познакомившись с жизнью Западной Европы, побывав в Германии и Франции, Виссарион Григорьевич заклеймил позором буржуазные порядки. «Горе государству, — указывал Белинский, — которое в руках капиталистов. Это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят».

Своей преданностью великим идеалам освобождения народных масс от порабощения и угнетения он воодушевлял других на борьбу с царизмом и крепостниками-помещиками. Его идеи являлись прекрасным компасом для славного поколения «молодых штурманов будущей бури» на пути к прогрессу.

Об этом говорил великий русский писатель-сатирик, революционный демократ М. Е. Салтыков-Щедрин. Оценивая пятнадцатилетнюю деятельность гениального критика, он напоминал о том времени, когда «лилось к вам полное страсти слово Белинского, волнуя и утешая вас, и наполняя сердца ваши скорбью и негодованием, и вместе с тем указывая цель для ваших стремлений».

О величии гения Белинского, его непревзойденном мастерстве и заслугах перед обществом не раз свидетельствовал И. А. Гончаров. В своих воспоминаниях о Виссарионе Григорьевиче он подчеркивал: «Если сами художники встречаются не на каждом шагу, то и критики с такою сильною впечатлительностью, как у Белинского, при силе его ума и дарования, встречаются еще реже. Может быть, этим можно отчасти объяснить недостаток критики в нашей литературе, на который нередко раздаются жалобы в публике».

Многие передовые деятели прошлого века проявляли немалый интерес к личной жизни Виссариона Григорьевича, как примеру, достойному подражания. Именно Белинский-человек, с его особенностями, своими страстями и склонностями, был дорог В. Г. Короленко. В статье, посвященной критику, Владимир Галактионович писал: «Кроме той массы идей, которые он в течение своей недолгой карьеры пустил в обращение, которыми мы и за нами наши дети будут пользоваться, не всегда даже связывая их с первоисточником, кроме стольких-то печатных томов и страниц, Белинский завещал

нам еще цельный, живой образ, который останется навсегда, наряду с лучшими созданиями гениальнейших поэтов.

Этот образ — он сам, с его страстною ж[illegible] [illegible] каниями и искренностью.

Литературно-критические, [illegible] ские и революционно-демократические воззрения Белинского всегда привлекали внимание литературоведов, [illegible] в дореволюционный период вышел ряд работ, [illegible] ни и творчеству. Однако [illegible] началось только в советское время.

Наш народ и все прогрессивное человечество с любовью и уважением относятся к имени критика. Внуки и правнуки великого сына России достойно увековечили его память. Произведения Белинского издаются миллионными тиражами не только в нашей стране, но и за рубежом. Образ революционного демократа воплощен в поэзии, живописи, скульптуре, народном изобразительном творчестве.

Борьба за увековечение памяти Белинского началась сразу же после его смерти и имеет свою историю. Она неразрывно связана с идейным ратоборством вокруг наследия критика. Поэтому по мере роста освободительного движения все отчетливее намечались два направления в оценке его творчества. Одно направление [illegible] реакционные силы России, другое — объединяло новые силы, борющиеся за освобождение страны от ига царизма и капитализма.

Такой классово-партийный подход к творчеству критика не случаен, так как «сам Белинский был политическим бойцом с головы до ног. Стрелы его критики были направлены значительно дальше, и попадали они в цель значительно большую, чем литература»[1].

Отсюда определенные круги общества по-разному относились к литературно-критической деятельности Белинского. Царское правительство принимало все меры, чтобы не допустить распространения революционных идей Белинского, старалось вычеркнуть его имя из истории развития русской общественной мысли. Эту точку зрения в первую очередь разделяли прислужники самодержавия в лице таких журналистов и писателей, как Ксенофонт Полевой, М. П. Погодин, М. Н. Катков, С. П. Шевырев, князь П. А. Вяземский и им подобные. Они стремились опошлить наследие критика, доказать, что он ничего не внес нового в литературу и не имеет никаких заслуг перед потомством. «Найдите мне в этих почти пятнадцатилетних рассуждениях, — писал в припадке злобы и ненависти Погодин,— хоть одну мысль собственную, теоретическую и практическую. Ни одной! Или общие места, или чужие мысли!»

---

[1] «Великий русский критик», передовая «Правды» от 14 июня 1936 г.

К реакционному крылу гонителей всего лучшего, чем жила передовая Россия, присоединились также либеральные интеллигенты всех мастей и направлений — от проповедника теории «чистого искусства» А. В. Дружинина до «легальных марксистов» и кадетов. Они пытались развенчать Белинского, выхолостить революционный дух из его творчества и представить его как фигуру святую. Белинский, по их мнению, всю жизнь заблуждался и не представляет какого-либо интереса для современности, ибо «все направления и течения сороковых годов, — вещал в 1896 году либеральный народник С. Н. Южаков, — окончательно изжиты и отошли в область прошлого».

Но в России нашлись достойные силы, которые смогли защитить величайшее наследие Белинского, отстоять его заслуги перед обществом, подкрепить и дальше развить его идеи. Во главе этого направления встали Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

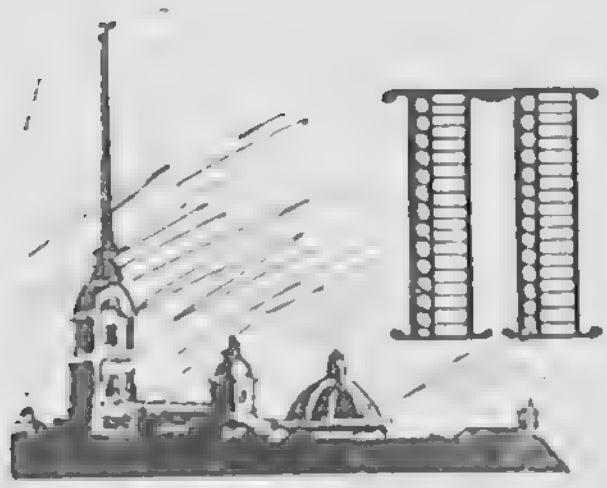
С зарождением российской социал-демократии творчество Белинского, его революционно-демократические взгляды нашли горячую поддержку у русских марксистов во главе с В. И. Лениным. Высоко оценивая исторические заслуги великого критика, Владимир Ильич указывал: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»[1].

В предлагаемой читателям работе автор на основе архивных документов и обобщения разнообразного печатного материала, опубликованного в различных газетах, журналах, книгах более чем за столетний период, сделал попытку впервые в истории белинсковедения кратко охарактеризовать идейную борьбу за наследие и увековечение памяти выдающегося революционного демократа и основоположника реалистической эстетики; показать, как распространялись его бессмертные творения среди братских народов нашей страны и за рубежом. Наряду с этим отдельные страницы книги посвящены семье Белинского, которая смогла сберечь для потомства многие бесценные рукописи близкого и дорогого ей человека.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

СТРАШНОЕ ВРЕМЯ



По Лиговской улице Петербурга от дома Галченкова в сторону Волкова кладбища шла небольшая, человек в двадцать, процессия. Она не привлекала особого внимания встречных. Только немногие с почтением обнажали голову и в скорбном молчании подолгу смотрели вслед удалявшемуся похоронному шествию.

Из числа провожавших этот гроб, писал И. И. Панаев, собственно «литераторов было, может быть, не более пяти-шести человек, — остальные принадлежали к людям простым, не пользовавшимся никакою известностью, но близким покойному». Запомнились мемуаристу еще какие-то две или три подозрительные личности, которые появлялись и на пути к кладбищу, и в церкви при отпевании, и на могиле при опускании гроба. Чего хотели они, чем могли возбудить их любопытство «эти бедные похороны?..»

Вполне понятно, что И. И. Панаев не мог открыто в тот период дать ответ на поставленный вопрос. Однако он хорошо знал, кем могли быть эти личности и по чьему приказу они так внимательно за всем следили, прислушивались к разговорам. Позже, рассказывая о последних днях жизни Белинского, Н. А. Некрасов подчеркивал: «Вы себе представить не можете, что это за время было. Он умирает, а тут каждый день из III отделения о нем справки наводят, жив ли еще».

Место для захоронения выбрали в самой дешевой части кладбища. В приходно-расходной книге церкви 28 мая 1848 года была сделана запись: «Виссарион Гри-

горьев Белинский. За копку могилы 1 руб. За катафал 2 руб. На храм 50 коп. За место по 5 разряду 5 руб.»[1]

На кладбище над умершим совершили положенную церемонию. Рядом с другими, такими же убогими, холмиками вырос новый, который венчал наспех сделанный деревянный крест. Над гробом речей не произносили, а в печати появилось лишь несколько коротких некрологов.

Журнал «Современник» сообщал: «В Петербурге, 26 мая в 5 часов утра, после продолжительной болезни, скончался известный литератор Виссарион Григорьевич Белинский, на 39 году от рождения[2]. Литература составляла исключительное его занятие и была для него единственным средством к существованию. Плоды его непрерывной осьмнадцатилетней деятельности весьма многочисленны. Без сомнения, невозможность прекратить занятия, при упадке сил, была одною из главных причин пагубного действия чахотки, которая при условиях более благоприятных, может быть, и не обнаружила бы столь решительного быстрого влияния, если взять в соображение лета покойного»[3].

Несколько в другом плане сообщил о смерти Белинского журнал «Отечественные записки», издаваемый беспринципным предпринимателем-публицистом А. А. Краевским. В некрологе было сказано: «26 мая, в 6-м часу утра, скончался в Санкт-Петербурге Виссарион Григорьевич Белинский, бывший до 1846 года постоянным сотрудником «Отеч. Зап.», а с 1847 года сделавшийся участником журнала «Современник». Давнишняя болезнь легких, сильно развившаяся в последние годы, лишала его возможности трудиться так деятельно, как бы желал он, и, наконец, сделалась причиною его преждевременной смерти. Никакие журнальные отношения последнего времени не помешают нам сказать, что Белинский, будучи человеком чрезвычайно даровитым, отличался в то же время непреклонною честностью и благородством поступков в

---

[1] «Литературное наследство», т. 56. М., Изд-во АН СССР, 1950, с. 198

[2] Примечание: В. Г. Белинский умер на 37-м году жизни, а не на 39-м, как написано в «Современнике», и те годы считали, что он [illegible] 1810 г., хотя фактически [illegible] 30 мая (по [illegible]) 1811 г. (См.: Ю. Оксман. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958, с. 9, 561)

[3] «Современник», 1848, № 6, «Смесь», с. 173

частной жизни. Очень нередко заблуждался он в своих литературных мнениях; заблуждения его происходили иногда, может быть, от недостатка знаний, иногда от пылкости впечатлительной души, но, при достаточно сильном опровержении, он легко от них отказывался (разрядка моя.— *П. М.*). Да и кто из нас не заблуждался? Кто так самоуверен, что почтет себя вправе бросить камень в эту свежую могилу, вместо христианского напутствия, да покоится в мире усопший брат наш»[1].

В приведенных выше строках чувствовалась определенная неприязнь к творчеству великого мыслителя. Это объяснялось тем, что группа либералов во главе с А. А. Краевским стремилась опорочить разработанные Белинским основные положения революционно-демократической эстетики и литературной критики. Прибегая к различным закулисным козням, они распространяли слухи о том, что «Неистовый Виссарион» «живет иллюзиями», что у него «нет своего мнения» и т. д. В частности, В. П. Боткин, свыше десяти лет входивший в кружок Белинского, 3 апреля 1848 года писал А. А. Краевскому: «Скажу вам по секрету: я считаю литературное поприще Белинского покончennым. Он сделал свое дело. Теперь нужно и больше такта, и больше знания. Еще о русской литературе он может говорить (да и она у него, увы, сделалась рутинною), а чуть немного выходит из нее, из рук вон плохо».

Совершенно по-иному восприняли весть о кончине революционного демократа и философа-материалиста его соратники и единомышленники. Они с чувством глубокой скорби переживали эту утрату. Так, А. И. Герцен 23 июня 1848 года сообщал из Парижа писательнице Т. А. Астраковой: «На днях мы узнали о смерти Белинского, — бесконечная жаль! Чудный был человек»[2]. Великий русский актер М. С. Щепкин 15 июня писал сыну: «...Белинский умер, жена и дочь без куска хлеба, и им собрали кое-что на первое время, а что будет дальше, бог знает». И с болью в сердце заключал: «Это известие одно тоже из радостей нашей жизни, нет, прощай, гадко писать об этом, невыносимо обидно...»[3]

---

[1] «Отечественные записки», 1848, № 6, с. 157—158

[2] А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах. М., Изд-во АН СССР, 1954—1965, т. XXIII, с. 78.

[3] «Литературное наследство», т. 56, с. 196

Пришел в Петербург отклик на смерть Белинского и из Нижнего Новгорода. 11 июля 1848 года будущий революционер, сподвижник Н. Г. Чернышевского, автор известной прокламации «К молодому поколению» М. Л. Михайлов в письме на имя редактора «Литературной газеты» В. Р. Зотова делился своими мнениями: «Мне горько и больно было прочесть о смерти бедного Белинского. Мир ему в стране мертвых! И что за равнодушие, за холодность наших журналов? Ни один... не поместил никакого биографического известия об этом в высшей степени замечательном человеке».

Преждевременная смерть Виссариона Григорьевича болью отозвалась в сердцах многих других молодых людей, о чем можно судить по недавно найденным архивным материалам. Например, весьма любопытные свидетельства оставил А. Н. Афанасьев, ставший впоследствии ученым-филологом, непревзойденным знатоком русских народных сказок. Будучи еще студентом Московского университета, он с увлечением читал статьи Белинского в «Отечественных записках» и «Современнике», проявлял постоянный интерес к его жизни и творчеству, знал, в каких условиях приходится работать великому критику. Поэтому ему были понятны те короткие сообщения о кончине Виссариона Григорьевича, которые появились в ряде газет и журналов.

Находясь уже на четвертом курсе, А. Н. Афанасьев сделал в своем дневнике такую запись: «Белинский умер, и никто не посмел написать в память ему критического некролога. Не посмел, потому что сам Белинский не пользовался хорошим мнением в цензурном и административной сфере и при конце жизни был, кажется, под полицейским присмотром, как человек «Вольнолюбивый».

Волновала кончина Белинского также И. С. Тургенева. Находясь во Франции, он срочно отправил письмо А. П. Тютчевой — жене Ф. И. Тютчева, близкого приятеля Виссариона Григорьевича, в котором просил сообщить, при каких обстоятельствах оборвалась жизнь великого критика. В ответном письме от 23 июня 1848 года Александра Петровна дала подробные ответы на поставленные вопросы. «Застали мы его, — указывала она, — полулежащим в кресле, лицо у него было совершенно мертво, но глаза огромные и блестящие, всякое дыхание его было стон, и встретил он нас словами: «умираю, совсем умираю», но это слово было выговорено не с убеждением, не

с уверенностью, а скорее с желанием, чтобы его опровергли

Перед самой смертью он говорил два часа, не переставая, как будто к русскому народу, и, часто обращаясь к жене, просил ее все хорошенько запомнить и верно передать эти слова кому следует; но из этой длинной речи ничего уже нельзя было разобрать, потом он вдруг замолк, и через полчаса мучительной агонии умер. Бедная жена его, оставшаяся, как вы, верно, знаете, беременною, не отходила от него ни на минуту и совершенно одна прислуживала ему, поворачивала и поднимала его с постели. Эта женщина... заслуживает всеобщего уважения, так усердно, с таким терпением, так безропотно ухаживала она за больным мужем всю зиму, и сама она, бедная, вся насквозь больна...»[1]

Так проводили в последний путь гениального мыслителя, героического борца, который, несмотря на тиранство и ужасный удел, ожидавший всякого, кто «осмеливался поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром», имел мужество смело обличать все язвы николаевской эпохи.

После смерти Виссариона Григорьевича его жена Мария Васильевна и трехлетняя дочь Ольга оказались в крайне тяжелом материальном положении. Судя по сохранившемуся счету «Современника» с Белинским (на ассигнации) от 5 мая 1848 года, последний раз ему было выдано 262 рубля 50 копеек. Окончательный расчет, сделанный Н. А. Некрасовым, как редактором журнала, подтверждал, что долг, образовавшийся за Белинским, составлял 5799 рублей 80 копеек.

Друзья покойного Н. Н. Тютчев, Н. Н. Панаев решили разыграть по лотерее его библиотеку и этим обеспечить семью хотя бы на первый случай. За разрешением обратились в III отделение. Старший чиновник М. М. Попов, бывший учитель Белинского по Пензенской гимназии, «весь изменился в лице, окрысился, — вспоминал Н. Н. Тютчев, — зашипел на меня: «Это все равно, милостивый государь, как если бы вы просили разрешения на объявление о лотерее в пользу семейства государственного преступника Рылеева».

В этом ответе ясно проявилось отношение официальных властей к Белинскому. Не случайно комендант Петропавловской крепости Скобелев при встрече с ним спра-

[1] «Литературное наследство», т. 56, с. 197

шивал: «Когда же к нам? У меня совсем готов тепленький гавеман, так для вас его и берегу». Начальник штаба корпуса жандармов Дубельт яростно сожалел, что Белинский рано умер, прибавляя: «Мы бы сгноили его в крепости».

Действительно, царское правительство готовило Белинскому «теплое» местечко. За ним еще при жизни был установлен негласный надзор, а его статьи подвергались особенно тщательной проверке цензуры.

Например, 6 февраля 1847 года в письме к В. П. Боткину он сообщал: «Никитенко так поправил одно место в моей статье о Гоголе, что я до сих пор хожу, как человек, получивший в обществе оплеуху... А там еще цензора подрадели — и все это произвольно, без основания». 28 февраля тому же корреспонденту критик писал: «Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства (разрядка моя — *Н. М.*) велят мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по-лисьи». В письме от 4—8 и 22 ноября Белинский опять говорил о том, что его статью «Ответ «Москвитянину»» страшно ощельмовали, что «она искажена цензурою варварски»[1].

Ко всему этому в III отделение поступали доносы и письма, в которых Белинский обвинялся «в распространении коммунистических идей», «неуважении существующих порядков». Уже 23 февраля шеф корпуса жандармов граф А. Ф. Орлов, познакомившись с первой статьей Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года», опубликованной в январском номере «Современника» за 1848 год, отметил многие «крамольные» места.

В докладной записке III отделению А. Ф. Орлов указывал, что вводимые иностранные слова, такие, как прогресс, причины, доктрина, имеют двусмысленное значение и «в молодом поколении они могут поселить мысли о политических вопросах, запала и коммунизме».

Спустя четыре дня А. Ф. Орлов сообщил министру народного просвещения графу С. С. Уварову, что «по дошедшим до государя императора из разных источников сведениям о весьма сомнительном направлении наших журналов» он на его докладе по этому предмету наложил резолюцию: «Необходимо составить комитет, чтобы рассмотреть, правильно ли действует цензура и издаваемые журналы соблюдают ли данные каждому програм-

[1] В. Г. Белинский. Указ. соч., т. XII, с. 322, 339, 422, 432.

ми Комитет донести мне с доказательствами, где найдет какие упущения цензуры и ее начальства, т. е. министерства народного просвещения, и которые журналы и в чем вышли из своей программы. Комитету состоял под председательством генерал-адъютанта князя Меншикова, из действительного тайного советника Бутурлина, статс-секретаря барона Корфа, генерал-адъютанта графа Александра Строганова, генерал-лейтенанта Дубельта и статс-секретаря Цеймерна. Уведомить о сем кого следует... а занятия комитета начать немедля»[1].

В приведенном документе ясно говорилось о целях создания Меншиковского комитета, рассмотреть правильность действий цензуры и донести о ее упущениях. Таким образом, эти административные меры носили временный характер. Однако в ходе проверки публикаций в периодических изданиях были выявлены другие «недозволенные к всеобщему обозрению» материалы.

Шеф жандармов А. Ф. Орлов сообщал царю, что особый характер журналистике придает Белинский, который всегда отличается от других критиков грубым тоном и резкостью своих суждений. Это приводит «молодых людей, — делал он вывод, — к неуважению всего, к чему народ питает благоговение». В подтверждение верности стража самодержавия и крепостных порядков приводил поручика корпуса горных инженеров Баранникова, который показал на допросе, что под влиянием идей журнала «Отечественные записки» он перешел «к неуважению и властей, и настоящего порядка дел, и даже особы Вашего Императорского Величества».

Орлов подчеркивал, что журнал «Отечественные записки» со времени ухода из него Белинского сделался умереннее в нравственном отношении. «Было бы полезно, — советовал жандарм, — усилить строгости цензурного устава», не допускать в печать «не только прямо преступных мыслей, но даже коммунистических и политических намеков, сомнительных выражений», запрещать «статьи сочинения натуральной школы, которые рано или поздно повредят народной нравственности». Статьи же Белинского надобно, прежде чем напечатать, подвергать «наистрожайшему просмотру цензоров»[2].

---

[1] М. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, с. 193, 194, 195

[2] М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб, 1909, с. 175—177

Барон М. А. Корф так объяснял возникновение комитета. В своих «Записках» он указывал, что когда ревизия близилась к концу и показала уже «злокачественность» периодической печати, то сам собой возник вопрос: раз министерство просвещения недостаточно зорко смотрит за нею, не нужен ли наблюдатель и над ним самим? Кроме того, оставалась вся книжная литература, **необревизованная князем Меншиковым.**

Государя умели убедить в соответствующем разрешении этих вопросов, и вот у него родилась мысль «учредить, под непосредственным своим руководством, всеглавный безгласный надзор за действиями нашей цензуры. С этою целью *вместо* прежнего *временного* комитета учрежден был, 2 апреля, *постоянный* из члена государственного совета Д. П. Бутурлина, статс-секретаря Дегая и меня, с обязанностью представлять все замечания и предложения свои непосредственно государю»[1].

Учредив особый комитет по надзору «за духом и направлением русской литературы», царское правительство предоставило ему огромные права. Сподручные Бутурлина установили негласный надзор за наиболее прогрессивными деятелями, расставили широкую сеть тайных агентов, которые работали в тесной взаимосвязи с III отделением.

В результате образовалась двоякая цензура: предупредительная, которая предварительно просматривала предназначенные для печати произведения, и карательная, следившая за изданиями, уже вышедшими в свет.

Никто из цензоров и авторов не знал о достоверном существовании такого комитета и его функциях. Профессор Петербургского университета и цензор А. В. Никитенко оставил в своем «Дневнике» такую запись: «Распространялись слухи, что комитет особенно занят отысканием вредных идей коммунизма, социализма, всякого либерализма, истолкованием их и измышлением жестоких наказаний лицам, которые излагали их печатно или с ведома которых они проникали в публику. «Отечественные Записки» и «Современник», как водится, поставлены были во главе виновников распространения этих идей... Ни от кого не требовали объяснений; никому не дали знать, в чем его обвиняют, а между тем обвинения были тяж-

---

[1] М. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, с. 203

кие». Далее Никитенко указывал: «Бутурлин действует в качестве председателя какого-то высшего негласного комитета в цензуре и действует так, что становится невозможным что бы то ни было писать и печатать».

Многие исследователи сороковых — пятидесятых годов прошлого столетия считают, что создание бутурлинского комитета связано главным образом с усилением революционных событий в Западной Европе. Следует учитывать и нарастание антикрепостнической борьбы передовых сил России, которые воспитывались на идеях Белинского. Царизм в сороковых годах больше боялся не европейских событий, а русской действительности. Деятельность Белинского, Герцена, направленность журналов «Отечественные записки», «Современник» вызывали тревогу у III отделения. Об этом свидетельствуют доклады на имя царя и журнальные записи особого комитета.

В одном из таких документов говорилось: «...до 1848 года журнал «Отечественные записки», издававшийся тогда при содействии Белинского, Герцена и других участников так называемой «новой» школы, имел вообще весьма вредное направление, так что вместе с журналом «Современник» сделался даже главным поводом к учреждению особого, под непосредственным Высочайшим руководством Государя Императора, надзора за духом и направлением нашей литературы...»[1] (разрядка моя. — *П. М.*).

В результате систематического преследования со стороны правительства творческая деятельность Белинского в последние месяцы его жизни не только ограничивалась, а практически запрещалась. Почти все его статьи в «Современнике» помещались без подписи, за исключением некоторых, обозначенных инициалами «В. Б.». Издатели журнала Некрасов, Панаев старались скрывать от правительства, от министра народного просвещения графа Уварова участие Белинского в их органе. Так, в ответе на запрос С.-Петербургского цензурного комитета И. И. Панаев 25 апреля 1848 года сообщал, что в отделе литературной критики журнала «Современник» Белинский лишь иногда помещал свои статьи, «но

---

[1] Центральный Государственный архив Октябрьской революции СССР, ф. III отд., Комитет по делам цензуры, 1851, д. 162, л. 2 обор. Дальше ссылки на архив даются сокращенно ЦГАОР СССР.

по тяжелой и неизлечимой болезни ныне он вовсе не участвует»[1] (разрядка моя. — *П. М.*).

Однако даже простой подсчет статей критика, опубликованных в «Современнике» за 1847 год и три месяца 1848 года, свидетельствует о его активном сотрудничестве в журнале. За это время на его страницах было опубликовано более сорока работ критика и среди них такие крупные произведения, как «Взгляд на русскую литературу 1847 года», «Современные заметки» (две статьи), «Ответ «Москвитянину», «Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя» и другие.

Даже умерший Белинский вызывал страх у правительства, которое преследовало всех почитателей критика. «Нынешнее поколение, — вспоминал один из современников, — и даже поколение ему предшествующее едва ли могут представить себе живо и ясно, каким тяжелым и удушливым туманом было окружено... имя отца русской литературы и общественной критики. И современники Белинского с ужасом отскочили бы от человека, который отважился бы тогда открыто чествовать его, живого или мертвого».

В ходе следствия по делу петрашевцев в 1849 году, которые считали знаменитое письмо Белинского к Гоголю программным документом свержения самодержавия и уничтожения крепостного права, революционному демократу и гениальному мыслителю был вынесен окончательный приговор.

Царские сатрапы наложили запрет на произведения критика, а его имя не разрешалось упоминать в печати. Такие меры, по мнению правящих кругов, позволяли предать забвению наследие Белинского.

За чтение и распространение письма Белинского к Гоголю военный суд приговорил многих петрашевцев к каторжным работам и ссылке в Сибирь.

Ищейки III отделения тщательно наводили справки о знакомых Белинского, интересовались содержанием переписки с ним. Обнаруженные письма ставились в прямое обвинение их владельцу, как неблагонадежному по отношению к властям. Такая участь постигла Н. М. Сатина, друга Герцена и Огарева, который при допросе в 1850 году вынужден был объяснять, что письма Белинского попали к нему случайно, в период молодости, и не носят признаков близких отношений с критиком.

[1] «Литературное наследство», т. 57, с. 290.

Опасаясь преследований, многие владельцы писем Белинского уничтожали их. Например, Кавелин в своих мемуарах прямо указывал, что «во время неистовств правительства против литературы» он сжег «огромное письмо Белинского, листах на четырех», присланное по поводу сотрудничества в журнале «Современник». Пропал ряд писем, адресованных критиком Грановскому, Каткову, Полевому, Великопольскому и другим. По неизвестным причинам исчезла переписка Белинского с Кольцовым, находившаяся у родных поэта в Воронеже. Видимо, не только в столичных, но и в провинциальных городах царская охранка преследовала за связь с критиком.

Те, кто осмеливался сберечь дорогие реликвии, прятали их в самые недоступные тайники. Об этом свидетельствует переписка П. В. Анненкова с первым исследователем жизненного и творческого пути критика А. Н. Пыпиным, который в начале семидесятых годов прошлого века решил собрать оставшиеся рукописные материалы Белинского и воспоминания о нем современников. В письме из Франции 2 февраля 1874 года Анненков сообщал: «Письменного материала от Белинского осталось у меня немного — всего два письма от 1847 г. Но вот вопрос — как передать вам этот небольшой остаток его корреспонденции со мной. Письма остались у меня в Петербурге и притом запрятаны так, что только я один могу их найти...»[1]

Наряду с розысками рукописного материала Белинского III отделение поручило специальному комитету по надзору за цензурой и литературой заняться просмотром «Отечественных записок» и «Современника», в которых помещались произведения критика. В результате обнаруживались все новые и новые «вольнодумные» статьи, разрешенные ранее цензурой. Министр просвещения Уваров, в ведении которого находился надзор за печатью, вынужден был уйти в отставку. На его место назначили еще большего мракобеса — князя П. А. Ширинского-Шихматова.

Главное управление предписывало цензорам, чтобы они проявляли особую бдительность и пресекали малейшую попытку протащить на страницы журналов предосудительные мысли, хотя бы они выражались и в косвен-

[1] «Литературное наследство», т. 67, с. 540

829766

ном виде. Об авторах произведений, которые запрещались цензурой, требовалось немедленно сообщать в жандармское управление. Все это привело к тому, что журналы «сделались чисто сборниками переводов с иностранного», — писал В. П. Боткин в августе 1848 года Герцену в Париж. Другой корреспондент Герцена — А. А. Чумиков сообщал: «А в русской литературе нечего читать; так, например, в повестях запрещено говорить о любви без позволения родителей, о том, что у замужней есть любовник. Уничтожается все, где встречается самостоятельность, сильный характер, оппозиция... Мы перечитываем старые «Отечественные записки», потому что в России нет более литературы»[1].

Но и над «Отечественными записками» со статьями Белинского сгустились темные тучи. В 1851 году газета «Ведомости Московской городской полиции» за № 208 поместила объявление о том, что в книжной лавке купца Степана Васильева продаются номера «Отечественных записок» за 1840—1843 годы по цене дешевле прогив означенной в 5—6 раз. Особый комитет обратил внимание на это объявление. На имя Николая I последовал рапорт, в котором указывалось, что «означенные книжки «Отечественных записок» заключают в себе разные статьи, из коих одне в целости, другие в частностях своих носят на себе отпечаток тех ложных и пагубных идей, которые тогда, быв удачно прикрываемы покровом иносказаний и разных отвлеченностей, так легко проскользали в печать, но с 1848-го года призвали на себя всю бдительность Правительства...»

«Особенно примечательны в этом отношении, — сообщали чиновники особого комитета, — статьи Некандера «Дилетантизм в науке» и «Буддизм в науке». Под псевдонимом их писал отрекшийся ныне от своего Отечества Герцен, литератор, известный своим дерзким и преступным образом мыслей...»

Не ограничиваясь общей оценкой проверенных журналов, члены комитета внесли в доклад царю выписки из ряда публикаций Белинского и других авторов. Так, их внимание привлекла статья критика, помещенная в мартовском номере «Отечественных записок» за 1841 год, «Разделение поэзии на роды и виды». Чиновники особых поручений выделили слова Белинского о том, что «жизнь

[1] «Литературное наследство», т. 62, с. 718, 724.

слагается из толпы и героев, обе эти стороны в вечной вражде, ибо первая ненавидит вторую, а вторая презирает первую... Их низкие стремления направлены только к призракам жизни, чинам, деньгам, сплетням, унижению человеческого достоинства».

Подручные царского трона усмотрели в этом «покушении» на существующий порядок. Они считали, что под «толпой» подразумеваются широкие народные массы, а под «героями» — помещичье-бюрократический аппарат крепостной России.

Особый комитет был обеспокоен продажей «Отечественных записок» прошлых лет со статьями Белинского и Герцена. «Такой свободный доступ к этому журналу, — делался вывод в докладе царю, — есть нечто вроде пропаганды, если не умышленной, то уже конечно через меру неосторожной...

Идя от этого начала, Комитет считал бы более осторожным и даже необходимым пресечь упомянутую дешевую продажу, но дабы через отобрание имеющихся в виду экземпляров не дать делу огласки и не привлечь еще более внимания к означенным вредным нумерам «Отечественных записок», то предоставить Министру Внутренних Дел немедленно велеть скупить все оные у книгопродавца Васильева под рукою, через доверенное лицо, употребив нужную для сего незначительную сумму из сбер Государственного Казначейства, после чего все сии книжки прислать в Комитет».

Комитет также изъял тридцать шесть номеров «Отечественных записок» со статьями Белинского и Герцена из Петербургской Публичной библиотеки и тщательно осмотрел все книжные лавки Апракина двора и других торговых рядов.

На основе рапорта особого комитета Николай I дал распоряжение, чтобы все изъятые номера «Отечественных записок» немедленно уничтожались и впредь не допускались в продажу.

Казалось, все пути, по которым могло распространяться наследие критика, перекрыты. Но сподручные царя не смогли поставить заградительные кордоны на узких тропинках, идущих не от дворцов и царских палат, а от скромных хижин простого люда.

Вспоминая конец сороковых — начало пятидесятых годов прошлого столетия, известный педагог и методист русской литературы В. П. Острогорский указывал.

«С детства самого я слышал имя Белинского, произносимое с ярким сочувствием, с глубоким благоговением. Так относились к этому имени во многих петербургских кружках того времени. Я сейчас помню, как однажды пришел мой отец и сказал мне: «Знаешь ли, кто помер? Нет, ты не знаешь, не можешь понять, что умер великий человек!» — «Мне жаль его, отец», — ответил я. «Да жалеть, жалеть; помни о нем целую жизнь». И это имя нас, многих петербургских юношей, сопровождало всю жизнь. Гимназистами мы читали Белинского украдкой. В старших классах мы уже знали всего Белинского, хотя имя это не могло еще проникнуть в гимназические программы. Но мы его и в гимназии услышали. Однажды мой учитель в 3-й гимназии, Стоюнин, пришел в классе подготовлять нас к экзамену. «Знаете ли, какой сегодня день? Сегодня — 26-е мая, годовщина смерти Белинского!» Мы знали, мы были подготовлены и услышали в гимназии живое, убежденное слово Стоюнина, того Стоюнина, которого, вместе с Ушинским, Пироговым и Водовозовым, нужно считать преемниками Белинского в области русской педагогики, куда они внесли идеи и заветы великого критика»[1].

Внимательно знакомился с творчеством Белинского в студенческие годы Н. Г. Чернышевский. Об этом свидетельствуют его дневники. Сначала он недоброжелательно воспринял рецензию критика на книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Затем 4 сентября 1848 год. Чернышевский сделал в дневнике такую запись: «...Срезневский говорил против наших беллетристов и критиков: «Этот вздор, — говорит, — высоко ценят ученый труд — ничего». Это меня несколько встревожило; он, однако, увлек и показался одним из лучших, кого я слышал. Он сказал между прочим: «Напр., хоть в «Отеч. записках» писал критики человек, который кроме новейшей литературы ничего не знал, да и вообще у нас пишут критику, сами ничего не зная...» Неужели это так?.. И это не пристрастный взгляд?»

И. И. Срезневский, ученый и литератор, одновременно исполнял должность цензора. Сотрудничал в журналах «Московский наблюдатель» и «Отечественные записки». Белинский тепло отзывался о его исторических очерках

[1] Памяти В. Г. Белинского. Литературный сборник. Издание Публичной общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова. М., 1899, с. XI

«Иван Барабан» и «Пажи». Однако [illegible] нелестно охарактеризовал диссертацию И. И. Срезневского «Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии сравнения». Белинский указывал: «Заглавие этого ученого сочинения очень не нравится, язык сбивчивый, «беспрестанные повторения одного и того же, растянутость — вот недостатки диссертации г. Срезневского»[1].

Критически воспринимал читаемый профессором курс и молодой студент. Он не довольствовался лекциями, в которых искажалась деятельность Белинского. Волновавшие Чернышевского вопросы помогал в какой-то мере решать один из близких саратовских знакомых, служивший в Петербурге чиновником, И. В. Писарев. У него, судя по некоторым источникам, имелась библиотека и комплекты «Отечественных записок». Чернышевский внимательно их читал, старался понять, насколько же правы преподаватели. В результате у него складывались противоречивые мнения.

Уже через два месяца, 2 ноября, в дневнике появились нижеследующие строки: «Прочитал 10-ю статью о Пушкине Белинского («Борис Годунов»), которую взял вчера у Ивана Васильевича, в самом деле, очень хорошо писано, и мне кажется, что взгляд во многом весьма отличается верностью и большими сведениями».

О том, как изменилось отношение Чернышевского к статьям Белинского в период обучения в университете, свидетельствует и запись в дневнике от 17 февраля 1849 года. Анализируя лекции профессора русской словесности А. В. Никитенко, Николай Гаврилович подчеркивал: он «всегда говорит, но, например, о Державине и Пушкине почти ничего у нас не сказали, они не оценены, и говорит в виде общих мест то, что давно с умом, резкостью и последовательностью высказано Белинским»[2].

Спустя пять лет после окончания университета Чернышевский писал: «Критика Белинского все более и более проникалась живыми интересами нашей жизни, все лучше и лучше постигала явления этой жизни, все решительнее и решительнее стремилась к тому, чтобы объяс-

---

[1] В. Г. Белинский. Указ. соч., т. III, с. 229—230

[2] Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения в трех томах. Госполитиздат, 1951, т. III, с. 819, 826, 835

нить публике значение литературы для жизни, а литературе те отношения, в которых она должна стоять к жизни, как одна из главных сил, управляющих ее развитием»[1].

Именно эта особенность критики Белинского, помогавшая понять и объяснить явления жизни, обладала неотразимой притягательной силой, оказывала огромное воздействие на молодое поколение, особенно учащуюся молодежь.

Под ее влиянием развивалось и мировоззрение Н. А. Добролюбова. Уже в период пребывания в Нижегородской духовной семинарии он с увлечением изучал творчество Белинского. Особенно юношу заинтересовали статьи о Пушкине, ежегодные обзоры русской литературы и другие публикации, в которых великий критик развивал свои революционно-демократические и материалистические взгляды. Это помогло семинаристу преодолеть религиозные предубеждения, воспринятые им в детстве, и окончательно порвать с духовенством, посвятив свою жизнь светлым идеалам.

Позднее Добролюбов указывал на те счастливые минуты юности, когда энергические слова Белинского открывали перед ним новый мир знаний, размышлений и деятельности, совершенно не похожий на то, что преподносила казенная семинарская наука. «Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего окружающего, мы мечтали об иных людях, об иной деятельности и искренно надеялись встретить когда-нибудь таких людей и восторженно обещали посвятить себя самих такой деятельности...»[2]

Это обещание было исполнено. 21 февраля 1855 года по случаю смерти царя Николая I в газете «Северная пчела» появилась статья, начинавшаяся словами: «Плачь, русская земля! Не стало у тебя отца». В ответ на это раболепие автор статьи Греч получил письмо, полное негодования и беспредельной ненависти к царизму как главному политическому врагу русского народа. По своему характеру и революционному духу оно напоминало письмо Белинского к Гоголю. Да и подпись под ним стояла Анастасий (т. е. по-гречески воскресший) Белин-

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. I, 1950, с. 689—690.
[2] Н. А. Добролюбов. Избранные философские сочинения. Госполитиздат, 1945, т. I, с. 348.

ский. Этим Добролюбов ясно высказал свое отношение к памяти критика [1].

Об увлечении статьями Белинского в период обучения в Харьковской семинарии рассказывал в своих воспоминаниях русский демократ-просветитель, философ-материалист М. А. Антонович. «Несмотря на то, что в начале пятидесятых годов, — писал он, — имя Белинского находилось под спудом, мы, воспитанники одной провинциальной семинарии, жившие за городом в самом строгом интернате, отделенные от внешнего мира китайскою стеною, — уже каким-то образом прослышали об этом имени и знали, что оно запретное, страшное». Однако это не испугало молодых людей. Им удалось достать несколько книжек «Современника» и «Отечественных записок». Прочтя ряд статей Белинского, они несказанно удивились, что многие суждения и остроты критика повторял на уроках преподаватель словесности, но боялся назвать имя автора.

Произведения критика проникали и в другие учебные заведения. Известный библиограф А. Е. Викторов указывал, что студенты Московской духовной академии, в которой он учился с 1846 по 1850 год, «упивались статьями Белинского». Выдающийся русский географ, статистик и ботаник П. П. Семенов-Тян-Шанский свидетельствовал в своих мемуарах: «Белинский пользовался высоким уважением во всех кружках сороковых годов, где не пропущенные цензурою его сочинения читались с такой жадностью».

Страстно воспринимал революционно-демократические идеи Белинского молодой поэт-петрашевец А. Н. Плещеев. В стихотворении, посвященном великому мыслителю, он писал:

Уж нет его: давно он спит в могиле!
Но кто из тех, в чью грудь он заронил
Зерно благих, возвышенных стремлений,
Кто памяти о нем не сохранил?

Благотворное влияние произведений Белинского и их распространение в России вынуждены были признавать и недруги критика. Один из активных представителей славянофилов Иван Аксаков, который считал творчество Белинского «вредным и дурным», в 1856 году с явным

[1] «Литературное наследство», т. 57, 1951, с. 8—16

сожалением сообщал своим родителям. «Много я ездил по России имя Белинского и известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому жаждущему свежего воздуха среди тлетворного болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, которым бы не была известна система Белинского к Гоголю. «Мы Белинскому обязаны своим спасением», — говорят мне теперь молодые честные люди в провинциях... И если вам нужно честного человека, способного сострадать болезням и несчастьям угнетенных, честного доктора, честного следователя, который пошел бы на борьбу, ищите таковых в провинции между последователями Белинского»[1].

Таким образом, вопреки попыткам правительства искоренить «дух Белинского», в разных уголках России с каждым годом все больше росли ряды почитателей и поклонников революционного демократа. Журналы «Отечественные записки» и «Современник» со статьями Белинского уже в начале пятидесятых годов прошлого столетия стали редкой книгой. Отдельные экземпляры, переходившиеся из рук в руки, настолько утрачивали первоначальный вид, что их трудно было читать.

Сторонники Белинского предпринимали меры, чтобы сохранить память о нем. Они горели желанием издать полное собрание сочинений критика, делали попытку разыскать и сохранить его рукописи, а также организовать сбор средств по подписке на памятник. Такие намерения часто высказывались в кругу сотрудников журнала «Современник».

Однако никто не верил, что это может осуществиться. Слишком свежи были в памяти те крутые меры, которыми правительство грозило каждому, кто попытался бы чтить Белинского и тем более распространять его произведения. «И о нем, — писал Н. А. Некрасов, — слабеет память с каждым днем и скоро сгибнет невозвратно»

Особое беспокойство вызывала судьба его могилы. На неблагоустроенном, заболоченном кладбище, где в то время хоронили нищих, мелких чиновников да обедневших мещан, не было особого порядка в отводе мест для погребения. Не отмеченная никаким памятником, могила могла затеряться. Умерший в 1845 году друг Белинско-

[1] И. С. Аксаков в его письмах, т. 3. М., 1892, с. 290—291.

го — писатель А. Я. Кульчицкий был похоронен на этом же погосте, но три года спустя его последнее пристанище не могли отыскать. Подобная участь ожидала и могилу критика.

В 1853 году в стихотворении «Памяти приятеля», в котором по цензурным соображениям прямо не называлась фамилия, кому оно посвящено, Некрасов указывал, что с каждым днем новые могилы теснили дорогой холмик, где покоится прах столь верного в дружбе человека.

Великий поэт, сочувственно отзываясь о Белинском, заканчивал стихотворение словами:

Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проторила...

В другом стихотворении «О погосте» он рассказывает о беседе с кладбищенским сторожем:

Сделав даром три добрые круга,
Я у сторожа вздумал спросить.
Имя, званье, все признаки друга
Он заставил пять раз повторить
И сказал: «нет, такого не знаю;
А, пожалуй, примету скажу.
Как искать: ты ищи его с краю,
Перешедши вон эту межу,
И смотри: где кресты — там мещане...
Над чиновником больше плита...
А где нет ни плиты, ни креста,
Там, должно быть, и есть сочинитель»

Некоторые близкие к кружку Белинского, как П. И. Панаев, признавались, что они еще не успели сносить обувь, в которой шли за его гробом, как их «энтузиазм к его памяти совершенно остыл и они потеряли даже след к его могиле.

Но могила не затерялась. В 1856 году П. А. Ефремов, почитатель критика, впоследствии известный библиограф, приехав из Москвы в Петербург, решил разыскать могилу Белинского. На первых порах поиски были его благородные намерения. Зная, что Белинский похоронен в левой части кладбища, он целый день внимательно осматривал каждый холмик, читал редкие надписи, отделенные иной раз прямо на полусгнивших деревянных крестах, но не находил дорогого имени. Потребовалось еще два воскресенья для поисков и «наконец, — вспоминает П. А. Ефремов, — нашлась полуразвалившаяся могила,

покрытую камнем, на котором написано «Виссарион Григорьевич Белинский...» Ефремов пригласил смотрителя кладбища и попросил его привести в порядок надгробье.

Весть о том, что могила Белинского найдена, распространилась среди петербуржцев. Через несколько дней скромный постамент был украшен венками. 15 августа 1856 года на Волково кладбище пришел Н. Н. Ге, в то время студент Академии художеств, впоследствии знаменитый живописец и скульптор. По просьбе П. А. Ефремова он сделал эскиз, на котором запечатлел для истории первоначальный вид могилы критика.

Лишь немногие знают об этом произведении Ге, посвященном Белинскому. К сожалению, место нахождения оригинала неизвестно. Снимок с этого рисунка в 1898 году был включен в альбом выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в память В. Г. Белинского, изданный К. А. Фишером; этот альбом сейчас стал библиографической редкостью.

Кто же установил плиту, кому внуки и правнуки критика должны быть благодарны за это радение о могиле великого человека?

Многие белинсковеды ссылаются на воспоминания И. И. Панаева, который указывал, что друзья покойного не знали, «кем положен этот камень». Считали, что кто-то посторонний проявил заботу и уважение к памяти критика.

Но было бы известно друзьям Белинского, как дорого стоил небольшой, грубо отесанный кусок серого камня тому, кто его установил. Это была жена Белинского — Мария Васильевна.

Приехав в Москву глубокой осенью 1848 года, она получила место классной дамы в Александровском благородном женском институте с жалованьем 11 рублей в месяц. Поселилась с детьми Ольгой и Верой в этом учебном заведении, на втором этаже, над прачечной. Квартира оказалась сырой и холодной. «Зимой, — вспоминала дочь критика Ольга Виссарионовна, — часто в графине замерзала вода. К тому же у семьи не хватало самого необходимого — питания. Младшая дочь Вера, которая родилась после смерти отца в ноябре 1848 года, заболела. Пригласили врача. Осмотрев больную, он сказал: «Что же ей предписать? Пожалуй, единственное. Ее надо досыта кормить».

Бедственное положение М. В. Белинской в значитель-

ной степени объяснялось тем, что в условиях жестокого николаевского режима, постоянного полицейского надзора друзья критика, по всей вероятности, опасались поддерживать связь с его семьей и ни разу не навестили Марию Васильевну, не оказали ей материальной поддержки. В результате на плечи бедной женщины свалилось новое горе: умерла младшая дочь. Казалось, переживаниям и страданиям не будет конца.

Однако Мария Васильевна нашла в себе силы и мужество, чтобы перенести все невзгоды жизни. В этот трудный период особенно проявились прекрасные черты ее незаурядной натуры: сильный характер, предельная скромность и душевная преданность памяти покойного мужа. Она считала своим долгом сделать все возможное, чтобы наследие Белинского не пропало для будущих поколений. Не страшась преследований, она бережно хранила оставшиеся после него рукописи, письма. Мария Васильевна знала, что цензура далеко не все созданное мужем пропускала в печать, и, как правило, вычеркивались и запрещались к публикации его наиболее важные мысли. И нельзя, считала вдова критика, чтобы потомки не знали о них.

Как ни тяжела была жизнь, Мария Васильевна все время думала о муже. Существуя на полуголодном пайке, получаемом от института, она скопила 30 рублей и в начале пятидесятых годов, не имея средств на дорогу до Петербурга, поручила Д. П. Иванову, родственнику Белинского, установить простое надгробье на месте погребения близкого и дорогого человека. Этот первый небольшой памятник и помог сохранить для потомства могилу великого сына русского народа.

Не только в России, но и за ее пределами почитатели Белинского помнили о нем. Уже в ноябрьских и декабрьских номерах за 1849 год на страницах газеты «La Voix Peuple» («Голос народа»), издававшейся Прудоном, появилась на французском языке статья под названием «Россия». Ее написал А. И. Герцен. В своей публикации он подчеркивал: «Русский крестьянин суеверен, но равнодушен к религии, которая для него, впрочем, является непроницаемой тайной. Он для очистки совести точно соблюдает все внешние обряды культа; он идет в воскресенье к обедне, чтобы шесть дней больше не думать о церкви. Священников он презирает как тунеядцев, как людей алчных, живущих на его счет. Героем всех народ-

ших непристойностей, всех уличных песенок, предметом насмешки и презрения всегда являются поп и дьякон или их жены».

Эти строки напоминают следующие слова Белинского, высказанные в знаменитом письме к Гоголю: «Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника... Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, сивухи, низкопоклонничества, бесстыдства?.. По-Вашему, русский народ — самый религиозный в мире!.. Прислушайтесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности».

Через полтора года Герцен опубликовал свою известную работу «О развитии революционных идей в России» сначала в немецком журнале, издававшемся А. Колачеком, а затем отдельной брошюрой на французском языке, выпущенной в Ницце. В этом произведении Герцен высоко оценил общественно-публицистическую деятельность критика. Разоблачая высказывания либералов и открытых монархистов о его «неучености», автор доказывал, что Белинский «обратился к науке с серьезными вопросами, вооруженный страстной диалектикой. Для него истины, вопросы были не абстракциями, не игрой ума, а вопросами жизни и смерти; свободный от всякого постороннего влияния, он вступил в науку с тем большей искренностью; он ничего не старался спасти от огня анализа и отрицания и совершенно естественно восстал против половинчатых решений, робких выводов и трусливых уступок».

Далее Герцен писал: «Белинский много сделал для пропаганды. На его статьях воспитывалась вся учащаяся молодежь. Он образовал эстетический вкус публики, он придал силу мысли... возбуждая иные вопросы и иные сочинения. Его недостаточно оценили; при его жизни было слишком много людей с раненым самолюбием, с задетым тщеславием; после его смерти правительство запретило писать о нем...»[1]

Большую настойчивость в популяризации наследия Белинского проявил известный педагог и писатель А. А. Чумиков, близкий к кружку петрашевцев. В 1851 году, совершая поездку по городам Западной Европы, он в Бер-

[1] А. И. Герцен. Указ. соч., т. 7, с. 236, 237, 238

лине и Париже встречался с русскими революционно настроенными эмигрантами, рассказывал о положении в России, о тех жестоких мерах, которые предпринимало самодержавие по отношению к печати и передовым литераторам. В ходе таких встреч и бесед Чумиков предложил опубликовать привезенную с собой переписку Белинского с Гоголем в немецких или французских изданиях.

Но это намерение осуществить не удалось. Лишь небольшой отрывок письма Белинского к Гоголю появился в штутгартской газете «Das Ausland» («Заграница») от 16 августа 1851 года. Второй отрывок, характеризующий роль русского духовенства, был опубликован в этой же газете 29 декабря.

Чумиков послал переписку Белинского с Гоголем Герцену и просил его поместить материалы в каком-либо журнале или газете. Выполнять эту просьбу Герцену помогал видный французский историк Ж. Мишле, при участии которого текст письма Белинского к Гоголю был переведен на французский язык.

Однако знаменитый документ и на сей раз не появился в печати. Только в 1855 году в первой же книге «Полярной звезды» Герцен опубликовал переписку Белинского с Гоголем. В ней Герцен видел не частное явление в отношениях двух корифеев русской литературы, а ту полемику, которая затронула все стороны русской жизни и приняла общественный характер.

Обнародование письма Белинского к Гоголю в «Полярной звезде» имело важное значение, так как это издание Герцена пользовалось огромным успехом среди наиболее передовых слоев русского общества. Доставленные в Россию экземпляры «Полярной звезды» передавались под строгим секретом из рук в руки. Не ограничиваясь лишь чтением, многие снимали копии с письма Белинского, и документ, имевший огромное агитационно-пропагандистское значение, с еще большим успехом распространялся как в столичных, так и в провинциальных городах русского государства.

В данном же томе были помещены отдельные главы из «Записок Искандера» («Былое и думы»). В этом великом творении Герцен снова обращается к образу великого критика. «Я считаю Белинского, — свидетельствовал Герцен, — одним из самых замечательных лиц Николаевского периода».

Раскрывая значимость его публицистики, мемуарист обращал внимание читателей на неустрашимую последовательность и смелость в оценке происходивших событий, умение обходить цензурные «отмели» в борьбе с литературной аристократией. «Статьи Белинского, — указывал Герцен, — судорожно ожидались молодежью в Москве и Петербурге, с 25 числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли «Отечественные записки», тяжелый номер рвали из рук в руки: «Есть Белинского статья?» — «Есть», — и она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами... и трех-четырех верований, уважений как не бывало»[1].

В воспоминаниях Герцен рассказал об обаятельной личности Белинского, его житейских делах и показал «мощную гладиаторскую натуру» бойца, который в «страшное николаевское время стойко распространял свободолюбивые идеи. Он, по словам мемуариста, с необычной смелостью и последовательностью нападал на «нашу аристократию, на этих статс-секретарей литературы, готовых всегда взять противника не мытьем — так катанием, не литкритикой — так доносом. Белинский стоял за беспощадно, терзая мелкое самолюбие этих чиновных, ограниченных писателей... любителей образования, благотворительности и нежности; он отдавал на посмеяние их дорогие, задушевные мысли, их поэтические мечтания, цветущие под сединами, их наивности, прикрытую аптинской лентой. Как же они за то его и ненавидели!»

В условиях жестоких репрессий и цензурно-полицейской реакции лучшие представители России не забыли великого критика, на традициях которого росли и воспитывались новые кадры борцов с самодержавием и крепостным рабством. Со смертью Николая I, с усилением революционной ситуации, вызванной ростом крестьянских восстаний, они возродили учение Белинского и объявили его своим идейным вождем.

---

[1] «Полярная звезда» на 1855 год. Факсимильное издание. М., 1966. с. 95–96

ВОЗРОЖДЕННЫЕ ИДЕИ

Сторонники и продолжатели дела Белинского, несмотря на строгости цензуры, стремились пропагандировать его идеи. Особенно эта тенденция усилилась на страницах журнала «Современник» с середины 1854 года. Некрасов и Чернышевский стали активно восстанавливать позиции, утраченные в период разгула реакции. Отстаивая революционно-демократические взгляды Белинского, они умело опирались на его теоретические положения в борьбе за реалистическое искусство как могучее средство познания и преобразования окружающей действительности.

В первую очередь надо было нанести удар по проповедникам либерально-дворянского направления в литературе. Они призывали писателей не касаться «мелочей» жизни, уйти «в мир призрачных мыслей», так как каждый художник, по их мнению, независим в своих деяниях от общества и насущных вопросов времени. Приверженцы субъективно-идеалистических взглядов на искусство извращали основное требование Белинского, считавшего, что «свобода творчества легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя, писать на темы, насиловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужна симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни»[1].

---

[1] В. Г. Белинский. Указ. соч., т. VI, с. 286

Сторонники «чистого искусства» направили свой огонь против революционно-демократической критики, которая, по выражению Белинского, являлась «движущей эстетикой». Они, в частности, обвиняли его в «грубости, резкости суждений и непоследовательности». Таким образом, все их усилия сводились к тому, чтобы лишить русскую литературу направляющих начал ее развития в борьбе с отрицательными явлениями жизни.

Против эстетов выступил Чернышевский. В июльском номере «Современника» за 1854 год появилась его статья «Об искренности в критике». В ней он возобновлял традиции Белинского, который указывал, что есть два способа «выговаривать новые истины: один — уклончивый, а другой — прямой и резкий».

Именно об уклончивой критике, царившей в тогдашних периодических изданиях, говорил в своей статье Чернышевский, подчеркивая при этом, что она стала слишком уступчивой, неразборчивой, малотребовательной. Особенно выделял молодой сотрудник «Современника» журнал «Отечественные записки», взявший, по его словам, на себя труд защищать и хвалить «умеренную и спокойную критику»[1].

И далее Чернышевский, впервые открыто цитируя ряд выдержек из статей Белинского, писал, что эпиграфом к изложенному выше можно взять слова из тех же «Отечественных записок», сказанные довольно давно:

«У нас еще надо толковать о таких простых и обыкновенных понятиях, о которых уже не толкуют ни в одной литературе».

Заканчивая статью, Чернышевский снова напомнил слова Белинского и в заключение указывал: «Критика не должна быть журнальною перебранкою; она должна заняться делом более серьезным и достойным — преследованием пустых произведений и, сколько возможно, обличением внутренней ничтожности и развалины произведении с ложным содержанием»[2].

В это же время Чернышевский окончательно доработал свою магистерскую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности». В письме к отцу он указывал, что проблемы, поднятые в ней, имеют весьма

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. I, с. 336.

[2] Там же, с. 340, 358, 361. Ср.: В. Г. Белинский. Указ. соч., т. IV, с. 437.

важное значение, ибо «у нас очень затмились понятия о философии с тех пор, как умерли или замолкли люди, понимавшие философию и следившие за нею». Здесь автор письма, по всей вероятности, намекал на Белинского. И не удивительно. По выражению Д. Я. Райхина, мысль Белинского «Природа — вечный образец искусства» легла в основу диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности».

Выдвигая свой известный тезис «Прекрасное — есть жизнь», Чернышевский утверждал, что, кроме действительности, нет других источников, способных породить прекрасное. Тем самым Чернышевский развивал важнейшее положение материалистической эстетики Белинского: «...все прекрасное заключается только в живой действительности»[1].

Разрабатывая основные законы эстетики, Чернышевский глубоко изучал наследие Белинского. Многие положения, выведенные в диссертации, прямо или косвенно заимствованы у него. Это касается идейности литературы и искусства, их цели и назначения, учения о художественности, соответствия формы содержанию и т. д. Об этом, в частности, говорил сам Чернышевский в рецензии на свою работу, опубликованную в июльском номере «Современника» за 1855 год. Он подчеркивал, что «воззрения на искусство», изложенные в диссертации, связаны «с двумя системами идей — начала нынешнего века, с одной стороны, и последних (*двух прибавим от себя*) десятилетий — с другой»[2].

Если о Гегеле, как крупнейшем представителе немецкой идеалистической философии начала XIX века, автор рецензии мог говорить открыто, то о выразителях «другой системы» последних двух десятилетий — материалистической он по цензурным условиям вынужден был выражаться эзоповским языком. Но в некоторых статьях Чернышевский неоднократно давал понять, что наряду с Фейербахом многое в этом направлении сделал критик «гоголевского периода», т. е. Белинский.

О примечательной деятельности Белинского напоминал Чернышевский и в статьях о Пушкине, помещенных в февральском, мартовском, июльском и августовском номерах «Современника». Не называя открыто имени ве-

---

[1] Д. Я. Райхин. Белинский в школе. Учпедгиз, 1955, с. 113.
[2] Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. I, с. 170.

ликого критика, Чернышевский с позиций революционного демократа отстаивал его заслуги перед русским обществом, разоблачал эстетов, которые изменили заветам **«критики 40-х годов»**.

Верным учеником и продолжателем Белинского явился Некрасов. В ряде критических статей и обзоров он, как и Чернышевский, постоянно боролся за высокую идейность искусства, воскрешал традиции Белинского. Так, в «Заметках о журналах за октябрь 1855 года», которые были опубликованы в ноябрьском номере «Современника», рассматривая появившиеся на страницах «Отечественных записок» отзывы о сочинениях Гоголя, Некрасов писал, что касается нас, то мы всегда принадлежали и надеемся впредь принадлежать к тем, которые, по словам г. Писемского, питали *полную веру в лиризм Гоголя*, и думаем, что в России много найдется людей, думающих одинаково с нами. Напрасно г. Писемский ссылается на «горячего, с тонким чутьем, критика», который будто бы, *по преимуществу*, открыл в Гоголе социально-сатирическое значение. Критик, о котором говорит г. Писемский, выше всего ценил в Гоголе — Гоголя-поэта, Гоголя-художника, ибо хорошо понимал, что без этого Гоголь не имел бы и того значения, которое г. Писемский называет социально-сатирическим. Вспомним, что самое слово поэт в применении к писателю-прозаику начало на Руси появляться в первый раз в статьях этого критика по поводу Гоголя. А до него у нас думали, что поэтами называют **только людей, пишущих стихами»** [1].

Вслед за «Заметками» Некрасова в «Современнике» появляется целая серия публикаций Чернышевского под названием «Очерки гоголевского периода русской литературы». В этом замечательном труде продолжатель традиций великого революционного демократа всесторонне раскрыл его значение и заслуги в истории развития **русской общественной мысли.**

Уже в первой статье, помещенной в декабрьском номере журнала за 1855 год, автор, ссылаясь на Белинского, указывал: «Прежде всего скажем, что Гоголя должно считать отцом русской прозаической литературы, как Пушкина — отцом русской поэзии. Спешим прибавить, что это мнение не выдумано нами, а только извлечено

[1] Н. А. Некрасов. Сочинения. М., «Правда», 1954, т. 3, с. 397—398

из статьи «О русской повести и повестях Г. Гоголя», напечатанной ровно двадцать лет тому назад в «Телескопе». И далее Чернышевский добавлял: «...наши слова о значении произведений самого Гоголя будут только в немногих случаях дополнением, а по большей части только сводом и развитием воззрений, выраженных критикою гоголевского периода литературы, центром которой были «Отечественные записки», главным деятелем тот критик, **которому принадлежат «Статьи о Пушкине».**

Возрождая идеи Белинского, разоблачая сторонников «официальной народности» и защитников «чистого искусства», Чернышевский свидетельствовал, что нельзя проходить мимо высказываний относительно Гоголя представителей прежних литературных партий. «Это, — подчеркивал Чернышевский, — тем более необходимо, что критика гоголевского периода развивала свое влияние на публику и литературу в постоянной борьбе с этими партиями, что отголоски суждений о Гоголе, высказанных этими партиями, слышатся еще до сих пор...»[1]

Публикация «Очерков гоголевского периода русской литературы» совпала с некоторыми послаблениями цензурного надзора. Под напором передовой общественности и в связи с изменением исторических условий правительство вынуждено было упразднить 6 декабря 1855 года особый комитет 2 апреля. Близкие знакомые Белинского постарались незамедлительно воспользоваться этим. Сын знаменитого актера П. М. Щепкин и К. Т. Солдатенков, чтобы как-то материально помочь семье критика, сразу же обратились за разрешением о переиздании сборника «Стихотворения Кольцова. С портретом автора, его факсимиле и статьею о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским». В феврале следующего года **этот сборник поступил в продажу.**

Однако имя Белинского еще не могло занять соответствующее место на страницах «Современника». Когда Чернышевский подготовил к печати четвертую статью своих «Очерков», то Некрасов вынужден был 29 марта 1856 года обратиться к цензору В. Н. Бекетову с письмом. В нем он писал: «Почтеннейший Владимир Николаевич. Бога ради, восстановите вымаранные Вами страницы о Белинском. Это слишком печальное действие, и я надеялся и надеюсь от врожденного Вам чувства спра-

[1] Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. 1, с. 418—419, 429—430

ведливости, что Вы не будете гонителем беззащитного и только порушенного покойника — хотя в том случае, где Вам прямо не предписывает этого Ваша обязанность. Нет и не было прямого распоряжения чтобы о Белинском не пропускать доброго слова, равно не было велено и ругать его. Отчего же ругать его могли и ругали, а похвалить считаете опасным?.. Вам принадлежит честь первого печатно-пропущенного доброго слова о Белинском (в статьях о Пушкине). С тех пор много говорилось о нем в «Современнике» хорошего (не называя его), даже в «Отечественных записках» (в двух статьях) были добрые отзывы о нем; в «Петербургских ведомостях» упоминалась и самая его фамилия... Что же, разве из всего этого вышло что-нибудь дурное? Нет, и, я убежден, ничего не выйдет: у кого достанет духу подымать гонение за доброе слово о человеке, уже лежащем в земле, особенно в теперешнее время? Что же Вас вдруг смутило? Цензор Фон-Крузе в Москве пропустил сочинения Кольцова с биографией, писанной Белинским и подписанной его именем [1]. Вот и еще факт. — Самое худое, что может случиться, что после напечатания этих страниц — не велят хвалить Белинского. Ну, тогда и перестанем, а теперь умоляю Вас поступить с прежней снисходительностью».

Вероятно, цензор Бекетов не решился дать полного согласия на подготовленный к печати текст. Поэтому на страницах апрельского номера «Современника» читатели в который уже раз должны были «догадываться», о ком идет речь. Но и те иносказательные определения, касавшиеся Белинского, свидетельствовали о страстной пропаганде его идей, его заслуг перед русской литературой. Чернышевский говорил о достоинствах «критики гоголевского периода», особо подчеркивал, что «человека, который был органом этой критики, невозможно не признать гениальным» [2].

Лишь в пятой статье, помещенной в июльском номе-

---

[1] Многие литературоведы и историки указывают, что открытие Белинского после запрета впервые названо в печати в мае — в даже июле 1856 г., что не соответствует действительности (см.: В. Е. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. ГИХЛ, 1936, с. 112; В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. ГИХЛ, 1962, с. 11; В. Г. Белинский. Сборник статей, посвященных 150-летию со дня рождения. Пенза, 1961, с. 166, 187).

[2] Н. А. Некрасов. Сочинения. М., «Правда», 1954, т. 3, с. 423.

[3] Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. I, с. 578.

ре «Современника», Чернышевский окончательно утвердил право Белинского занять подобающее ему место в печати. Как в этой, так и в последующих статьях автор «Очерков» раскрыл неутомимую, полную благородной ярости деятельность своего учителя, назвав его первым историком русской литературы и главою критической школы существующих в России порядков. Путь развития, указывал Чернышевский, которым шла критика Белинского, определялся «тою существенной чертою, что она все более и более проникалась живыми интересами нашей действительности и вследствие того становилась все более и более положительною... Потому во многих людях, интересы которых основывались на господствующих заблуждениях, вражда против него доходила до непримиримого ожесточения»[1].

Противники Белинского в лице либералов и ярых защитников самодержавия обвиняли его в неучености, ограниченности, неумеренности, жестокости и прочих грехах. В связи с этим Чернышевский писал, что изучение сочинений великого критика «самым неоспоримым образом опровергает всякое сомнение в основательности его знаний. У нас мало было писателей, которых можно было бы сравнить с ним в этом отношении. Кажется, нельзя сказать, чтобы круг вопросов, обнимаемых его сочинениями, был тесен, а между тем, положительно видишь, перечитывая его статьи, что обо всех вопросах, каких ни касался он, он имел понятия очень основательные, которым могли бы позавидовать многие ученые писатели.

Что же касается его специальной науки — истории русской литературы, он был и до сих пор остается первым знатоком ее. В этом отношении никто из наших ученых не мог до сих пор сравняться с ним. Вообще, надо признаться, Белинский, будучи значительнейшим из всех наших критиков, был и одним из замечательнейших наших ученых. Это факт, неоспоримо доказываемый его сочинениями. Сомневаться в том значит обнаруживать или недостаток научного образования в себе, или свое незнакомство с сочинениями Белинского»[2].

Давая достойную отповедь либералам и крепостникам, Чернышевский в подтверждение своих мыслей приводил целые страницы из произведений Белинского, ука-

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. I, с. 690, 739.
[2] Там же, с. 754—755.

зывал, что «эти извлечения с достаточной ясностью возобновляют в памяти читателей личность гениального нашего критика»[1].

В наследии Белинского автор «Очерков» видел теоретические обоснования неизбежности победы новых общественных сил, которые, действуя сообразно с законами природы и духа, могут изменить действительность, т. е. самодержавные порядки России. Поэтому на творчество Белинского, делал вывод Чернышевский, «надобно смотреть не только как на замечательное историческое явление, но также и как на руководительный пример»[2]. (Разрядка моя. — *П. М.*).

Вслед за Чернышевским выступает его соратник Добролюбов. В ряде статей и рецензий, опубликованных в 1857—1860 годах в «Современнике», он говорит о Белинском как о талантливом и непревзойденном критике, который оказал огромное влияние на развитие умственных течений сороковых годов и сделался выразителем мнений лучшей части русской публики. Под его знаменем, писал Добролюбов, ратовала тогда литература против непризнания и застоя, от него заимствовала она свою энергию и жизнь.

Добролюбов восхищался боецовскими качествами Белинского в единоборстве с прислужниками царизма и журнальными приспособленцами, со всяким невежеством и злом. В первой статье «Литературные мелочи прошлого года», опубликованной в январском номере «Современника» за 1859 год, он отмечал великую нравственную стойкость, которую сохранил Виссарион Григорьевич в условиях невыносимого николаевского режима. Немногие, указывалось в статье, могли противопоставить всем невзгодам свои принципы и придать им реалистичность. Только у Белинского «внешний, отвлеченный принцип превратился в его внутреннюю, жизненную потребность преследовать свои идеи было для него столь же необходимо, как есть и пить»[3].

После смерти критика, подчеркивал Добролюбов, когда на страницах изданий процветала безвкусица, печатались всякие бездарные поделки вроде таких, как «Беды от нежного сердца», «Сердце с перегородками», «Не-

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. 1, с. 763
[2] Там же, с. 782.
[3] Н. А. Добролюбов. Указ. соч., т. 1, с. 274

тории одного женского сердца», «Слабое сердце», «О религиозно-языческом значении избы славянина», «О значении слова Баян» и т. п., «новое поколение перечитывало Белинского и немногих из трудов его (имелся в виду Герцен. — *П. М.*)... Таким образом, несмотря на молчание русской литературы, молодая, живая часть общества не переставала развиваться и постоянно старалась идти в уровень с современными требованиями».

Как установил литературовед М. Я. Поляков, невзирая на цензурные условия, Добролюбов с присущей ему смелостью первым в легальной русской печати попытался цитировать знаменитое письмо Белинского к Гоголю. В статье «Заграничные прения о положении русского духовенства», напечатанной в мартовской книге «Современника» за 1860 год, он писал: «Мужики наши ничего не читают, а можно ли сказать, чтоб они очень уважали священников и причетников? Стоит послушать сказки и роды и заметить, какая там роль дается попу, попадье, поповой дочери и попову работнику; стоит припомнить названия, какими честят в народе «поповскую породу», чтобы понять, что тут уважения не сохранилось»[1].

Оценивая наследие великого критика, Добролюбов утверждал, что до сих пор его влияние ясно чувствуется на всем, что только появляется у нас прекрасного и благородного; до сих пор каждый из лучших наших литературных деятелей сознается, что значительной частью своего развития обязан Белинскому. Поэтому, что бы ни случилось с русской литературой, как бы пышно ни развивалась она, говорилось на страницах «Современника», Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением.

Реабилитация Белинского, начатая Чернышевским и Добролюбовым, нашла горячую поддержку и сочувствие в передовых кругах русского общества. По случаю выхода в свет «Очерков гоголевского периода русской литературы» один из корреспондентов Герцена сообщал, что на Руси совершаются чудеса. Тургенев в письме к Л. Н. Толстому 16 (28) ноября 1856 года писал из Парижа: «Я радуюсь возможности их появления, радуюсь воспоминаниям о Белинском — выпискам из его статей — —

[1] См.: М. Я. Поляков. Виссарион Белинский. Личность — идеи — эпоха. М., 1960, с. 505—506

радуюсь тому, что, наконец, произносится с уважением это имя»[1].

Однако Лев Николаевич, находясь под влиянием либералов Анненкова и особенно Дружинина, на первых порах не мог согласиться с Тургеневым и в ответном письме назвал статьи Чернышевского «фетишизмом», поклонением старине и отжившим, по его мнению, понятиям. Спустя ровно месяц в следующем послании Иван Сергеевич, полемизируя с Толстым, указывал, что вопрос о взглядах и заветах Белинского является весьма острым и принципиальным, ибо речь идет об имени человека, который всю жизнь свою не знал не только счастья или покоя, но даже самых обыкновенных удовлетворений и удобств, что в него за высказывание тех самых мыслей, которые стали теперь общими местами, со всех сторон бросали грязью, камнями, эпиграммами, доносами, что он смертью избег судьбы, может быть, очень горькой. И далее, защищая наследие великого критика от нападок Анненкова и Дружинина, Тургенев делился с Толстым своими воспоминаниями о борьбе Белинского за «правильное и здравое развитие нашей словесности». В конце своего послания Иван Сергеевич, оправдывая адресата, писал: «Вы всего этого не застали — будучи 10-ю годами моложе нас... потому Вы и не судья заслугам Белинского»[2].

Переписка с Тургеневым оказала огромное влияние на Толстого. Последнее письмо от Ивана Сергеевича ему вручили на Новый год. В своем дневнике 1 января Лев Николаевич сделал такую запись: «Проснулся в 12-м часу, получил сухое, но милое письмо от Тургенева». Оно заставило Толстого по-иному взглянуть на литературно-критическую деятельность Белинского и его заслуги перед русским обществом. К сожалению, до наших дней не сохранились те издания с произведениями великого критика, которые внимательно читал Толстой. Но о том, что изучение наследия революционного демократа заинтересовало Льва Николаевича, свидетельствуют последующие дневниковые записи. Так, на другой же день, 2 января, он отметил: «Утром читал Белинского, и он начинает мне нравиться». Запись от 3 января начинается сло-

---

[1] И. С. Тургенев. Письма в тринадцати томах, т. III. М—Л., 1961, с. 43.

[2] И. С. Тургенев. Указ. соч., т. III, с. 61—62.

вами: «Очень поздно встал, прочел прелестную статью о Пушкине». А 4 января Толстой признался: «Статья о Пушкине — чудо. Я только теперь понял Пушкина». И далее великий писатель подтверждал: «Я решительно счастлив все это время. Упиваюсь быстротой морального движения вперед и вперед».

Об изменениях, которые происходили во взглядах Толстого, говорил и Боткин. В это же время он писал Тургеневу: «Толстой все это время здесь — ты бы не узнал его, если б увидел. Это во всех отношениях редкая натура; много сил и необыкновенное внутреннее стремление... Великий нравственный процесс происходит в нем».

Несомненно, как заметил литературовед Б. М. Эйхенбаум, большую роль в этом «нравственном процессе» сыграло знакомство со статьями Белинского. Возможно, что отсюда протягиваются нити не только к рассказу о погибшем гениальном музыканте («Альберт», задуманный в эти дни), но и к такой необыкновенной по идейной смелости и моральной страстности вещи, как «Люцерн» [1].

Об огромном значении наследия критика писали и другие ученые, литераторы. Так, прогрессивный русский экономист профессор П. К. Бабст в статье «Промышленное и техническое образование» заявлял: «Поверьте, скажем мы каждому технику, каждому инженеру, что творения Пушкина, что статьи незабвенного Белинского, читавшиеся с жадностью целыми поколениями молодых людей, внесшие в общество столько благородных мыслей, несравненно полезнее и в промышленном отношении целых сотен ремесленных школ, потому что только благодаря таким учителям и в ремесленные школы пойдет народ».

Как только представилась возможность открыто говорить о Белинском, друзья и соратники критика стали принимать меры, чтобы достойно почтить его память.

Издатели журнала «Современник» решили выпустить сборник литературных произведений в пользу семьи Белинского. Это начинание было восторженно встречено лучшими писателями того периода. Тургенев в письме к П. В. Анненкову 23 сентября (5 октября) 1857 года

---

[1] Б. Эйхенбаум. Лев Толстой за чтением Белинского.— «Молодая гвардия», 1956, № 2, с. 233. См. также: Б. Эйхенбаум. Наследие Белинского и Лев Толстой — «Вопросы литературы», 1961, № 6, с. 124—148.

сообщал: «Прежде всего — скажите Некрасову, что я обещаю ему две статьи — повесть или рассказ и воспоминания о Белинском. Я глазам не верю — неужели позволили наконец альманах с именем Белинского на заглавном листе и с отзывами о нем! Как бы то ни было — я с восторгом впрягаюсь в эту карету и буду везти из всех сил»[1]

По инициативе М. В. Белинской в Москве и Петербурге открылась подписка добровольных пожертвований на сооружение Белинскому нового надгробного памятника. За 1857—1858 годы было собрано 600 рублей. В подписке принимали участие Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, Пыпин, Ефремов, Линеньков и другие.

Личность Белинского все более привлекала внимание читающей публики. Она желала видеть дорогие черты этого истинного патриота русской земли, его портрет. Получилось так, что при жизни Белинского его облик ни разу не воспроизводился в печати. И вот в майском еженедельном листке «Иллюстрация» № 20 за 1858 год в России впервые были напечатаны портрет критика и первоначальный вид его могилы[2].

Но поистине величайшим событием в общественной и культурной жизни России явилось первое издание полного собрания сочинений Белинского в двенадцати частях. В этом благородном деле самое горячее участие приняла вдова критика. Все бумаги мужа Мария Васильевна передала в распоряжение давнего друга Виссариона Григорьевича П. Х. Кеччера. Он вместе с К. Т. Солдатенковым и Н. М. Щепкиным взял на себя хлопоты, связанные с подготовкой издания. Работа шла быстро. Уже в апрельском номере «Современника» за 1859 год Добролюбов писал: «В литературе нашей не может быть новости отраднее той, которая только что явилась к нам из Москвы. Наконец сочинения Белинского издаются. Первый том уже напечатан и получен в Петербурге; следующие, говорят, не замедлят. Наконец-то! Наконец-то...»

Восторженно приветствуя выход сочинений Белин-

---

[1] И. С. Тургенев. Указ. соч., т. III, с. 155

[2] Первая публикация портрета Белинского по известной автолитографии, исполненной худ. К. А. Горбуновым в 1843 г., сделана Герценом в «Полярной звезде» на 1856 г. в Лондоне.

ского, Добролюбов указывал на их значимость для русской публики, которой представилась возможность ближе познакомиться с этим гениальным человеком, его взглядами, сложившимися «в ожесточенной борьбе с невежеством, ложью и злонамеренностью своих противников».

Отрадным было и то, что издатели, выпуская творения критика, не преследовали коммерческой цели. Каждый том стоил один рубль, что было в три — четыре раза дешевле по сравнению с другими книгами такого же объема. Издание печаталось на хорошей бумаге, хорошо оформлялось, и к нему были приложены прекрасно гравированный Ф. И. Иорданом портрет критика и его факсимиле.

Первое собрание сочинений революционного демократа пользовалось исключительным успехом и в течение тридцати шести лет, т. е. с 1859 по 1895 год, переиздавалось семь раз. Оно сыграло огромную роль в развитии передовой литературы, искусства, оказало значительное влияние на рост революционной борьбы.

Никакие классы, курсы, писания сочинений, экзамены и все прочее, — писал В. В. Стасов, — не сделали столько для нашего образования и развития, как один Белинский... Он издали приготавливал то здоровое и могучее интеллектуальное движение, которое окрепло и поднялось четверть века позже. Мы все — прямые его ученики»[1].

Имя Белинского, указывал в своих воспоминаниях Н. И. Прозоров, заняло в то время одно из тех почетно высоких мест, когда каждый случай из его жизни, каждое слово о нем было дорого для публики. Она не только с жадностью читала и с глубоким наслаждением перечитывала его произведения, но желала знать биографию писателя. «Но для этого, — продолжал Прозоров, с которым Белинский учился в университете и жил в одной комнате, именовавшейся «Одиннадцатым нумером», — в настоящую минуту нет у нас никаких материалов, а поэтому всякий, кого только судьба сталкивала в жизни с этим замечательным литературным и общественным деятелем, обязан, по моему мнению, напечатать все, что известно ему о нем»[2]. Сам Прозоров

---

[1] В. В. Стасов. Соч., т. 3. СПб., 1894, столб. 1681

[2] «Библиотека для чтения», 1859, № 12, с. 1

рассказал о студенческих годах Белинского, истории возникновения его антикрепостнической драмы «Дмитрий Калинин» и исключения за нее молодого сочинителя из университета. Мемуарист поделился также своими мыслями о тех безотрадных порядках, которые насаждало в стенах учебного заведения «ученое начальство».

Желание публики иметь биографию критика вскоре было удовлетворено. Спустя несколько месяцев после появления воспоминаний Прозорова в Петербурге вышла небольшая книжка видного поэта-сатирика, обличителя чиновничье-бюрократических порядков в России Д. Д. Минаева, напечатанная под псевдонимом «Д. Свияжский». Она называлась: «Виссарион Григорьевич Белинский. Биографический очерк». Автор с большой симпатией относится к имени революционного демократа, указывает на его высокие нравственные качества, стойкое мужество в преодолении трудностей. Кратко описывая первоначальный период жизни и творчества критика, он говорил, что Белинский принадлежит к числу тех имен, которые «ярко и долго будут светить среди меркнувших и потухавших светил; и станут не одним пустым звуком для молодых поколений, для которых память об этом имени связана с собственным своим логическим развитием».

В этот период задумал свои статьи-письма о Белинском Тургенев. Но замысел писателя не осуществился. Тургенев напечатал в мартовском номере «Московского вестника» за 1860 год статью под заглавием «Встреча моя с Белинским». В 1862 году в Москве появился в продаже роман Тургенева «Отцы и дети», который писатель посвятил памяти революционного демократа.

Не только на страницах книг и журналов писалось о заслугах Белинского перед русским обществом. Находились смелые люди, которые говорили о нем с кафедр учебных заведений. Начало этому положено в Пензенской гимназии. В мае 1860 года директор училищ Пензенской губернии по настоянию передовых преподавателей обратился в Казанский учебный округ Министерства народного просвещения за разрешением о чествовании памяти Белинского по случаю пятидесятилетия со дня его рождения, ибо тогда считали, что он родился в 1810 году. При этом к прошению была приложена речь «О жизни и сочинениях Белинского», написанная

старшим учителем гимназии В. И. Захаровым — другом И. Н. Ульянова [1].

Получив указанные документы, попечитель округа направил текст доклада В. И. Захарова для проверки в Казанский университет. Кафедра историко-филологического факультета одобрила содержание речи, хотя усмотрела в ней небольшую резкость выражений против врагов и недругов Белинского. В результате в Пензу поступила директива, в которой давалось разрешение «произнесть возвращаемую при сем речь на торжественном акте гимназии» [2].

Страстный поклонник творчества Белинского, В. И. Захаров старался на уроках российской словесности привить своим питомцам самостоятельность в оценке не только литературных произведений, но и самой жизни. Даже комиссия, проверявшая знания учащихся в 1860 году, отметила в протоколе, что преподаватель Захаров с полной любовью, искренним одушевлением занимался своим делом; ответы учеников были ясны и отчетливы, в них видно было пробужденное преподавателем желание все понять самим и судить обо всем с полным участием» [3].

Не удивительно, что впоследствии руководящее ядро революционно-народнического кружка «Ад» и «Организация» составили Н. А. Ишутин, Д. В. Каракозов, стрелявший в царя Александра II в апреле 1866 года, Д. А. Юрасов, М. М. Загибалов — ученики В. И. Захарова [4]. «Под его влиянием, — показывал на допросе Загибалов, — мы все стали читать Белинского и учредили домашние литературные вечера»

Идеи Белинского распространялись повсеместно с небывалой быстротой. Его пламенное слово зажигало сердца людей, звало их на борьбу с царским деспотизмом. Об этом с нескрываемым негодованием сообщал давнишний противник Белинского Погодин. Совершая в

---

[1] Отец В. И. Ленина преподавал в Пензенском дворянском институте физику и математику с мая 1855 по июнь 1863 г.

[2] Государственный архив Пензенской области, ф. 81, д. 638, л. 3. В дальнейшем ссылки на указанный архив даются сокращенно — ГАПО.

[3] ГАПО, ф. 81, д. 639, л. 14.

[4] ГАПО, ф. 81, д. 638, л. 9; д. 639, лл. 22, 24, 42.

[5] И. Федоров. Выдающиеся учителя и просветители Пензенской губернии. Пенза, 1958, с. 34.

1862 году путешествие в восточные районы России, он писал: «Сибирякам нужно правильное учение, основательное образование, — и вот о чем должно позаботиться ученое начальство. Оборони их бог от критики Белинского... от всей этой дребедени, которая завладела, хоть разумеется, до первого умного начальника, почти всеми гимназиями по сю сторону Урала».

Не осталась без внимания и семья Белинского. Почитатели его имени вошли с ходатайством в Литературный фонд о назначении ей пенсии. Комитет фонда 15 января 1860 года поручил его секретарю А. Д. Галахову собрать сведения о жене покойного и на основе их внести вопрос об оказании ей материальной помощи. Члены комитета Н. Х. Кетчер, Н. К. Бабст, М. М. Щепкин, проживавшие в Москве, навестив М. В. Белинскую, дали заключение, что она получает скудное жалованье, которое не может обеспечить даже самых необходимых потребностей жизни, здоровье ее в совершенно расстроенном состоянии, при ней находится дочь 14 лет, имеющая нужду в приличном воспитании, достойном имени и памяти отца ее.

17 февраля комитет назначил М. В. Белинской пенсию в размере 600 рублей в год. Семья критика смогла несколько раз выехать на лечение в Гапсал на Балтику для приема морских и грязевых ванн, нанять учителей, чтобы подготовить Ольгу Виссарионовну для сдачи экстерном экзаменов на полный курс при Московском университете на право гувернантки-воспитательницы.

В 1865 году материальное положение М. В. Белинской значительно улучшилось. Она получила от издателей собрания сочинений ее мужа 11 тысяч рублей возвратила деньги и решила обратиться в Литературный фонд с заявлением, в котором просила снизить ей наполовину пенсию с тем, чтобы «другие нуждающиеся литераторы и их семейства могли пользоваться остальною половиной».

О ее высоких гуманных чувствах к простому человеку, стремлении оказать поддержку попавшим в беду людям ярко свидетельствует также письмо к Н. М. Щепкину. В нем М. В. Белинская писала: «Из 600 рублей, собранных на памятник Виссариону Григорьевичу, нельзя иметь такую стипендию, как в память Грановского, но можно в нынешнем году, когда будут поступать в университет студенты, за троих из них, самых бедных, внести по 50 рублей, а так как курс продолжается четыре

года, то на эти 600 рублей они могут в память Белинского получить образование»[1].

Предложение М. В. Белинской, по-видимому, осуществилось, так как в начале 1866 года она сдала мастеру Долгину заказ на изготовление надгробного памятника на могилу мужа за счет личных средств и уплатила ему 500 рублей. Этот памятник, установленный в июле 1866 года, до сего времени украшает место погребения критика.

Все растущий авторитет Белинского, распространение его идей вызвали противодействие либералов и прямых сторонников крепостных порядков в России. Вокруг имени критика разгорелась борьба еще более острая, чем при его жизни. Газеты и журналы, отражавшие взгляды реакции, обрушились на творчество критика и даже на его личные достоинства как человека.

С появлением в печати «Очерков» Чернышевского ряд литераторов, как В. П. Боткин, С. С. Дудышкин и другие, возглавляемые влиятельным писателем и критиком А. В. Дружининым, не замедлили подать свой голос. Орган этих либералов — проповедников идеалистической теории «искусства для искусства» — Библиотека для чтения» (1856 г., № 11 и 12) опубликовала статьи своего редактора Дружинина под названием «Критика гоголевского периода и наши к ней отношения». В них со всей полнотой и заметилось размежевание представителей двух исторических тенденций, двух исторических сил, — как указывал В. И. Ленин, — которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют ход борьбы за новую Россию»[2].

Полемизируя с Чернышевским, Дружинин не только оспаривал прогрессивность «гоголевского периода в литературе», не только отрицал его значение для последующего поколения писателей, но, главное, старался оторвать литературу от общественных интересов, ратуя за светское «успокоительное» искусство, далекое от жизни и политической борьбы. Острие своей полемики он направлял не столько против Чернышевского, сколько против Белинского, как вдохновителя общественных литературных явлений сороковых годов и теоретика реализма.

---

[1] «Литературное наследство», т. 57, с. 322.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174—175.

Защищая идеи «чистого искусства», автор берет под сомнение правильность критики Белинского, говорит, что в ней «мы беспрерывно подмечаем страницы невыносимо лживые, выводы более чем детские. И особенно в последние годы», т. е. в годы, когда с полной силой развернулись талант и мастерство критика, определились его политические взгляды как революционного демократа.

Дружинин обвинял Белинского в том, что он держал литературу под неослабным контролем, сокрушался, что никто из тогдашних критиков не смог дать ему достойную отповедь за нападки на таких «прекрасно чувствующих» поэтов, как Марлинский и Бенедиктов, и переписку Гоголя. Под личиной защиты интересов литературы лидер сторонников «чистого искусства» призывал «изменить убеждения», сложившиеся под влиянием критики сороковых годов, удалиться «от житейских тревог и мутной современности», уйти «в область возвышенного мира».

Еще более рьяно выступил против Белинского поэт князь Вяземский. Он не осмелился на первых порах излить свое возмущение в печати. Под предлогом, что ему самому «по чину не подобает» выступать с полемикой (Вяземский в то время занимал должность товарища министра народного просвещения), он решил найти достойного партнера и с его помощью обрушиться на творчество Белинского. Выбор пал на махрового реакционера профессора Шевырева. «Подайте свой голос,— обращался к нему Вяземский 1 января 1857 года,— против этой реставрации, этого апофеоза памяти Белинского, которому все журналы наши поют ныне акафисты и панихиды, даже и «Русская беседа» называет его столь сильным деятелем в нашей литературе. Да разве баррикадники, которые ломают мостовую, разве они деятели? Белинский был не что иное, как литературный бунтовщик, который, за неимением у нас места бунтовать на площади, бунтовал в журналах».

Но и Шевырев не нашел в себе мужества открыто опровергнуть Белинского. В ответном письме от 9 декабря 1857 года он поучал высокопоставленного чиновника, чтобы тот силой власти помешал размножать в России племя «таких учителей, как Белинский, вместе с его учением...», иначе он будет виновником этого размножения, на него ляжет ответственность перед все-

ми литературными предками. «Я же решился писать к вам это письмо, — оправдывался Шевырев, — чтобы снять с себя перед ними и потомками ответственность, что при этом случае не подал вам искреннего своего голоса и не вступился за будущее отечества».

Заступники самодержавной идеологии нашлись и в газете «Северная пчела». Ее сотрудник Ксенофонт Полевой, вспомнив свои пасквильные заметки 1848 года о Белинском, спустя одиннадцать лет снова выступил со статьями, пропитанными злобой и ненавистью. Как и Дружинин, он отдает предпочтение начальному периоду творчества критика, когда Белинский «показывал ум и наблюдательность», когда не думал быть «оракулом партии», когда его идеи не имели еще решающего влияния на русское общество.

К. Полевой откровенно высказал мнения своих единомышленников, видевших в Белинском не человека «поэзии в мире идеалов», а «поклонника богини Разума», который замечал прекрасное «только в вещественном, осязаемом, материальном и отсюда обожал Кольцова, Гоголя и не понимал Жуковского». Они старались уверить читателя в том, что Белинский «не принес никакой пользы» для литературы и только портил у людей вкус, извращал понятия, внушал ложные мысли молодежи.

В противовес Чернышевскому, который называл Белинского «одним из замечательнейших наших ученых», К. Полевой охаивал личные качества критика, утверждая, что он был «человек с умом тяжелым, не образованным», имел «жалкое нравственное воспитание». «Северная пчела» вещала, что лучше всего «не издавать более сочинений Белинского», которые «не представляют никаких достоинств» для «внимания современной публики».

Вслед за К. Полевым на страницах этой же газеты выступил небезызвестный Погодин, который писал: «Белинский принес пользу тем, кто не имел никаких других учителей, кроме него, принес, может быть, пользу своему времени, но останавливаться теперь на Белинском... есть знак ограниченности, бездарности и, смею сказать, невежества».

Но любовные атаки реакционеров не имели успеха. Слишком заметна была их злопыхательская тактика, направленная на уничтожение Белинского. Поэтому доволь-

...ты «православия, самодержавия и народности» решили пойти на извращение учения Белинского и путем подбора соответствующих цитат из сочинений критика объявить его не кем иным, как... самым последовательным мистиком. С этой целью в 1862 году была издана при непосредственном участии министра народного просвещения Головина анонимная книга «Белинский как моралист», где указывалось, что «редко у кого из светских писателей можно еще встретить такое благоговение к слову Евангелия, как у него».

Нападки реакционеров на революционную демократию поддерживало правительство. Оно свело в могилу Добролюбова, упрятало на каторгу Чернышевского, заключило в Петропавловскую крепость Писарева. Выстрел Каракозова в царя повлек за собой усиление репрессий, закрытие ряда прогрессивных журналов, строгость цензуры.

Вместо Головина министром народного просвещения стал Д. А. Толстой, одновременно занимавший должность обер-прокурора синода. Этот «умный начальник», о котором долго и мечтал Погодин, принял ряд мер, направленных против Белинского. При посещении гимназий и других учебных заведений он лично срывал со стен портреты великого критика, выбрасывал и уничтожал его книги. Не довольствуясь этим, Д. Толстой издал специальный циркуляр, в котором запрещал иметь в ученических библиотеках сочинения Белинского.

Как ни старался министр, он не смог оградить вверенные ему заведения от влияния Белинского, идеи которого проникали не только в светские, но и духовные школы. Об этом свидетельствует секретное предписание святейшего синода от 27 апреля 1870 года, разосланное во все епархии. В нем говорилось: «По поводу допущенных в одной из семинарий преподавателем словесности чтения ученикам из сочинения Белинского и Добролюбова, как на учебные пособия, Святейший Синод определением от февраля сего года постановил сообщить епархиальным преосвященным конфиденциально, чтобы приняли надлежащие меры к изъятию сочинений этих авторов в семинариях, а равно и из семинарских библиотек»[1].

---

[1] Архив Государственного музея-усадьбы В. Г. Белинского, папка № 1, л. 57

В условиях наступившей реакции и полицейских преследований, когда на имя революционного демократа опять обрушились его недруги и главный враг — царизм, вдова критика не могла перенести унижений и оскорблений, допускаемых в отношении мужа, и вынуждена была покинуть Россию.

Несколько лет пробыла Мария Васильевна за границей. Вместе с дочерью она жила в Германии, Швейцарии, Италии, а затем переехала на остров Корфу в Грецию. Здесь Ольга Виссарионовна познакомилась с помощником прокурора крепости Корфу Георгиосом Бенисом. Надежд на возвращение в Россию не предвиделось, и в 1873 году, когда Г. Бенис попросил ее руки, она ответила взаимностью.

В эти годы М. В. Белинская поддерживала связь с революционно настроенной русской эмиграцией. В 1874 году она совершила поездку в Лондон, где встретилась с Огаревым. В записке на его имя жена критика писала: «Очень жаль, что Вы хвораете. Надобно надеяться, что с переменой погоды Вам будет легче, и я еще раз побываю у Вас: я пробуду здесь недели две, а может быть и больше. Я Бакунина не видела, а надеюсь его видеть в скорости на возвратном пути, и если Вы напишете ему письмо, я с удовольствием его доставлю»[1].

Из письма видно, что М. В. Белинская выполняла некоторые поручения, которые ей давались за границей. Так, перед отъездом из Лондона Огарев вручил Марии Васильевне рекомендательный адрес на имя своего приятеля и тестя А. А. Тучкова, проживавшего в селе Ихнтово Пензенской губернии. В короткой записке Огарев указывал: «К тебе едет жена моего покойного друга Белинского. Прими ее братски в мое старое воспоминание»[2].

Цель поездки Марии Васильевны в пензенские края до сего времени остается загадкой и ни в одном исследовании пока не раскрыта. Если предположить, что она желала посмотреть на места, где прошли детские и юношеские годы ее мужа, то ей лучше было бы остановиться у сестры Белинского — Александры Григорьевны, которая проживала тогда в Нижнем Ломове, значительно

---

[1] Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 137.

[2] «Литературное наследство», т. 63, 1956, с. 90.

ближе к Чембару и Пензе, чем село Яхонтово, где находилось поместье Тучкова.

В связи с этим невольно возникает вопрос: не являлся ли он агентом заграничной «Вольной русской типографии»? Ведь в изданиях Герцена и Огарева помещались многие корреспонденции, рассказывавшие о событиях в Пензенской губернии. Причем сведения, как правило, были весьма достоверными, которые нередко исходили из секретных данных, рассылаемых предводителям дворянства и полицмейстерам из канцелярии губернатора. Например, в «Колоколе» неоднократно сообщалось о жестоком подавлении крестьянских выступлений в селах Танеевке, Пушкине, Жмакине, Зыкове и других, расположенных недалеко от Яхонтова.

К тому же по своим взглядам Тучков принадлежал к наиболее прогрессивной части русского общества. Еще в молодости он примыкал к кругу декабристов. Его вольнолюбивые мысли проявлялись и в пятидесятых — шестидесятых годах. Пензенский губернатор не раз доносил в III отделение, что предводитель дворянства Тучков внушает «молодым людям в высшей степени либеральные мысли и распространяет ложное понятие о коммунизме»[1].

Не исключено также, что Тучков являлся одним из связующих звеньев, через которые проходила в Россию запрещенная литература, издававшаяся за границей. Если это так, то М. В. Белинская могла передать адресату вместе с запиской и печатные материалы.

Как бы то ни было, но Мария Васильевна стремилась в эти трудные годы вложить посильную лепту в благородное дело, за которое боролся покойный муж. Ее утешали встречи с товарищами и близкими критику людьми. Она старалась оказать им по возможности моральную поддержку и дружескую помощь.

В семидесятых годах к творчеству и личности Белинского обращается ряд литераторов, художников, скульпторов.

В 1871 году известный живописец Н. Н. Ге, который, еще будучи студентом, запечатлел первоначальный вид могилы Белинского, на основе собранных воспоминаний о нем, благодаря непосредственной помощи выдающегося скульптора-реалиста, близкого к передвижникам

[1] «Литературное наследство», т. 67, 1959, с. 580.

М. М. Антокольского, закончил работу над бюстом критика. Это было первое воспроизведение образа революционного демократа в скульптуре.

В этот же период начал работать над портретом Виссариона Григорьевича академик живописи К. А. Горбунов, родившийся в селе Владыкино Чембарского уезда Пензенской губернии. После 25 лет, прошедших со времени написания им небольшого полотна-эскиза «Белинский на смертном одре», Горбунов снова воспроизводит его образ. На этот раз он пишет портрет в масле по заказу известного собирателя П. М. Третьякова. Единственный художник-профессионал, который ранее с натуры нарисовал несколько портретов Белинского, с большим вниманием отнесся к поручению основателя будущей знаменитой картинной галереи.

Для большей точности воспроизведения дорогого образа своего друга он неоднократно приглашал на консультации Тургенева и других современников критика, которые хорошо знали его при жизни. В результате был создан портрет, по праву завоевавший самую высокую оценку знатоков иконографии Белинского. Работу Горбунова Третьяков купил за 300 рублей. В 1889 году этот портрет был передан в Саратовский музей имени Радищева, где он находится и до настоящего времени.

В 1879 году портрет Белинского создает крупнейший русский живописец-передвижник В. М. Васнецов. В основу портрета была положена гравюра Нордана, снятая с рисунка Горбунова. Выдающемуся мастеру удалось передать мужественный образ революционного демократа. Мало кто из исследователей творчества Васнецова говорит об этой работе художника, так как оригинал не дошел до наших дней, сохранились с него лишь литографии, ставшие редкостью.

В 1879—1881 годах дорогие черты Белинского привлекли внимание художника П. А. Астафьева. Сначала он пишет маслом небольшой портрет-эскиз, а затем делает прекрасный рисунок в карандаше. Материалом для создания портретов послужили посмертная маска, полученная П. А. Астафьевым от К. А. Горбунова, и его консультации.

В настоящее время портреты Белинского, созданные Астафьевым, широко известны. Эскиз маслом хранится в Государственном Литературном музее, а рисунок карандашом — в Третьяковской галерее.

Но самым знаменательным событием в популяризации наследия критика после издания его собрания сочинений явилась двухтомная монография А. Н. Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка», вышедшая в 1876 году. До этого она печаталась в журнале «Вестник Европы» за 1874—1875 годы. Это была первая научная биография великого критика, в которой рассматривался весь его жизненный и творческий путь.

Автор монографии доводился двоюродным братом Чернышевскому. Вместе они росли в Саратове, затем оба начали сотрудничать в петербургских журналах. Александр Николаевич всю свою жизнь посвятил литературе. Его труды переводились на немецкий, французский, чешский и другие языки. В начале семидесятых годов Российская академия наук избрала Пыпина своим сочленом по кафедре русской истории. Но министр народного просвещения Д. А. Толстой рьяно выступил против этого, ибо не мог простить ученому ту высокую оценку, которую он дал заслугам Белинского в известном исследовании «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов».

Пыпин, не считаясь со временем и материальными затратами, много сил приложил для того, чтобы собрать, снять копии с большей части писем критика, находившихся у А. А. Бакунина, Солдатенкова, Тургенева, Н. П. Иванова, А. А. Фета, А. В. Станкевича и других. Подлинники многих посланий позже пропали. Поэтому благодаря стараниям Пыпина до наших дней сохранилось бесценное эпистолярное наследие революционного демократа.

Кроме того, по просьбе Пыпина написали воспоминания о Белинском его современники, близкие к нему люди — И. И. Панаев, И. А. Гончаров, К. Д. Кавелин, П. В. Анненков, ценные сведения и ряд документов предоставили И. Н. Захарьин (Якунин), Е. Н. Ядушкин, Н. Х. Кетчер, Е. Ф. Корш, Н. А. Ефремов, А. Д. Галахов. Ученый не ограничился названным кругом лиц. Он постарался установить связи со многими знакомыми критика и по возможности пополнить свой архив дополнительными сведениями.

«Переписки Белинского, — делился своими мыслями с одним из корреспондентов Пыпин, — у меня собралось теперь почти тома на четыре средней величины; но издание ее, я убежден в этом, еще невозможно в насто-

яшее время». Автор монографии указывал, что писать «очень трудно», однако, независимо от этого, он полон энтузиазма, чтобы создать труд, достойный памяти великого человека.

Пыпин считал своим долгом на основе имеющегося материала воспроизвести личность Белинского в последовательном развитии его характера и взглядов под многоразличными влияниями общественной среды и под властью тех идеалов, проповедь которых наполняла его литературную деятельность и дала, наконец, этой деятельности широкое общественное значение»[1].

Анализируя эпоху Белинского, Пыпин констатировал, что обширная популярность его имени вызывала ожесточенную ненависть одних и горячее уважение других. Это не случайное явление, ибо он смело бичевал существующую действительность, благодаря ему возник тот водораздел, который разграничивал все прогрессивное и консервативное.

Защищая Белинского от злобных нападок и клеветы со стороны реакции, Пыпин с глубокой симпатией показал нравственную силу критики Белинского, его благородные человеческие достоинства.

Опровергая К. Полевого, М. Погодина, славянофилов И. Аксакова, Ю. Самарина, которые утверждали, что в сочинениях Белинского ничего нет своего и они подобны «объедкам с чужого стола», Пыпин показал самостоятельность мышления критика, раскрыл значение его наследия для развития русской передовой общественной мысли. Пыпин писал, что Белинский первый внес критический анализ в историю нашей литературы и явился лучшим ее знатоком. Приводя в примере с некоторыми сокращениями письмо Белинского к Гоголю, Пыпин указывал, что в нем наиболее четко отражены стремления критика, для которого интересы литературы стали неразделимы с интересами самой жизни, ее социальными изменениями. Автор монографии подчеркивал, что Белинский не мог при тогдашней цензуре высказывать и десятой доли того, что ему хотелось сказать, но в близком ему кружке он ставил открыто насущные вопросы, которые необходимо решить. К ним в первую очередь относились свобода слова и печати, отмена крепостного права, улучшение суда, расширение образования, осво-

---

[1] «Вестник Европы», 1874, № 3, с. 207

божденне личности и особенно женщин от всех домостроевских порядков[1].

Пыпин сожалел, что «стесняющие обстоятельства» не позволяют ему сказать большего, ибо и на его статьи, как он сообщал в одном из писем, было «обращено предостерегающее внимание». Поэтому биограф критика вынужден был приспосабливаться к «духу времени» и придавать своей книге более спокойный характер в изложении революционно-демократических взглядов Белинского, в какой-то мере затушевывать их

Однако, несмотря на эти недостатки, книга Пыпина имела исключительно прогрессивное значение и оказала огромное влияние на публику, что признавали даже представители лагеря славянофилов. «Должен теперь сознаться, — писал 8 июля 1877 года Кошелев, — я Белинского до сих пор вовсе не знал и судил о нем по чужим словам. Я слышал о Белинском самые невыгодные отзывы от Погодина, Шевырева и других. Сам я почти ничего не читал из сочинений Белинского. Из книги, только что мною прочитанной, вижу, что Белинский был человек отменно-даровитый, пламенный, что он во всю жизнь страстно любил истину и искал ее неустанно... Конечно, он не дошел до верных и чистых; конечно, не дали ему вполне развиться, но толчок он дал значительный, и за это ему спасибо и вечная память».

Страстный интерес к публикациям Пыпина проявил Ф. М. Достоевский, который стал смотреть, по выражению литературоведа В. Я. Кирпотина, на наследие Белинского «через призму изменившейся действительности». Над думами передовой молодежи и передовой интеллигенции стало властвовать народничество, считавшее одним из «своих предков» великого критика. Это привлекло внимание Федора Михайловича. Он начал рассматривать и примерять, соответствуют ли идеологические сдвиги в русском обществе заветам Белинского.

Новый оттенок в исканиях Достоевского вскоре сказался на его отношении к личности и деятельности Белинского. Теперь писатель не сомневался ни в искренности, ни в чистоте намерений, ни в патриотизме критика-трибуна. Взгляд Достоевского на Белинского в 1876 го-

---

[1] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка. Изд. 2-е. СПб., 1908, с. 581, 593, 595.

ду, свидетельствует В. Я. Кирпотин, имеет уже очень мало общего с настроениями, которые появились у него в период написания «Бесов» и заставили его в припадке безумного гнева назвать великого критика «парнем», отрицать в нем какие бы то ни было дарования. Достоевский счел своим долгом воздать должное достоинствам Белинского, что нашло широкое отражение в романе «Братья Карамазовы»[1].

Совершенно по-иному встретили публикации ученого ярые монархисты. Так, журнал «Русский вестник» — рупор крепостнической реакции, возглавляемый мракобесом Катковым, не замедлил выступить против Пыпина, пытаясь не только очернить его заступничество за Белинского, но и прямо высказать свое пренебрежение к творчеству великого критика.

В ходе общественной борьбы на рубеже семидесятых — восьмидесятых годов изменили свою точку зрения бывшие друзья Белинского — Анненков, Кавелин и другие, перешедшие от умеренного либерализма в лагерь открытых приверженцев царизма. Перепуганные революционным подъемом, они отказались от своих «вольнодумных» мыслей и постарались «приспособить» Белинского для своих интересов. Они договорились до того, что Белинский якобы полностью разделял точку зрения правительства и даже являлся чуть ли не сторонником самодержавия.

Анненков прямо утверждал, что Белинский никогда не был революционером, «любителем страшных социальных переворотов», и «все, что не носило на себе печати мысли, не имело интеллектуального характера и выражения, вселяло ему ужас».

Отрицая революционную сущность исканий Белинского, буржуазные интеллигенты делали попытку принизить боевой характер творчества критика, развенчать его значение для развития революционных идей в России и доказать, что конечная цель всех требований и призывов Белинского сводилась не к революции, а лишь к «распространению просвещения». Такой Белинский вполне устраивал идеологов пореформенной России, которые старались оторвать молодежь от революционных традиций и повернуть ее на путь просветительства.

---

[1] В. Кирпотин. Достоевский и Белинский. М., 1976, с. 196, 197, 230

Против либералов направил огонь своей сатиры М Е Салтыков, выступавший в печати под псевдонимом Н Щедрин Во многих циклах очерков, и прежде всего в таких, как «В среде умеренности и аккуратности», «Благонамеренные речи», «Круглый год», он зло высмеивал мечтателей-идеалистов, всяких постепеновцев, которые в прошлом увлекались прогрессивными идеями и считали себя сторонниками Белинского. Раскрывая процесс их нравственного падения, Михаил Евграфович со всей страстью обнажал внутренний мир русских реформистов, разоблачал тактику этих ренегатов, потерявших чувство ответственности за судьбы страны.

Так, в очерках «Круглый год» писатель ярко обрисовывал, как в пореформенную эпоху либералы осуждали «ошибки своей молодости», как многие из них, пройдя школу Белинского, становились ретроградами, «легко освобождались» от бывших увлечений и почти незаметно превращались в самых яростных помещиков, в чиновников-формалистов и даже писцов, «служителей крепостных дел»

Борьба вокруг памяти Белинского выразилась и в таком факте Еще при жизни Тургенев написал завещание, чтобы после смерти его тело перевезли в Россию и похоронили рядом с Белинским Это свидетельствовало об огромной любви Тургенева к Белинскому, о солидарности с его общественно-политическими взглядами, над которыми под конец своей жизни крупнейший русский писатель все больше задумывался Он понимал, что его творчество носит иной характер Отображая русскую действительность, Тургенев не призывал читателя на борьбу за освобождение народа от гнета самодержавия. Эту цель революционной борьбы масс он старался не заметить ни у Белинского, ни у его последователей — Чернышевского и Добролюбова.

Только после выхода в свет монографии Пыпина Тургенев писал «А Н Пыпин, в известной своей биографии Белинского, оспаривает мое мировоззрение на то, что я назвал неполитическим в темпераменте Белинского... Я готов согласиться с почтенным ученым: весьма вероятно, что оценка г-ном Пыпиным этой стороны характера нашего великого критика вернее моей»[1] Поэтому

---

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1962, с. 547

Тургенев пришел к выводу, что ему не по пути со своими бывшими друзьями, и в завещании дал отрез. к какой партии он принадлежит.

Когда умер Тургенев, перед либералами встал вопрос, как исполнить его завещание. Их беспокоила одна мысль: писатель принадлежал к потомственному дворянскому роду, и, следовательно, неприлично отводить место для его погребения в самом дешевом месте кладбища, где покоился прах критика. К такому заключению пришли члены похоронной комиссии, возглавляемой историком М. М. Стасюлевичем.

В «Русских ведомостях» за 15 сентября 1883 года они поместили сообщение, в котором указывалось, что прах Тургенева на Волковом кладбище рядом с могилой Белинского. Чтоб исполнить желание покойного, предполагается перенести туда же гроб Белинского.

Против этой затеи первой выступила М. В. Белинская. В письме на имя Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым она бросила: «...умоляю Вас употребить все зависящие от Вас средства, чтоб воспрепятствовать подобному решению, как святотатству, и неужели же и по смерти не оставят в покое того, кто всю жизнь был мучеником? Неужели же, чтоб чествовать одного, необходимо оскорблять другого? Если И. С. Тургенев желал быть похороненным возле приятеля своего Белинского, то и пусть исполняют желание его буквально. Тургенев не хотел и не требовал, чтоб тревожили прах его друга — и я, как вдова Виссарионова Григорьевна, протестую против перенесения его праха; теперь по крайней мере по памятнику, который я над ним поставила, все почитатели знают и посещают его могилу, чему доказательством служат постоянные венки на нем, а тогда место, где был похоронен Белинский, будет забыто и затеряно навсегда»[1].

Протест М. В. Белинской был горячо поддержан общественностью. За него выступили А. Н. Пыпин, известный философ М. А. Антонович и другие. В результате могила Белинского осталась неприкосновенной, а желание Тургенева исполнено наполовину. Члены комиссии отделили место на 10 могил за 1500 рублей и, приблизительно

---

[1] «Литературное наследство», т. 57, 1951, с. 321

зившись к границе «литераторских мостков»[1], похоронили Тургенева все же на дворянской части кладбища.

В то время когда почитатели великого критика отстаивали от посягательств его могилу, А. А. Наумов заканчивал работу над своей известной картиной «Белинский перед смертью». Воскресив историческую правдивость последних дней жизни Виссариона Григорьевича, художник воссоздал трагическую обстановку, в которой он умирал. На полотне предстала «не святая натура идеалиста», а пенстовый боец, готовый на любые лишения в борьбе с самодержавием, которое олицетворял изображенный на полотне жандарм.

Картина сразу же привлекла внимание общественности. Корреспондент «Новостей и Биржевой газеты» писал, что от нее нельзя оторваться, так как «она сразу захватывает зрителя, и чем более вы в нее вглядываетесь, тем она больше нравится вам, тем больше изумляет и восхищает своей строгой обдуманностью, своей идеей и своей художественностью»[2]. Такие же отзывы появились на страницах других газет и журналов.

В студию художника стали заходить многочисленные поклонники Белинского. С картины заказывали фотографии. Наумов предполагал показать ее на очередной выставке передвижников, которая должна была открыться в 1885 году. Но картина не увидела света при жизни художника. Царская цензура не дозволила экспонировать ее перед широкой публикой и вскоре предупредила Наумова, чтобы он не допускал посетителей для обозрения своего творения.

Более того, ему предложили изменить избранную направленность и композицию полотна с тем, чтобы не было видно жандарма[3]. Художник переделал картину. На ней остались в прежнем положении все персонажи. Только дверь, ведущая из прихожей в кабинет, где умирал критик, заслоняла жандарма. Но через посредство

---

[1] Основой, вокруг которой образовывались «литераторские мостки» на Волковом кладбище, явилась могила В. Г. Белинского. По предсмертному завещанию после революционного обряда был похоронен Н. А. Добролюбов. После трагической гибели здесь же нашел последнее пристанище Д. И. Писарев, а затем И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин и другие писатели. Сюда же в 1918 г. было перевезено из Финляндии тело Г. В. Плеханова и похоронено рядом с могилой В. Г. Белинского.

[2] «Новости и Биржевая газета», 1884, № 18.

[3] «Литературное наследство», т. 67, 1959, с. 555—573.

встревоженных лиц Некрасова, Панаева, жены Белинского, настороженности любимой критиком собаки Малки, которая остановилась перед закрытой дверью и всем своим видом свидетельствовала о присутствии чужого человека, художнику удалось передать замысел произведения. В результате вторичного просмотра цензура предложила убрать... собаку. Однако и после этой «доработки» картину запретили экспонировать. Наумов снова восстановил ее в прежнем виде, в котором она и дошла до наших дней.

До недавнего времени почти ничего не было известно о том, как он работал над полотном. Новые материалы, полученные от потомков Белинского, вносят ясность в этот вопрос. Оказывается, Наумов часто встречался с Марией Васильевной, внимательно слушал ее рассказы о болезни мужа, его внешнем виде, интересовался расположением комнаты, в которой он лежал, ее меблировкой, посещением жандармов. Кроме того, М. В. Белинская разрешила художнику воспользоваться посмертной маской, снятой в первый же день кончины Виссариона Григорьевича. Таким образом, советы и консультации Марии Васильевны помогли Наумову создать произведение, которое получило мировую известность.

В знак благодарности живописец, несмотря на запрет властей, дозволил снять с картины копию. Данную работу по просьбе Ольги Виссарионовны выполнил видный греческий художник Н. Литрас, специально приезжавший для этой цели в Россию. В настоящее время указанная копия находится у правнуков великого критика, проживающих в Афинах. У них же хранится небольшая, но прекрасно исполненная картина академика портретной живописи К. А. Горбунова «Белинский на смертном одре», которая считалась прежде утерянной.

Последний раз Ольга Виссарионовна с детьми Евгением, родившимся в 1876 году, и Владимиром, появившимся на свет годом позже, приезжала в Москву в 1890 году на похороны матери, которая скончалась 22 июня и погребена на Лазаревском кладбище.

Дочь великого критика поддерживала постоянную связь с русскими литераторами, художниками, издателями. Она передала Обществу любителей российской словесности ценнейшие автографы — письма Виссариона Григорьевича к Марии Васильевне, которые были опубликованы в сборниках «Помощь голодающим»

(«Дела Белинского»), «Почин», «Братская помощь пострадавшим в Гурии армянам», «Памяти В. Г. Белинского», «Дело», в газете «Русские ведомости» (1895 г., № 101, 109, 163, 185, 1898 г., № 112, 124)[1]. Кроме этого, в указанной газете Ольга Виссарионовна поместила корреспонденцию «Беспорядки на Корфу».

Письма Виссариона Григорьевича к Марии Васильевне являются важным документальным источником, раскрывающим их семейную жизнь, круг знакомых, его этические взгляды. В этих посланиях рисуется обаятельный образ Марии Васильевны, ее незаурядные качества как человека.

В переписке с женой Белинский освещал свою поездку с возвратившимся из ссылки поэтом М. С. Щепкиным на юг России в 1846 году, встречи со многими лицами на Украине, в Крыму и ряд других немаловажных вопросов. Весьма интересны письма, полученные Марией Васильевной от Виссариона Григорьевича из Германии, Франции во время пребывания его за границей в 1847 году. В них также прослеживается связь гениального критика со своими друзьями, говорится о впечатлениях, оставшихся у него от посещения исторических мест и знакомства с существовавшими в этих странах порядками.

Словом, ни один биограф Белинского не может теперь обходиться без эпистолярного наследия, которое сохранила Ольга Виссарионовна для будущих поколений.

В 1891 году в «Сборнике общества любителей российской словесности» впервые увидела свет драма Белинского «Дмитрий Калинин», которую он начал писать летом 1830 года во время пребывания на каникулах в Чембаре и закончил в декабре, после возвращения в Московский университет. В этом сочинении, по собственному признанию в письме к родителям, он «со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость, в картине довольно живой и верной представил тиранство людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных»[2].

Драма «Дмитрий Калинин» по своему характеру, те-

---

[1] В книге «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников» на с. 728 неверно указано, что письма Виссариона Григорьевича к жене были переданы Н. Х. Кетчеру и напечатаны впервые Е. А. Ляцким лишь в 1914 г.

[2] В. Г. Белинский. Указ. соч., т. XI, с. 49.

ме трагической судьбы крепостного интеллигента и некоторым текстологическим совпадениям родственна радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву». Хотя до сего времени нет подтверждающих документальных источников о знакомстве молодого Белинского с «Путешествием», но дух Радищева и его последователей, идеи декабристов нашли отражение в первом публичном литературном произведении будущего автора «Письма к Гоголю».

Устами своего героя Белинский спрашивает: «Неужели эти люди для того только родятся на свет, чтобы служить прихотям таких же людей, как они сами? Кто дал это гибельное право — одним людям поработить своей власти волю других, подобных им существ, отнимать у них священное сокровище — свободу? Кто позволил им ругаться правами природы и человечества? Господин может, для потехи или для рассеяния, содрать шкуру с своего раба, может продать его, как скота, выменять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь с отцом, с матерью, с сестрами, с братьями и со всем, что для него мило и драгоценно! Милосердный боже! отец человеков! ответствуй мне: твоя ли премудрая рука произвела на свет этих зверей, этих крокодилов, этих тигров, питающихся костями и мясом своих ближних и пьющих, как воду, их кровь и слезы?»[1]

Эти страстные и смелые слова, обличающие крепостное право, очень близки к словам декабриста Раевского. Он также с негодованием писал о крепостных порядках России: «Кто дал человеку право называть человека своим и собственным? По какому праву тело и имущество и даже душа одного может принадлежать другому? Откуда взят закон торговать, менять, проигрывать, дарить и тиранить подобных себе человеков?»[2]

О подлецах, беззаконниках, которые попирают права граждан и питаются их кровью, писал журнал «Беседующий гражданин», с которым Белинский был знаком еще в Чембаре. Являясь органом «Общества друзей словесных наук», куда входил Радищев, и ведя полемику с Екатериной II, журнал призывал лучших представителей литературы: «Нападайте на сии чудовища, которые

[1] В. Г. Белинский. Указ. соч., т. I, с. 498—499

[2] В. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. Новые материалы. Л. — М., 1948, с. 109

питаются кровью народа и поношением граждан!.. Сорвите маску с сих беззаконников, с сих подлецов, с сих лицемеров, с сих обманщиков»[1].

Однако «Дмитрий Калинин» не подражательное произведение. «Издавая в свет мою драматическую повесть, — писал Белинский в предисловии к «Дмитрию Калинину», — я чувствую всю важность моего поступка и поэтому почитаю за нужное отдать моим читателям отчет в оном, сообщить им этот внутренний мир самого себя, этот мир собственных мыслей и чувствований». Далее Белинский указывает, что основой этих «мыслей и чувствований» явились чтение литературы, русской истории, размышления о человеке, о непонятной смеси доброго и злого.

Многие лица, сообщал Белинский в письме к отцу, взяты с натуры. Однако каждое из них — это в то же время определенный тип. Тупую, жестокую крепостницу, выведенную в образе Лесинской, можно было встретить в имениях как Пензенской, так и других губерний России. Будущность крепостного интеллигента в условиях николаевского режима ожидала не только Дмитрия Калинина, но и подобных ему одаренных юношей, вышедших из народа.

Автор драмы старался найти ответ, как же быть дальше, что же делать, чтобы восстановить права личности. Терпеть и страдать, творить молитвы и просить о благе всевышнего? Нет. Когда законы противны правам природы и человечества, правам самого рассудка, то человек может и должен нарушить их — делает вывод Белинский.

Произведение, направленное против устоев самодержавия, не могло появиться в печати. Цензурный комитет нашел в драматической повести множество противного религии, нравственности и российским законам. В ней автор, сделал заключение цензор, «декламирует против рабства возмутительным образом» и этим подрывает существующее в России крепостное состояние. В результате на рукопись наложили арест, а за автором учинили надзор.

Отношение царского правительства к Белинскому не изменилось и в девяностых годах прошлого столетия. Об этом свидетельствует интересный документ Особого

---

[1] «Беседующий гражданин», 1789, ч. 1, с. 169

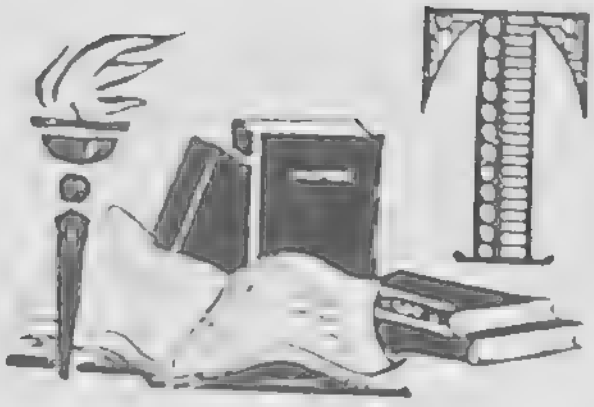
отдела ученого комитета Министерства народного просвещения от 28 июля 1891 года по поводу книги «Пензенская губерния», написанной учителем Никольского двухклассного училища Н. Ф. Кузьминым. В этом краеведческом исследовании автор в нескольких словах указывал, что недалеко от Пензы — в г. Чембаре прошли детские и юношеские годы Белинского, который впоследствии стал знаменитым критиком. «Делая отзыв об этом писателе, — говорится в журнале Особого отдела, — г. Кузьмин ограничивается только следующей его характеристикой: Белинский оставил после себя 12 томов сочинений, в которых содержится много умных рассуждений и прекрасных мыслей о разных предметах». Вель это рекомендация книги для учеников, между тем сохрани бог нашу школу и неопытную юность от соприкосновения с Белинским. В последний и самый шумный период своей деятельности это был завзятый проповедник неверия и грубого материализма, не видевший ничего доброго в России и жаждавший спасения для нее от всесветной революции. Конечно, полная кривость такого рода воззрений и вожделений не могла найти себе места в тех 12 томах его сочинений, о которых говорит автор рассматриваемой рукописи и которые прошли сквозь цензуру. Чтобы понимать Белинского и судить о нем, надобно заглянуть в другие памятники его литературной деятельности, в его переписку с друзьями и, между прочим, в знаменитое письмо его к Гоголю. Тут Белинский обнаруживается весь, как есть и был... Если говорить о Белинском ... то достаточно ограничиться упоминанием **лишь о том, что родился там-то и там-то, а еще лучше вовсе о нем не упоминать»**[1].

В этом документе со всей наглядностью проявилась полувековая ненависть самодержавия к одному из лучших представителей русского народа.

Но идейная борьба за Белинского, начатая Чернышевским, Добролюбовым и их соратниками, дала свои результаты. В эту борьбу включились широкие слои интеллигенции и простого народа как в столичных городах, так и в провинции. Имя великого критика стало известно во всех уголках России и далеко за ее пределами.

[1] ГАПО. Ф. 9, д. 603, лл. 24—25. См. также: А. Кремлев. Ученый комитет и Белинский. — «Былое», 1906, № 11, с. 160—161.

СТЕЗЕЮ БЕЛИНСКОГО



Творчество великого критика и революционного демократа, как и деятельность Герцена, Чернышевского, Добролюбова, оказало огромное воздействие на формирование передовой общественной мысли народов Российской империи и славянских стран. Так, еще при жизни Белинского к его статьям и рецензиям проявляли постоянный интерес известные в свое время писатели Г. Ф. Квитко-Основьяненко и Е. П. Гребенка. Знали произведения Виссариона Григорьевича Н. И. Костомаров, И. П. Котляревский, Н. А. Маркевич, В. Н. Забела, Степан Писаревский и другие украинские беллетристы, поэты, ученые[1].

Имя Белинского известно было не только в литературных кругах, а гораздо шире. Об этом свидетельствуют сведения, дошедшие до наших дней из лагеря недругов великого критика. И. И. Срезневский, переехавший в 1847 году с Украины в Петербург, рассказал как-то своим новым товарищам о том чествовании, которым удостоили харьковчане Белинского во время его пребывания в их городе. Это до крайности уязвило ректора университета П. А. Плетнева. В письме к С. П. Шевыреву он в припадке гнева сообщал: «Мы живем в жалкую эпоху. Глупейший враль становится для нынешней публики оракулом. Еще сегодня Срезневский рассказывал о торжестве Белинского в Харькове, о таком народ-

[1] В именном указателе к произведениям В. Г. Белинского (см. т. XIII, с. 763) неверно сказано, что С. Шеренери [illegible] сотрудником украинского альманаха «Ластовка». Под этим псевдонимом выступал поэт С. Писаревский.

том торжестве, какого не удостоивались при жизни ни Карамзин, ни Пушкин. Афишу, которую в трезвых словах своих подержал Белинский в Харьковском театре, тамошние дамы разорвали по клочкам и разделили между собою»[1].

Виссарион Григорьевич внимательно следил за развитием украинской литературы. В рецензии на сборник «Молодик», изданный Н. Бецким, он писал: «Харьков, по своему многолюдству и красоте, сравнительно с другими губернскими городами, есть некоторым образом столица Украины, а следовательно, и столица украинской литературы, украинской прозы и в особенности украинских стихов. Во всех русских губерниях много пишется стихов, но в Харькове особенно. Стихи эти хороши, как только могут быть хороши провинциальные стихи, в столицах их читают мало, но зато много читают в провинции, особенно на Украине...»[2]

На страницах «Отечественных записок» и «Современника» великий критик тепло, с чувством особого восхищения отзывался об украинском народном творчестве. В одной из статей он указывал: «...народная поэзия Малороссии была верным зеркалом ее исторической жизни. И как много поэзии в этой поэзии»[3].

Разоблачая мнимый патриотизм славянофилов, а также националистические проповеди редактора журнала «Маяк» С. А. Бурачка, Белинский высоко оценивал знаменательный акт воссоединения двух братских народов. В статье «История Малороссии» Н. А. Маркевича он подчеркивал: «Слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке, от которых доколе непреодолимою оградою разлучал ее полудикий быт ее. Вместе с Россиею ей предстоит теперь великая будущность»[4].

Эти истинно интернационалистические взгляды революционного демократа горячо разделяли представители молодой прогрессивной украинской литературы. Под влиянием критики Белинского многие из них старались осмыслить роль и назначение писателя в борьбе с кос-

---

[1] См.: В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество (1842—1848). «Наука», 1967, с. 248

[2] В. Г. Белинский. Указ. соч., т. VII, с. 87

[3] В. Г. Белинский. Указ. соч., т. V, с. 435

[4] В. Г. Белинский. Указ. соч., т. VII, с. 64—65.

ностью и самодержавными порядками, стремились создавать произведения, отражающие интересы народных масс. Особенно заметно воздействие идей Виссариона Григорьевича сказывалось на творчестве Т. Г. Шевченко.

Становление мировоззрения великого украинского поэта протекало в сложных условиях. Поэтому еще до недавнего времени при рассмотрении темы «Белинский и Шевченко» в литературоведческих кругах возникали разноречивые мнения. Значительная часть шевченковедов склонна была считать, что великий критик в основном отрицательно относился к стихотворным произведениям Тараса Григорьевича. Только после выхода в свет капитального труда Ф. Я. Приймы «Шевченко и русская литература XIX века» на многие спорные вопросы, кажется, дан ясный ответ. В своих статьях и рецензиях, по мнению автора исследования, Белинский был полон желания обратить внимание украинских писателей на огромный опыт русской литературы, указать им пути и средства создания реалистических и воодушевленных великими идеями произведений, свободных от национальной ограниченности, романтических мечтаний и натуралистического бытописательства [1].

Первым, кто решил выяснить суть эволюции эстетических и идейных воззрений Шевченко, был Иван Франко. В письме к Пыпину от 23 января 1888 года он сообщал: «Задумал я заняться историко-литературной работой над произведениями Шевченка и, главное, над теми (по началу), которые до сих пор не были напечатаны — значит над произведениями *политическими*, написанными до 1847 года. Собрав важнейшие из напечатанных материалов для биографии Шевченка того времени... вижу, что все они не дают мне ровным счетом ничего, кроме намеков, часто ценных, еще чаще маловразумительных, а нередко противоречивых, однако по ним совершенно невозможно ответить на вопрос: *откуда появилась политическая поэзия Шевченка?* Какие побуждения толкнули Шевченка на этот путь, какие влияния помогли в выработке его мировоззрения. Конечно, кое-что можно объяснить его происхождением, ненавистью крепостного ко всякому произволу, и все-таки мне кажется, что такие вещи, как «Сон», «Кавказ» — этим не объяснишь

---

[1] См.: Ф. Я. Прийма. Шевченко и русская литература XIX века. М.—Л., 1961, с. 74—106.

Далее автор письма к Пыпину указывал: «Лишь прочитав Вашу биографию Белинского, я увидел из опубликованных Вами отрывков писем, что среди выдающихся русских людей той поры много говорилось и писалось о таком, что действительно могло натолкнуть Шевченка на создание политических поэм». В связи с этим Иван Франко ставил перед адресатом ряд вопросов: «В биографиях и письмах Шевченка, — делился он своими мнениями, — находим следы его знакомства с множеством людей, — а как и откуда взялись эти знакомства — не знаем. Так, например, Шевченко знаком и даже в большой дружбе с Щепкиным еще до 1847 года. Откуда? Что представлял собой Щепкин с политической стороны? Щепкин был другом Белинского: нет ли каких-либо следов знакомства Белинского с Шевченком?»

В этом же письме Иван Франко высказал мысль о том, что «критическая заметка Белинского о «Гайдамаках», хоть и беглая и не совсем справедливая, оказала значительное влияние на Шевченка, охладила его казацкий патриотизм и повернула в направлении, параллельном убеждениям Белинского, к патриотизму на чисто человеческой, социальной основе. Очень важно было бы, — добавлял автор письма, — добыть какие-нибудь фактические подтверждения этой догадки»[1]

Советские литературоведы подтвердили эту гипотезу, высказанную Иваном Франко. Но вопрос о возможном знакомстве великого критика и автора «Кобзаря» до сих пор остается открытым, хотя встречи между ними могли быть. К этому имелись некоторые основания.

Можно предположить, что первые и более достоверные сведения о Тарасе Григорьевиче Белинский мог получить от К. А. Горбунова. Оба они по стечению обстоятельств оказались учениками Академии художеств. Объединяло их и социальное положение. Шевченко, благодаря хлопотам К. П. Брюллова, В. А. Жуковского, был выкуплен у помещика за 2500 рублей. Горбунов прибыл из Москвы в Петербург 19 марта 1840 года. Перед этим он познакомился с Н. В. Гоголем. Несмотря на крепостное состояние, в котором находился Кирилл Антонович, великий писатель обещал юноше, что Брюллов непременно примет его в ученики. Карл Павлович на свой страх

---

[1] И. Франко. Сочинения в десяти томах. Т. X. М., 1959, с. 574—575.

в риск, ибо крепостных в Академию не брали, исполнил просьбу Гоголя.

Спустя месяц в письме к В. П. Боткину Белинский сообщал: «Кирюша редко у меня бывает — не может расстаться ни на минуту с Брюлловым, который очень полюбил его»[1]. В это же время у маститого художника учился и Шевченко.

Вполне вероятно, что молодые люди сразу же нашли общий язык. Горбунов мог рассказать о встречах с Гоголем, Кольцовым, близких отношениях с Белинским и другими литераторами; поведать о нелегком пути крепостного мальчика, родившегося в селе Владыкино Чембарского уезда Пензенской губернии, о той заботе, которую проявляют о нем Брюллов, Жуковский, Белинский, князь В. Ф. Одоевский, чтобы вызволить его из рабского состояния[2]. В свою очередь Тарас Григорьевич пожелал поделиться с одаренным юношей своими задумками, взглядами на жизнь, прочитать что-то из написанного.

В связи с этим несколько в ином плане, на наш взгляд, надо рассматривать и строки Виссариона Григорьевича в цитированном выше письме к Боткину. Белинский спрашивал своего адресата: «Да, кстати: о каком ты пишешь к нему (Кирюше — *П. М.*) «Сне», о котором будто бы я писал к тебе? И знать не знаю и ведать не ведаю. Или у тебя отсохла бы рука приписать имя автора? Ломаю голову и мучаюсь — бога ради, уведомь»

В комментариях к этому письму указывается, что Белинский забыл название стихотворения А. Н. Майкова «Сон», о котором сообщал Боткину 21 февраля 1840 года[3]. Действительно, в своем послании Виссарион Григорьевич не только оценивал стихотворение А. Н. Майкова, но полностью и переписал его[4]. Так что спала ли у Боткина мог пробудиться особый интерес к этому сочинению поэта. Но самое главное не в этом, а в том, какое отношение данное стихотворение имело к Кирюше Горбунову, почему именно его вдруг решил спросить Боткин о каком-то «загадочном» «Сне», о котором даже вспоминал Белинский? Видимо, Боткин имел в виду

---

[1] В. Г. Белинский. Указ. соч.,т. XI, с. 515.
[2] И. А. Горбунов был отпущен помещицей на волю в 1841 г. См.: В. Г. Белинский. Указ. соч., т. XI, с. 692.
[3] Там же, с. 475

какие-то более важные мотивы, заставлявшие Виссариона Григорьевича «ломать голову и мучиться».

Словом, ясно одно: здесь шла речь не о стихотворении А. Н. Майкова. Но тогда невольно возникает вопрос: а о каком же? Пока на него трудно дать точный ответ. Переписка Боткина и Горбунова до сих пор в архивах не обнаружена. Можно лишь предположить, что Горбунов сообщал о стихотворении, несколько необычном по своему содержанию, причем стихотворении новом, не известном.

За месяц пребывания в Петербурге, судя по сохранившимся источникам, Горбунов ни с кем из поэтов не встречался. Таким образом, остается только Шевченко. Не мог ли он познакомить Кирилла Антоновича со своими набросками, какими-то вариантами, которые позже легли в основу знаменитой поэмы «Сон», послужившей главной причиной обвинения поэта в крамоле?

По всей вероятности, при первой же встрече (так как в это время Горбунов редко навещал Белинского) Виссарион Григорьевич мог получить от своего молодого друга более подробную информацию по существу дела. Узнав о том, что у Шевченко в конце апреля выходит стихотворный сборник под названием «Кобзарь», критик решил написать на него рецензию, которая уже 14 мая была рассмотрена цензором.

Белинский одобрительно отозвался о начинающем поэте. Больше того, из рецензии видно, что ее автор знал Шевченко. Об этом свидетельствуют такие строки: «Но зачем г. Шевченко пишет на малороссийском, а не на русском языке? Если он имеет поэтическую душу, почему не передает ее ощущений на русском? — скажут многие. — На это можно ответить вопросом же: а если г. Шевченко вырос в Малороссии; если его поставила судьба в такое отношение к языку, на котором мы пишем и изъясняемся, что он не может выразить на нем своих чувств? если с младенчества его представления облекались в формы южного наречия, то неужели для этого должно зарывать талант в землю?..»[1]

Совершенно иное мнение о творчестве Шевченко было высказано в рецензии на поэму «Гайдамаки», увидевшую свет в 1841 году. Обычно Белинский сразу же откликался на новые издания. В данном же случае отзыв

---

[1] В. Г. Белинский. Указ. соч., т. IV, с. 171—172

появился в «Отечественных записках» лишь в мае 1842 года.

В чем же дело, почему Виссарион Григорьевич изменил своим правилам? Здесь сыграла определенную роль позиция, занятая в этот период Шевченко, который вместе с П. А. Кулешом, Н. И. Костомаровым, Г. Ф. Квитко-Основьяненко и другими стал сотрудничать в журнале «Маяк». Со страниц этого издания проповедовались монархические идеи, национализм, велась клевета на лучших представителей русской литературы, в том числе Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Вполне понятно, что Белинский ревностно отнесся к такому поступку украинских литераторов. Он дал отрицательную характеристику не только «Гайдамакам», но и другим малороссийским изданиям, переменил свою точку зрения на украинскую литературу.

В ходе развернувшейся полемики критик допускал некоторые ошибки. И это вполне объяснимо. Среди писательских кругов Петербурга ходили слухи, что в обществе Бурачка Шевченко величают «братом», «запорожцем», призывают его вести борьбу с «Отечественными записками» и их вдохновителем Белинским. Но истинной точки зрения, которой придерживался Тарас Григорьевич, критик не знал. Не знал он и о том, как «поправляли» произведения Шевченко, прежде чем выпустить в свет. А издатели «Маяка» умели это делать. Так, у поэта было написано «Воспойте свободу на рабской земле», а в «Маяке» вместо этого напечатали: «Воспойте победу без злобы и крови»[1].

И все же, несмотря на какие-то передержки, страстный голос Белинского помог Шевченко, как заметил Иван Франко, расстаться с компанией Бурачка, «увлечься огромной волной передового духа», занять новые позиции в изображении окружающей действительности и твердо встать на путь революционно-демократического творчества. Уже в середине сороковых годов Тарас Григорьевич создает произведения, направленные против самодержавия и крепостничества, национальной ограниченности и идеализации истории Украины. В поэме «Кавказ», а также в своем известном послании «И мертвым, и живым» он с глубокой симпатией относится к

---

[1] См.: И. Я. Дьяков. Мировоззрение Белинского. Амурское кн. изд-во, 1962, с. 325.

другим народам России, воспевает свободу и равенство между людьми.

Будучи в ссылке, Шевченко по мере возможности продолжал следить за передовой журналистикой. В глухих степях Оренбуржья, судя по его дневниковым записям, он читал «Отечественные записки» и «Современник» со статьями Белинского.

Освободившись от солдатчины, гениальный поэт прибыл в Нижний Новгород. Здесь он познакомился с заграничными изданиями Герцена. Внимание автора «Кобзаря» привлекли многие листы «Колокола», альманахи «Полярная звезда». Возможно, что в это время Тарас Григорьевич прочитал знаменитое письмо Белинского к Гоголю, ибо некоторые мысли, высказанные великим критиком в этом произведении, Шевченко включил в антимонархической поэме «Неофиты».

Интерес к наследию Белинского продолжался у великого украинского поэта и в последующие годы. Об этом свидетельствуют книги, оставшиеся после его кончины. В небольшой библиотеке было пять томов сочинений Виссарионa Григорьевича, изданных К. Ф. Солдатенковым и П. М. Щепкиным, а также «Петербургский сборник», в котором помещена статья Белинского «Мысли и заметки о русской литературе».

Буржуазные либералы и националисты под видом защиты Шевченко от «критики» Белинского проповедовали новинизм, ратовали за «самостийный» путь развития украинской литературы. Так, в сентябрьском номере журнала «Основа» за 1861 год П. А. Кулиш выступил против проникновения на Украину не только произведений Белинского, но также и Гоголя. К его голосу присоединился А. Я. Конисский, а позже П. С. Нечуй-Левицкий и другие. Они пошли дальше своего собрата по перу и стали отождествлять всю русскую культуру с самодержавием.

Достойный ответ таким выступлениям дал Иван Франко. В статье «Литература, ее назначение и важнейшие черты» он писал: «Разумеется, русское государство, его жандармы и чиновники и подавление ими всякой свободной мысли — одно дело, а русская литература с Гоголями, Белинскими, Тургеневыми, Добролюбовыми, Писаревыми, Щаповыми, Решетниковыми и Некрасовыми — совершенно иное дело»[1].

[1] И. Франко. Указ. соч., т. IX, с. 53

Выдающийся украинский писатель и ученый высоко ценил наследие Виссариона Григорьевича, считал его «гениальным родоначальником новой критики и литературы», воспитателем и образователем молодого поколения. Иван Яковлевич с юношеских лет читал и изучал произведения Белинского, хорошо знал многие публикации, посвященные его жизни и деятельности.

Отстаивая принципы реализма в литературе, он во вступительной статье к своему переводу «Фауста» Гете писал: «Теми же словами, какими почти полвека назад Белинский начинал свою критическую деятельность, приходится и мне начинать свое предисловие. У нас нет литературы! Споры, ссоры и крики о литературе — это еще не литература. Газеты, полные фраз, маскирующие потоком слов недостаток мыслей, и брошюры, громко и убежденно толкующие о вываренном яице... повести о прошлогоднем снеге, в которых можно увидеть все, кроме жизни, правды и острой мысли; стихи о весне, лете, зиме и осени, о любовных вздохах и святой троице, о природе, засушенной в промокашке, и о чувствах, законсервированных в спирту, — это еще не литература...»[1]

Поясняя тезис Белинского «у нас нет литературы», взятый из его знаменитых «Литературных мечтаний», Иван Франко указывал, что эта статья была написана как раз в то время, когда молодой Гоголь готовился твердо стать на ноги, когда в детской голове Лермонтова бурлили уже поэтические образы, когда новая, реалистическая литература нарождалась на свет и трепет ее рождения проникал во все чуткие сердца. Признание того, что у России нет литературы, — пророчило русскую литературу».

Иван Яковлевич, полемизируя с консервативными кругами галицкой интеллигенции, считавшими великого русского критика «неблагонадежным», чуждым украинской культуре, писал, что Белинский был человеком чутким, с чистым сердцем, и он видел, что все люди, имеющие совесть, испытывают отвращение к пустозвонству и фальши, ищут иных путей общественного развития. И такой путь был указан Белинским. За ним пошли сперва немногие, а затем и все, потому что он сам был противоположностью старому — у него было то, чего не хватало прежним — непосредственное отношение к жиз-

[1] И. Франко. Указ. соч., т. IX, с. 61

и... любовь к правде и добру и убеждение, горячее, страстное убеждение в необходимости и возможности этого добра среди людей». Только это убеждение, подчеркивал И. Франко, неугасимым огнем горевшее в его крови, придало ему такую великую силу, заставило идти за ним его современников и потомков, сделало его **основателем новой школы**.

Сопоставляя мысли критика с состоянием тогдашней русской словесности, Иван Яковлевич ставил вопрос: «А у нас разве не то же самое, что было... в России до Белинского?.. Разве наша литература не столь же далека от жизни и правды, как небо от земли? Разве наше воспитание и образование не является тем жерновом, под который детей кладут здоровыми, а вынимают искалеченными?..»[1]

Беспощадный приговор, вынесенный Иваном Франко «галицким изящным творениям», вызвал переполох не только среди недругов, но и близких к нему писателей. Поэтому он вынужден был издать свой перевод с другим предисловием. Но основные идеи, заложенные в первом варианте, нашли вскоре отражение в статье «Темное царство», написанной осенью 1881 года и опубликованной во львовском журнале «Свет».

В этой крупной работе, посвященной творчеству Шевченко, Иван Франко дал характеристику общественным явлениям сороковых годов, сложившимся в результате деятельности Белинского. Автор указывал, что великий русский критик, неутомимо трудясь над развитием своих идей, начинал видеть цель искусства в том, чтобы «правдиво показывать действительность с ее недостатками и задатками лучшего будущего, пробуждать в людях охоту к устранению этих недостатков и веру в возможность их устранения». Все это, указывал Иван Франко, расчищало путь к реализму, способствовало появлению таких произведений, которые наносили «первый открытый удар по огромной, наболевшей язве русского общества, по **крепостному праву**»[2].

Выступая против безыдейного, оторванного от жизни искусства, Иван Яковлевич постоянно опирался на творчество русских революционных демократов, рекомендовал читать их произведения. Он лично сам переводил

---

[1] И. Франко. Указ. соч., т. IX, с. 61, 64, 65.
[2] Там же, с. 179, 180.

на украинский язык статьи Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова. По его совету было издано в 1880 году на украинском языке «Письмо Белинского к Гоголю», которое печаталось в Женеве.

Благотворное влияние наследия Виссариона Григорьевича оказывало и на многих других деятелей украинской культуры. Например, рано познакомился с трудами Белинского известный поэт-революционер П. Л. Грабовский. Основываясь на суждениях великого критика, он предъявлял высокие требования к литераторам, считал, что они обязаны выражать интересы народа. Каждое произведение, созданное ими, по словам Павла Арсеньевича, должно быть «смелым голосом за всех обиженных и угнетенных».

Хорошо были известны литературно-критические статьи Белинского многим писателям и деятелям искусства, в том числе М. М. Коцюбинскому, Марко Вовчок, Лесе Украинке, Панасу Мирному, М. П. Старицкому, М. Л. Кропивницкому и другим. Они с глубоким почтением относились к его личности. Так, видный драматург, артист и режиссер И. К. Тобилевич в знак любви и уважения к памяти великого русского критика назвал своего первого сына Виссарионом.

Немаловажную роль в воспитании революционного демократа играло в развитии общественной мысли народов Кавказа Виссарион Григорьевич проявлял неиссякаемый интерес к этому краю. Побывав здесь летом 1837 года, он сообщал в одном из писем: «Смотрю на ясное небо, на фантастические облака, на дикую и величественную природу... и радуюсь, сам не зная чему»[1].

Белинский очень чутко уловил поэтическую суть этих изумительных по своей красоте мест. «Страшное дело! — писал он. — Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, и покровителем и пестуном их музы, поэтическою их родиною!» В другой статье критик указывал: «Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем, купленным драгоценною кровию сынов ее и подвигами ее героев. И Кавказ — эта колыбель поэзии Пушкина — сделался потом и колыбелью поэзии Лермонтова...»[2]

---

[1] В. Г. Белинский. Указ. соч., т. XI, с. 137.
[2] Там же, т. IV, с. 543; т. VII, с. 373.

Эта замечательная оценка всей своей темы в творчестве гениальных поэтов не раз привлекала внимание грузинских критиков и писателей. Так, известный журналист и публицист Г. Туманишвили в обзоре, посвященном Михаилу Юрьевичу, писал: «Лермонтов не только русский поэт, он, кроме того, поэт кавказский». И далее автор подчеркивал: «Можно сказать без преувеличения, как заметил Белинский, разбирая поэму «Мцыри», что поэт брал цвета у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, грохот у громов, гул у ветров, что вся природа Кавказа несла и поставляла ему материалы, когда писал он эту поэму... Картины природы... дышат гораздо большей и роскошным блеском фантастического Кавказа».

Несколько позже, оценивая значение Белинского в истории развития русской культуры, Г. Туманишвили свидетельствовал: «Каждая страна, каждое время имеет своих ярких выразителей. В древности они являлись в образе пророков; в Западной Европе... они выступают в лице политических ораторов... В России же создался тип литературного критика, который руководит общественным мнением не по одним литературным, но и общественным вопросам.

Первым выдающимся из таких критиков был, как известно, Белинский. После Белинского в 50-х годах, вакансия первого критика осталась долго не замещенной. Это была тяжелая пора...»[2]

Наиболее активное знакомство прогрессивной грузинской интеллигенции с творчеством Виссариона Григорьевича началось во второй половине пятидесятых годов. В это время свыше двадцати способных юношей, ранее учившихся в Гурийской и Кутаисской гимназиях, поступили в Петербургский университет. Здесь они жадно впитывали идеи русских революционных демократов, внимательно следили за той полемикой, которая развернулась на страницах тогдашних периодических изданий вокруг имени Белинского. С особым интересом молодые люди читали «Очерки гоголевского периода русской литературы», статьи Добролюбова, освещавшие немеркнущий образ великого критика, его заслуги в развитии передовой общественной мысли России. Под впечатлением этих пуб-

---

[1] Г. М. Туманов (Туманишвили). Характеристики и воспоминания, кн. I. 1900, с. 162

[2] Там же, кн. 3. 1907, с. 155

ликации многие из юношей пополнили свои небольшие библиотеки первым изданием сочинений Виссариона Григорьевича.

С особой симпатией отнесился к наследию великого критика Илья Чавчавадзе, стоявший во главе замечательной плеяды грузинских шестидесятников, именовавшихся в литературе «тергдалеули», т. е. испившие воды из сокровищницы русской культуры. В 1861 году он поместил в журнале «Цискари» («Заря») статью «Несколько слов о переводе «Безумной» Козлова князем Ревазом Шалвовичем Эристави». Она была написана под влиянием отзывов Белинского о творчестве поэта. В ней И. Чавчавадзе, говоря о плохом качестве перевода, указывал, что эта поэма не имеет истины и по своему содержанию далека от жизни. Такая оценка была направлена, главным образом, против консервативных писателей, группировавшихся вокруг «Цискари». Ратуя за реалистическую литературу, молодой критик тем самым выступил как поборник идейных связей с великим русским революционным демократом.

Такой вывод И. Чавчавадзе не устраивал сторонников «чистого искусства» в грузинской литературе. Один из них, Г. Бараташвили, опубликовал на страницах журнала «опровержение», в котором говорилось, что автор рецензии «снарядился в Петербурге, как Дон-Кихот: в левой руке вместо щита держит томы Белинского».

В свою очередь, И. Чавчавадзе в своем «Ответе» дал резкий отпор противникам реалистического направления в изображении окружающей действительности. В качестве эпиграфа он взял слова Белинского. «В нашей литературы хотят устроить бальную залу и уже завывают в нее дам; из наших литераторов хотят сделать светских людей в модных фраках и белых перчатках, энергию хотят заменить вежливостью, чувство — приличием, мысль — модною фразою, вдохновение — щеголеватостью, критику — комплиментами».

Эта цитата[1] свидетельствует о том, что И. Чавчавадзе хорошо был знаком с одной из программных статей Виссариона Григорьевича — «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя». В ней Белинский, разоблачая теоретика «чистого искусства» Шевырева, выступил как демократ, борец за подлинно народную литера-

[1] В. Г. Белинский. Указ. соч., т. II, с. 169.

туру, за независимую, принципиальную критику, чуждую каких-либо личных или корыстных соображений.

Автор «Ответа», опираясь на разработанные великим русским критиком теоретические положения о специфике художественного творчества, писал: «Искусство есть осуществление в образе идей, мысли. Музыка, живопись, поэзия — все они выражают идею в образе». И далее И. Чавчавадзе указывал, что если его оппоненты всерьез желают разобраться в вопросах литературы, то пусть изучат статьи Белинского.

Консерваторы из редакции «Цискари», повторяя суждения о великом критике «Библиотеки для чтения» и «Северной пчелы», заявили о том, что время Белинского кануло в лету. В пылу гнева они указывали: «Чавчавадзе следует за Белинским. Но быть Белинским непригодное дело в Грузии». Он, говорилось в статье, «был человеком больным, желчным и вечно ругался. Поэтому подражание Белинскому не вызывает никакого восторга. Да и в самой России ему никто уже не подражает».

В 1861 году за участие в студенческих волнениях И. Чавчавадзе посадили в тюрьму. После освобождения он вынужден был оставить университет и вернулся в Грузию. В двадцатишестилетнем возрасте писатель решил окончательно порвать связи с редакцией «Цискари» и создать свой журнал. Такой журнал был основан им в 1863 году. Назывался он «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии»). Вокруг него сплотились лучшие молодые литературные силы Тифлиса, Кутаиси и других городов.

Этот боевой орган грузинских шестидесятников уделял постоянное внимание популяризации идей русских революционных демократов. Вслед за Белинским, связывавшим проблему реализма с народностью, с борьбой за общественное переустройство, И. Чавчавадзе дал достойную отповедь эстетам. В передовой статье «Сакартвелос моамбе» говорилось: «Пусть некоторые бесплодные поэты, выступая от имени искусства, уходят в сторону от жизни своего народа... Нам с ними не по пути».

С первых же номеров в журнале стали регулярно появляться материалы о великом русском критике. Так, С. Читорелидзе (псевдоним М. Кипиани) в серии публикаций под названием «Беседы Спиридона и Тадеоза» приводил обширные выписки из сочинений Белинского, в частности из его известных статей и рецензий, посвященных

творчеству Лермонтова. Кроме того, в «Сакартвелос моамбе» была помещена статья «Мнение Белинского о воспитании детей», которая представляла собой сокращенный перевод работы Виссариона Григорьевича «О детских книгах. Подарок на Новый год. Две сказки Гофмана, для больших и маленьких детей — Детские сказки дедушки Иринея (В. Ф. Одоевского)»[1].

Пламенными пропагандистами материалистической этики русских революционных демократов были и другие грузинские шестидесятники. Перед именем Белинского преклонялся замечательный поэт Акакий Церетели, который требовал от писателей активного гражданского отношения к действительности. Он писал: «Литературу я всегда считал оружием борьбы и служения потребностям дня». Характерно, что его стихотворение «Памяти Гоголя» было навеяно статьями Виссариона Григорьевича, близкими и дорогими своим пафосом сердцу поэта, который считал Белинского «великим критиком»[2].

Видение деятели шестидесятых годов, как указывал профессор Г. Табидзе в статье «Белинский и грузинская общественная мысль XIX века», видели в русских революционных демократах идейных вдохновителей в своей национально-освободительной борьбе против крепостничества и самодержавия. Об этом свидетельствует высказывание видного педагога Я. Гогебашвили, который писал: «Наши патриоты... мечтают о том же, что и Белинский, Добролюбов, авторы романов «Кто виноват?» и «Что делать?», Щедрин и другие»[3].

Пропаганда идей великого русского критика шестидесятниками способствовала широкому распространению его произведений. Особенно стал популярен Белинский среди передовых слоев интеллигенции и учащейся молодежи. Например, писатель-народник С. Мгалобишвили, будучи с 1867 по 1872 год в Тифлисской семинарии, свидетельствовал, что воспитанники этого закрытого заведения на свои средства создали общественную библиотеку, в которой были сочинения Белинского, Добролюбова, Писарева.

Высоко ценил наследие Виссариона Григорьевича из-

---

[1] См.: О. Лордкипанидзе. Русские революционные демократы в грузинской публицистике и критике. Тбилиси, 1959, с. 40.

[2] Т. Шарадзе. Белинский и грузинская литература. «Заря Востока», 1961, 13 июня.

[3] «Заря Востока», 1948, 6 июня.

вестный деятель грузинской культуры и литературы критик Н. Николадзе. Еще находясь в Петербургском университете, он увлекся сочинениями Белинского, усвоил его идеи. После возвращения в Гурию стал сотрудничать в основанной Г. Церетели газете «Дроэба» («Время») и журнале «Кребули» («Сборник»). В этих изданиях Н. Николадзе поместил несколько статей, в которых отстаивал эстетические взгляды Белинского, говорил о нем как о воспитателе и руководителе молодых сил родного края.

Опираясь на высказывания Белинского о том, что литература в условиях николаевской реакции являлась зеркалом жизни, Н. Николадзе писал: «Все честные и разумные силы России чутко прислушивались тогда к словам этой литературы, следили за каждым ее шагом, радуясь ее радостями и печалясь ее горем. В ней одной искали они путеводную нить жизни, в ней одной находили отдых от безотрадной действительности и надежду на лучшее время. Литература была не только руководительницей, но и другом читающего люда. Она пользовалась не только влиянием, но и доверием и любовью его».

И далее в статье говорилось: «Стоит только перенестись к эпохе благотворного влияния Белинского или к тому недавнему, не слишком отдаленному времени, когда литература 1856—1861 годов возбуждала к себе беспредельные симпатии нашего общества. Люди, разбросанные поодиночке по невообразимо отдаленным закоулкам нашей беспредельной России, чувствовали, что они не одиноки, что есть центр умственной жизни, что есть много сердец, биение которых регулируется на одном общем с ними маятнике».

Прогрессивные грузинские писатели, публицисты подчеркивали мировое значение передовой русской эстетической школы. Н. Николадзе в 1891 году писал по этому поводу в газете «Новое обозрение» (№ 2719): «Собственно, теперь французская критика переживает тот самый критический возраст искания путей и методов, целей и назначения, который русская критика в лице Белинского пережила ровно полвека тому назад. А известно, какой огромный шаг с тех пор сделала наша критика благодаря последней поре деятельности Белинского, появлению эстетических отношений искусства к действительности и применению Добролюбовым принципов этой школы к разбору литературных произведений».

Выражая воззрения лучших сынов и дочерей Грузии,

И Чавчавадзе свидетельствовал: «Русская литература оказала большое руководящее влияние на путь нашего развития, воздействие на все то, что составляет нашу духовную силу, наше сознание, нашу мысль.» И в этом воздействии была немалая заслуга выдающегося революционного демократа и философа материалиста Белинского.

Идеи Виссариона Григорьевича оказывали также немаловажное влияние на духовное пробуждение армянского народа. Лучшие его представители из числа студентов Московского, Петербургского университетов и особенно Лазаревского института восточных языков, где в основном обучались армянские юноши, могли познакомиться с творчеством Белинского еще в конце первой половины прошлого столетия. Имеются сведения, что в начале сороковых годов был связан с «Отечественными записками» замечательный армянский писатель и просветитель Х. Абовян.

Произведения великого критика и гениального мыслителя вдохновляли демократическую интеллигенцию в борьбе с феодально-клерикальной реакцией и буржуазно-националистическими течениями, способствовали развитию передовой общественной мысли, литературы и искусства. Об этом свидетельствовала основанная Г. Арцруни в 1872 году газета «Мшак» («Работник»). На своих страницах она указывала: «Мы, армяне, также признательны Белинскому. Наши лучшие деятели воспитывались и развивались под влиянием того течения, одним из крупнейших представителей которого являлся Белинский»[1].

По идейному пафосу своего творчества наиболее близким к Виссариону Григорьевичу был выдающийся мыслитель и литературный критик Микаэл Налбандян. Вместе со Степаном Назаряном он создал первый армянский ежемесячный журнал «Юсисапайл» («Северное сияние»), который выходил в Москве с 1858 по 1861 год. Опираясь на труды Белинского и Чернышевского, М. Налбандян на страницах этого издания боролся с идеалистической эстетикой, выступал против ее принципа «искусства для искусства». Вслед за своими учителями он рассматривал литературу как специфическое отражение реальной действительности, способную беспощадно изобличать все мертвое и реакционное, служить делу ниспровержения крепостничества и абсолютизма.

[1] Р. Ованнисян. Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью. Ереван, 1952, с. 76

В частности, познакомившись со статьей Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года», М. Налбандян обратил внимание на суждения великого критика об истории человеческого общества, о самобытности и влиянии народных обычаев, нравов, традиции и т. д. Данные теоретические положения играли в то время важную роль в становлении и развитии национальных культур России. Поэтому армянский мыслитель не мог пройти мимо этих актуальных вопросов и отразил их в своем труде «Замечания», опубликованном в 1858 году в «Юсисапаиле».

М. Налбандян, по всей вероятности, знал и другие важнейшие творения Виссариона Григорьевича, в том числе его письмо к Гоголю. С этим выдающимся беспримерным произведением он имел возможность познакомиться в 1861 году, когда на пути в Индию некоторое время гостил у Герцена. В тот период в лондонском магазине Трюбнера еще продавалось второе издание «Полярной звезды» на 1855 год, где впервые была опубликована переписка двух корифеев мировой литературы. Безусловно эту книгу, как, впрочем, и ряд других, Микаэл мог купить или получить в дар от самого издателя, чтобы в дальней дороге лучше изучить печатные труды вольной русской типографии.

Как бы то ни было, но свободолюбивые идеи, присущие творчеству Белинского, нашли отражение в произведениях М. Налбандяна. В одной из статей, выражая отношения крестьян, он писал: «Мы не желаем более оставаться в тех отношениях, которые замучили наших предков и мучают нас. Вековыми рубцами покрыты наши спины... Детей наших господа обменивают на собак. Нет! Немыслимо больше оставаться при этих отношениях». Такими же антикрепостническими мотивами проникнуто и стихотворение Микаэла «Свобода».

Благодаря пропаганде творчества Виссариона Григорьевича в «Юсисапаиле» стали переводиться на армянский язык и его произведения. Например, в 1861 году журнал «Крунк» (№ X, XI, XII) напечатал значительную часть статьи «Стихотворения М. Лермонтова». В примечаниях к переводу указывалось, что Белинский является первым критиком России. Позже этот перевод получил широкую известность, так как не раз включался в различные армянские хрестоматии.

В армянской, так же как и в грузинской литературе,

шестидесятые годы характеризуются упорной борьбой прогрессивных писателей, публицистов за реалистическое искусство. Так, драматург Микаэл Патканян в полемике с консерваторами приводил выдержки из произведений Виссариона Григорьевича, ссылался на Чернышевского и его «Очерки гоголевского периода русской литературы», где давалась исчерпывающая оценка Белинскому, который, по словам М. Патканяна, являлся «замечательным и первоклассным русским писателем и критиком».

Другой выдающийся армянский театральный деятель, Георг Чмшкян, рассказывал в своих воспоминаниях, с каким восторгом и увлечением читал он произведения Белинского, особенно его статьи о драматургии. Это оказало неизгладимое влияние на мировоззрение талантливого актера, который в идейной борьбе за народность театра смело следовал по пути, указанному Белинским.

Неоднократно отмечал благотворное влияние русских революционных демократов на армянскую литературу крупнейший писатель-романист Раффи (Акоп Мелик-Акопян). «Неопровержимо, — писал он, — что между нашим умственным развитием и русскими имеется внутренняя связь. Сороковые и шестидесятые годы дали России ее наиболее выдающихся писателей...»

Выступая в 1883 году против консервативной газеты «Мегу Айастани» и ее реакционного критика Айкуни, Раффи ставил в пример русских революционных демократов, указывал на их великую роль, которую они играли в развитии передовой литературы, искусства и общественной мысли. В связи с этим он подчеркивал: «Для того, чтобы быть хорошим критиком, нужно иметь особое призвание. У просвещенных народов часто бывают сотни писателей, но только один или два хороших критика...»

Иллюстрируя свои доводы конкретными фактами, Раффи писал: «В русской литературе, которая нам более знакома, нам известны до сегодняшнего дня как критики только две личности, Белинский и Добролюбов, тогда как поэтов и романистов у русских несравненно больше. Совершенно неправильно поэтому думать, что писать критику может всякий более или менее развитой человек. С талантом критика должны соединяться такие дарования, такие условия, которые даны не каждому»[1].

---

[1] Г. Овнан. Великий мыслитель — «Коммунист», 1961, 13 июня, с. 3

Об огромном значении творчества русских революционных демократов для развития общественной мысли армянского народа, живущего в России, писал в восьмидесятых годах прошлого века корреспондент Мартирьевой газеты «Армения». Проанализировав социально-экономические и политические условия, в которых находились кавказские и турецкие армяне, он отдавал предпочтение первым из них и в своей статье свидетельствовал: «Причину этого я приписываю влиянию русских революционеров и их первоклассных писателей шестидесятников». Врядли, наконец, не станет приверженцем революционных убеждений, прочитавший статьи Белинского, Чернышевского, Добролюбова и подобных им писателей».

В восьмидесятых и девяностых годах страстным пропагандистом идей русских революционных демократов, в особенности Белинского, как указывал в цитированной выше статье Гурген Овнан, являлся Аветик Араксанян. В редактируемом им журнале «Мурч» печатались переводы произведений Белинского, а также статьи о его литературно-философских взглядах. Оценивая значимость русской и европейской литературной критики, Араксанян в одной из своих публикаций констатировал: «Литературные критики Европы, даже самые гениальные из них, вовсе не выполнили по отношению к подрастающему поколению и к современной жизни вообще той роли, которую выполнили в России Белинский, Добролюбов, Писарев, являвшиеся выразителями умственного течения своего времени».

Но самым животворным источником творчество Белинского являлось для многих будущих армянских марксистов, и в первую очередь для таких стойких большевиков-ленинцев, как Степан Шаумян и Сурен Спандарян. Еще будучи учеником реального училища, юный Шаумян сумел понять все величие русского гения и всем сердцем воспринять глубину его мысли.

Об этом свидетельствовал в своих мемуарах школьный товарищ Шаумяна, впоследствии известный армянский писатель Мовсес Арази. Вспоминая девяностые годы, он указывал: «В русской литературе кроме классиков — Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого и других — наше внимание привлекали революционные демократы Белинский, Чернышевский, Писарев. Шаумян проявлял особый интерес к критике: он с увлечением читал статьи Белинского о Пушкине, Лермонтове, Гого-

же, а также его литературные, исторические и философские труды. Помню, с каким восторгом и воодушевлением говорил Степан об этих русских гениальных критиках, в особенности о Белинском»[1].

О том, насколько глубоко молодой марксист усвоил идеи Белинского, свидетельствовала его несостоявшаяся, но чуть позже отпечатанная на гектографе в количестве ста экземпляров речь по случаю сорокалетия литературной и общественной деятельности одного из либеральных писателей и педагогов Армении Л. Агаяна. В предисловии к этому изданию С. Шаумян указывал: «Автор, по своей наивности, полагал, что ему, какому-то выпускному студенту, позволят произносить на юбилее «вольные» речи и нарушать счастливый покой наших буржуазных господ и дам. Будто очень уж интересно им и, увы, даже самому Агаяну, что думает о нем наше студенчество и что от имени этого студенчества хотят сказать собравшейся публике»[2].

Анализируя состояние общественного движения в Закавказье на рубеже XIX и XX веков, С. Шаумян с сожалением писал, что в армянской периодической печати царит пустота: либералы, считающие себя «хранителями свободолюбия», проповедуют поповщину, обманывают народ, маскируют свой патриотизм благотворительством. Разоблачая национальную ограниченность и крайний консерватизм, автор намечал широкую и смелую программу борьбы, ставил в пример русских революционных демократов: «Белинский и его друзья, — подчеркивал он, — сумели сыграть столь значительную роль в русской жизни потому, что они имели возможность благодаря некоторым историческим обстоятельствам наносить удары по крепостническим порядкам и внедрять идеи свободы посредством легальной литературы...

Когда же они не могли печатать то, что им хотелось сказать русской общественности, они прибегали к вольной прессе. Так поступали Белинский, Писарев, Чернышевский — эти гиганты 40-х и 60-х годов. Десятки людей, распространявших одно письмо-статью Белинского (имеется в виду письмо к Гоголю. — *Н. М.*), были приговорены правительством к каторжным работам. Самого Бе-

---

[1] Г. Овнан. Указ. ст., с. 4.

[2] С. Г. Шаумян. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М., Госполитиздат, 1957, с. 1

линского спасла от наказания, быть может даже от смертной казни, только естественная смерть»[1].

С. Шаумян восхищался деятельностью и стойкостью русских революционеров, указывал, что они в любых обстоятельствах сумели сохранить свою независимость и не пошли ни на какие компромиссы. В подтверждение своей мысли автор приводил строки из письма Белинского В. П. Боткину от 18 февраля 1839 года и писал: «Когда был закрыт журнал «Московский наблюдатель», Белинский остался без работы и без куска хлеба. В связи с этим он сообщал своему адресату: «...я продаю себя всем и каждому, от Сенковского до (гьфу ты, гадость какая!) Булгарина,— кто больше даст, не стесняя при том моего образа мыслей, выражений, словом, моей литературной совести, которая для меня так дорога, что во всем Петербурге нет и приблизительной суммы для ее купли. Если дело дойдет до того, что мне скажут: независимость и самобытность убеждений или голодная смерть — у меня достанет силы скорее вздохнуть, как собаке, нежели живому отдаться на позорное съедение псам...»[2]

Страстный голос русских революционных демократов оставил неизгладимый след в сознании молодого Сурена Спандаряна. С юных лет он стал свидетелем той борьбы, которая возникла вокруг имени великого русского критика в конце восьмидесятых — начале девяностых годов на страницах армянской периодической печати. Этот вопрос нередко обсуждался в доме, куда приходили многие писатели, общественные деятели. Отец Сурена редактировал газету «Нор дар» («Новый век»), где печатались не только статьи о Белинском, но и его произведения. Поэтому, находясь уже в гимназии, С. Спандарян с особой любовью изучал труды корифеев русской литературы, в том числе и Виссариона Григорьевича. Эту любовь к наследию гениального мыслителя и философа-материалиста он сохранил до конца своей жизни.

Когда скончался видный работник большевистской партии, С. Шаумян написал некролог для еженедельной социал-демократической газеты «Пайкар» («Борьба»). В нем указывалось: «Сурен был сознанием всей общественно-государственной российской жизни, более того, международной жизненной среды... Его духовными отцами и учителя-

---

[1] С. Г. Шаумян. Указ. соч., т. 1, с. 5.
[2] Там же, с. 6.

мы были Чернышевский, Белинский, Плеханов и затем Маркс, Энгельс»[1]

Глубокое воздействие русская революционно-демократическая идеология оказала на процесс формирования и развития азербайджанского народа. Одним из первых, кто познакомился с прижизненными произведениями Виссариона Григорьевича, был известный филолог-ориенталист, профессор Петербургского университета Мирза Джафар Топчибашев. Он представлял ту часть дворянства, которая ратовала за тесное сближение с русской культурой, боролась против религиозного фанатизма, понимала отсталость и неизбежность гибели старых феодально-крепостнических отношений.

Еще в конце 1834 года в журнале «Телескоп», руководимом, по сути дела, Белинским, появилась рецензия Мирзы Джафара на «Персидскую хрестоматию» А. Болдырева. Сопоставляя ход развития востоковедения, Топчибашев указывал, что русские ученые должны опередить в этом деле зарубежных с тем, чтобы «у нас на Руси было бы много трудолюбивых и ревностных людей к успехам восточной культуры».

Мирза Джафар являлся не только ученым, но и поэтом. Оценивая его стихи, Виссарион Григорьевич писал: «Мы уверены, что они несравненно лучше своих переводов». Автор небольшого стихотворного сборника, конечно, знал как об этом отзыве, так и о других статьях и рецензиях критика.

Существенное влияние творчество Белинского оказало на формирование демократических, литературно-критических и философских взглядов крупнейшего азербайджанского просветителя и писателя-демократа Мирзы Фатали Ахундова. По всей вероятности, первоначальные сведения о русском критике он получил от сосланных на Кавказ декабристов А. И. Одоевского и А. А. Бестужева-Марлинского, с которыми близко сошелся. О романах и повестях последнего из них Виссарион Григорьевич не раз писал в «Телескопе». Из переписки Бестужева-Марлинского известно, что он следил за отзывами критика и имел номера этого журнала.

Не мог пройти Мирза Фатали и мимо «Отечественных записок» за 1839—1841 годы, в которых печатались тво-

[1] С. Г. Шаумян. Указ. соч., т. I, с. 507.
[2] В. Г. Белинский. Указ. соч., т. I, с. 258.

рения Лермонтова. С ним Ахундов познакомился еще в 1837 году, когда поэт был сослан на Кавказ и где им было написано стихотворение «Смерть Поэта»[1]. В этих номерах публиковались такие обширные статьи Белинского, как «Горе от ума», «Полное собрание сочинений А. Марлинского», «О детских книгах», «Герой нашего времени», «Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова», «Русская литература в 1840 году», «Идея искусства» и другие.

Хотя вопрос о чтении Ахундовым русских журналов до сего времени не выяснен, можно предположить, что ему были известны «Отечественные записки» и за другие годы. Они, судя по имеющимся данным, поступали в Тифлис, где находилась канцелярия главноуправляющего Грузией, в которой служил Мирза Фатали.

О том, что великий русский критик глубоко интересовал Ахундова, свидетельствует и сохранившееся в его личной библиотеке собрание сочинений Белинского, изданное в 1859—1862 годах. На многих страницах имеются пометки, сделанные рукой владельца[2].

Изучение трудов гениального мыслителя и революционного демократа помогло Ахундову бороться со всяким злом, разрабатывать и утверждать новое начало в азербайджанской литературе, направленной против феодального рабства и лживой религии ислама. Поэтому, как и Белинский, Мирза Фатали ратовал за раскрепощение человеческой личности, проповедовал идею о насильственном свержении отжившего строя. В одном из писем он указывал: «Наша цель заключается... в достижении процветания родины путем распространения науки и знаний в массах. Наша цель заключается в том, чтобы высоко оценить знамя свободы, справедливости и дать народу возможность спокойно строить свою жизнь, идти к благоденствию»[3].

Приведенные выше строки со всей очевидностью напоминают слова Белинского, с такой же страстностью сказанные им в письме к Гоголю.

Говоря о заслугах великого русского критика, известный поэт и драматург, действительный член Академии

---

[1] И. Андроников. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964, с. 366

[2] См.: Г. Гусейнов. Из общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века. Баку, 1949, с. 329

[3] М. Ф. Ахундов. Избранные философские произведения. Баку, 1953, с. 281.

кауз Азербайджанской ССР Самед Вургун подчеркивал, что Белинский особенно близок азербайджанскому народу. Его идеи оказали сильное влияние не только на формирование взглядов М. Ф. Ахундова, Гасан-бека Зардаби, но и в целом на развитие азербайджанской культуры.

Вместе с лучшими представителями литературы, искусства Украины и Закавказья рука об руку шли выдающиеся сыны казахского народа Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев. Их мировоззрение также складывалось под влиянием русской прогрессивной идеологии.

С творчеством великого русского критика Ч. Валиханов познакомился в Омском кадетском корпусе. В библиотеке этого учебного заведения имелись журналы «Отечественные записки» и «Современник». Много рассказывал о произведениях Виссариона Григорьевича его страстный поклонник, преподаватель русской словесности Костылецкий. Эти рассказы мог дополнять С. Ф. Дуров, с которым Чокан познакомился в 1851 году. Активный член кружка Петрашевского за пропаганду письма Белинского к Гоголю был приговорен к каторжным работам и отбывал срок наказания в Омске. Здесь же Валиханов встретился с Ф. М. Достоевским. В приговоре о нем говорилось: «За участие в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, полного дерзких выражений против православной церкви и верховной власти, и за покушение, вместе с прочими, к распространению сочинений против правительства посредством домашней литографии, он ссылается на каторгу...»[1]

Молодой казах, таким образом, оказался в окружении людей, в памяти которых были свежи события, связанные с деятельностью великого критика. Это вызвало еще больший интерес к наследию Виссариона Григорьевича. Учившийся вместе с Чоканом будущий известный исследователь Центральной Азии Г. Н. Потанин указывал позже во вступительной статье к сочинениям Валиханова, что проработка трудов Белинского явилась для него «первой идейной зарядкой»[2].

Увлечение произведениями великого русского мыслителя продолжалось и в последующие годы. Будучи в Пе-

---

[1] Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1893, т. XI, с. 74

[2] Ч. Валиханов. Сочинения. СПб., 1904, с. 4

тербурге, Валиханов общался с редакцией «Современника», следил за статьями Чернышевского. Все это способствовало формированию демократических взглядов, критического отношения к окружающей действительности. Чокан стремился облегчить положение своего народа, выступал против засилия феодально-байской верхушки, с гневом разоблачал колониальную политику царских чиновников.

По мнению литературоведа Х. Бекхожина, занимавшегося темой «Белинский и казахская литература», творчество Виссариона Григорьевича оказало благотворное влияние не только на писателей, поэтов, но и на энтузиастов народного образования. В своей статье он писал: «Замечательные педагогические идеи В. Г. Белинского, его пламенный призыв к развитию науки и культуры, его неугасимая любовь к народу и вера в его духовные силы нашли свое отражение во многих произведениях и в практической деятельности выдающегося казахского просветителя Ибрая Алтынсарина»[1].

Известный писатель и литературовед Сабит Муканов в своем исследовании «Влияние эстетических взглядов Белинского на мировоззрение Абая» (июньский номер «Вестника Академии наук Казахской ССР» за 1948 год) указывал, что идеи великого русского критика являлись путеводной звездой и для основоположника новой казахской письменной литературы.

А. Кунанбаев испытал на себе благотворное влияние творчества Виссариона Григорьевича еще в юношеские годы. В начале семидесятых годов прошлого века он близко сошелся с политическими ссыльными, отбывавшими срок приговора в Семипалатинске. Все они в основном прошли хорошую школу революционных демократов и были страстными пропагандистами передовых идей того времени. Особенно же будущий великий поэт-просветитель подружился с учеником Чернышевского Е. П. Михаэлисом. Позже А. Кунанбаев писал: «Человек, который познакомил меня с произведениями известных русских писателей — Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Белинского, Добролюбова и Писарева, был Михаэлис, именно он сделал для меня больше, чем родной отец, открыл мне глаза на мир».

---

[1] «Казахстанская правда», 1948, 6 июня

Эстетические принципы, выдвинутые Белинским, высоко ценили прогрессивные деятели и других народов России. Где в шестидесятых годах его наследием увлекался поэт, переводчик и фольклорист Ф. Бривземниек, много сделавший для развития русско-латышских культурных связей. В Московском университете он слушал лекции выдающегося филолога Ф. И. Буслаева, который хорошо знал Виссариона Григорьевича, встречался с ним, будучи учеником Пензенской гимназии. Бывал Фрицис и в доме Станкевичей, где с благоговением почитали Белинского. Это, видимо, пробуждало у молодого студента интерес к произведениям писателя, ибо в сохранившихся памятных книжках Ф. Бривземниека встречаются выписки из статей великого критика и комментарии к ним.

В 1874 году Фрицис в приложении к газете «Мияс виесис» опубликовал очерк о Ломоносове, в котором впервые познакомил латышских читателей с именем Виссариона Григорьевича, приводил его высказывания о гениальном ученом. В примечании автор писал: «Белинский является знаменитым русским критиком, судьей, мыслителем. Он жил и работал в сороковые годы нашего века, освещая свой народ яркими лучами разума, побуждая его к новой духовной деятельности»[1].

Под воздействием передовой русской общественной мысли в середине восьмидесятых годов в латышской литературе обозначились два противоположных направления. С одной стороны — это писатели и критики, требовавшие реального изображения жизни, демократизации искусства; с другой — представители так называемого «псевдонародного» романтизма, выражавшие узконационалистические интересы. Первые из них боролись за правдивый показ окружающей действительности и нередко ссылались в данном вопросе на Белинского, вторые — проповедовали идею о том, что искусство должно быть «возвышенным» и не касаться, по их мнению, «низменных» сторон человеческой деятельности.

Активным пропагандистом нового направления в латышской литературе являлась газета «Диенас лапа» («Ежедневный листок»), которая стала выходить с 1886 года. На протяжении почти десяти лет ее редактировали один из будущих организаторов Коммунистиче-

[1] В. А. Вавере, Г. М. Мацков. Латышско-русские литературные связи. Рига, 1965, с. 57.

ской партии Латвии П. Стучка и народный поэт Я. Райнис. Видный ученый, публицист, большевик с 1903 года П. Дауге говорил о них: «Первые свои революционные шаги как Райнис, так и Стучка совершили в Петербурге». Оба они, используя богатейшие сокровища Петербургской Публичной библиотеки, ознакомились с бессмертными трудами прогрессивных русских мыслителей — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена и других.

В развернувшейся борьбе с консерваторами и защитниками теории «чистого искусства» «Дненас лапа» — этот передовой орган умственной жизни трудящихся Латвии — постоянно распространял взгляды Белинского, неоднократно писал о нем. Например, под влиянием идей Виссариона Григорьевича была напечатана статья Я. Райниса «Старшины Лиелпилсской волости». А неизвестный автор в своей обширной публикации «Поэзия и критика», помещенной в «Дненас лапа» за 1886 год (№ 76, 77), излагал мысли Белинского об отношении поэта к действительности литературы — к прошлому и настоящему, говорил о правдивости изображения жизни, формулировал задачи критики. Причем этот пересказ почти не отличался от оригинала. Так, с небольшими пропусками автор приводил многие цитаты из пятой статьи Виссариона Григорьевича о Пушкине. В частности, в «Дненас лапа» указывалось: «Белинский говорит, что всякий истинный поэт никогда ничего не выдумывает, но облекает в живые формы общечеловеческое. И поэтому в созданиях поэта читатель всегда находит что-то давно знакомое ему, что-то свое собственное, что он более или менее сам чувствовал»[1].

Значительное место в периодической печати отводилось популяризации педагогических воззрений великого русского мыслителя. Так, в 1889 году газета «Балтияс вестнесис» («Балтийский вестник», № 131—133) познакомила читателей со статьей «О воспитании». Она представляла собой перевод основных высказываний Виссариона Григорьевича о детском чтении, о значении книг в развитии ребенка, о роли родителей, которую они должны играть в процессе формирования взглядов подрастающего поколения. В начале статьи переводчик пояснял, что «Белинский — это выдающийся педагог и литературный

[1] Ср.: В. Г. Белинский. Указ. соч., т. VII, с. 310

критик, а перевел часть для того, чтобы читатель увидел, как он учил русский народ, и что, быть может, и литовцы найдут в его учении полезные советы для себя».

Большое влияние творчество Виссариона Григорьевича оказало на эволюцию передовой общественной мысли и становление реалистической литературы Литвы. Сочинения великого русского критика здесь стали распространяться в конце прошлого века. Под его воздействием, как указывает К. Умбрасас в статье «В. Г. Белинский и литовская литература», развивалось мировоззрение и писательское мастерство И. Мачиса-Кекштаса, С. Матулайтиса, П. Вишинскиса, В. Капсукаса и других деятелей культуры.

Труды Белинского, например, сыграли важную роль в формировании эстетических взглядов И. Билюнаса — одного из самых талантливых представителей литовского критического реализма. «Сам Билюнас,— писал один из его современников,— уделял немало времени вопросам литературы, искусства. Особенно он увлекался классиками, больше всего читал Тургенева, Толстого...»

Далее свидетель того времени, хорошо знавший И. Билюнаса, но скрывал. «Очень внимательно читал он и литературно-критические статьи Белинского. С Белинским и Карлом Марксом не расставался даже и по ночам. Ночью внедрял книгу и читал тайком, потому что гимназическое начальство запретило подобные книги».

Знаком был с наследием Виссариона Григорьевича передовой демократический деятель Литвы конца прошлого века Винцас Кудирка. Он основал и редактировал журнал «Варпас» («Колокол»), вокруг которого сплачивались лучшие писатели-реалисты. В публицистических и литературно-критических статьях Винцаса, помещаемых на страницах «Варпаса», особенно чувствовалось влияние идей Белинского.

На рубеже XIX — XX веков боевая реалистическая эстетика Белинского стала оказывать существенное влияние и на белорусскую литературу. Под воздействием идей великого критика-революционера развивалось творчество Ф. Богушевича, А. Тетки и других лучших представителей художественного слова. В своих произведениях они правдиво изображали окружающую действительность, смело защищали права обездоленного народа.

Философские и литературно-критические воззрения Виссариона Григорьевича нашли широкий отклик в

сердцах передовых писателей и общественных деятелей Молдавии. Этому во многом способствовал тот факт, что лучшие представители молдавской культуры идейно формировались в непосредственном общении с русской революционной молодежью шестидесятых — восьмидесятых годов. Среди них были Б. Хождеу, Н. Зубко-Коляну, доктор Руссел, К. Доброжяну-Геря, З. Арборе, В. Крэсеску и другие.

В мемуарной литературе, эпистолярных и других материалах можно найти немало свидетельств о влиянии идей Белинского на молдавскую интеллигенцию. Так, известный писатель и общественный деятель З. Арборе, вспоминая время юности, писал в 1908 году о том, что на произведениях великого русского критика «воспитывалось все наше поколение»[1].

Таким образом, революционно-демократические, эстетические взгляды Белинского являлись тем компасом, который указывал путь борьбы за прогресс — коренные изменения во всех сферах общественной жизни не только русского, но и других народов Российской империи. Поэтому интернационалистические воззрения гениального мыслителя были близки и понятны всем тем, кто постоянно испытывал феодально-монархический гнет. В силу такой общности социально-экономических условий, в которых находились трудящиеся массы, идеи Белинского с горячим сочувствием воспринимались как передовыми деятелями освободительного движения в России, так и за ее пределами, особенно в славянских странах.

Уже в начале сороковых годов имя Виссариона Григорьевича стало известно польским читателям. Впервые их познакомил с творчеством писателя П. Дубровский. В его литературных обзорах, публиковавшихся в журналах «Библиотека варшавска» и «Ютшенка», приводились выдержки из статей Белинского, давался пересказ многих рецензий. В других изданиях неоднократно говорилось об «Отечественных записках», их критическом отделе[2].

Под воздействием идей великого революционного демократа складывались эстетические взгляды А. Марцинковского, ведущего критика прогрессивного журнала

---

[1] Белинский и Молдавия. — «Советская Молдавия», 1961, 13 июня.

[2] Сведения о распространении наследия Б. Г. Белинского в Польше заимствованы из сборника «Польско-русские литературные связи». М., «Наука», 1970

Гвязда». В своих суждениях о современной польской литературе он опирался на теоретические положения Белинского, был сторонником социального романа, считал, что художественное произведение должно выражать интересы общества.

Особенно пристально обращал внимание на наследие великого русского критика издатель журнала «Памятник науково-литераки» Р. Подберезский. В 1849 году из-за цензурных условий, когда имя революционного демократа находилось под запретом, он в форме письма Альберту Грифу (А. Мариньковскому) поместил перевод, а частично свободное переложение первой части статьи Виссариона Григорьевича «Взгляд на русскую литературу 1847 года», подводившей итог его борьбы за материалистическую эстетику и реализм.

Издатель «Памятника науково-литераки» переводил и перерабатывал также другие произведения гениального критика. Например, в том же 1849 году, когда в России только за упоминание имени Виссариона Григорьевича люди строго наказывались, Р. Подберезский поместил его статью о творчестве Гоголя, а в июньском номере за 1850 год на страницах журнала были изложены мысли Белинского о сочинениях А. Марлинского.

Хорошо знал творения революционного демократа и философа-материалиста Адольф из под Бельска. Во многих его публикациях ясно чувствуется влияние идей великого критика. Он выступал против приверженцев романтизма, идеализирующих жизнь, осуждал творчество тех писателей, которые уходили от социальных проблем, стоящих перед обществом.

Современный польский ученый, доктор М. Пилот указывает, что, благодаря знакомству с работами Белинского, Адольф из-под Бельска зрелостью своих взглядов на реализм не уступал ведущим критикам своего времени — ни отечественным, ни зарубежным.

Другой исследователь С. Кавына пишет: «В уточнении целей и задач, стоящих перед польским романом во второй половине прошлого века, писателям прогрессивного лагеря, несомненно, оказала помощь творческая практика таких реалистов, как Бальзак, Жорж Санд, Диккенс, Гоголь, особенно же работы выдающегося русского критика В. Белинского».

О действенной силе идей русского революционного демократа можно судить и по тем высказываниям, которые

М. В. Белинская. Фотография шестидесятых годов XIX века.

Портрет В. Г. Белинского работы художника В. М. Васнецова, 1879 год

Бюст В. Г. Белинского исполненный в восьмидесятых годах прошлого века А. С. Козловым по заказу К. П. Барсова

Дочь великого критика О. В. Белинская, по мужу Бенси. Фотография конца семидесятых годов XIX века. Греция, г. Корфу

Государственный музей-усадьба В. Г. Белинского. Домик, в котором прошли годы детства и юности революционного демократа.

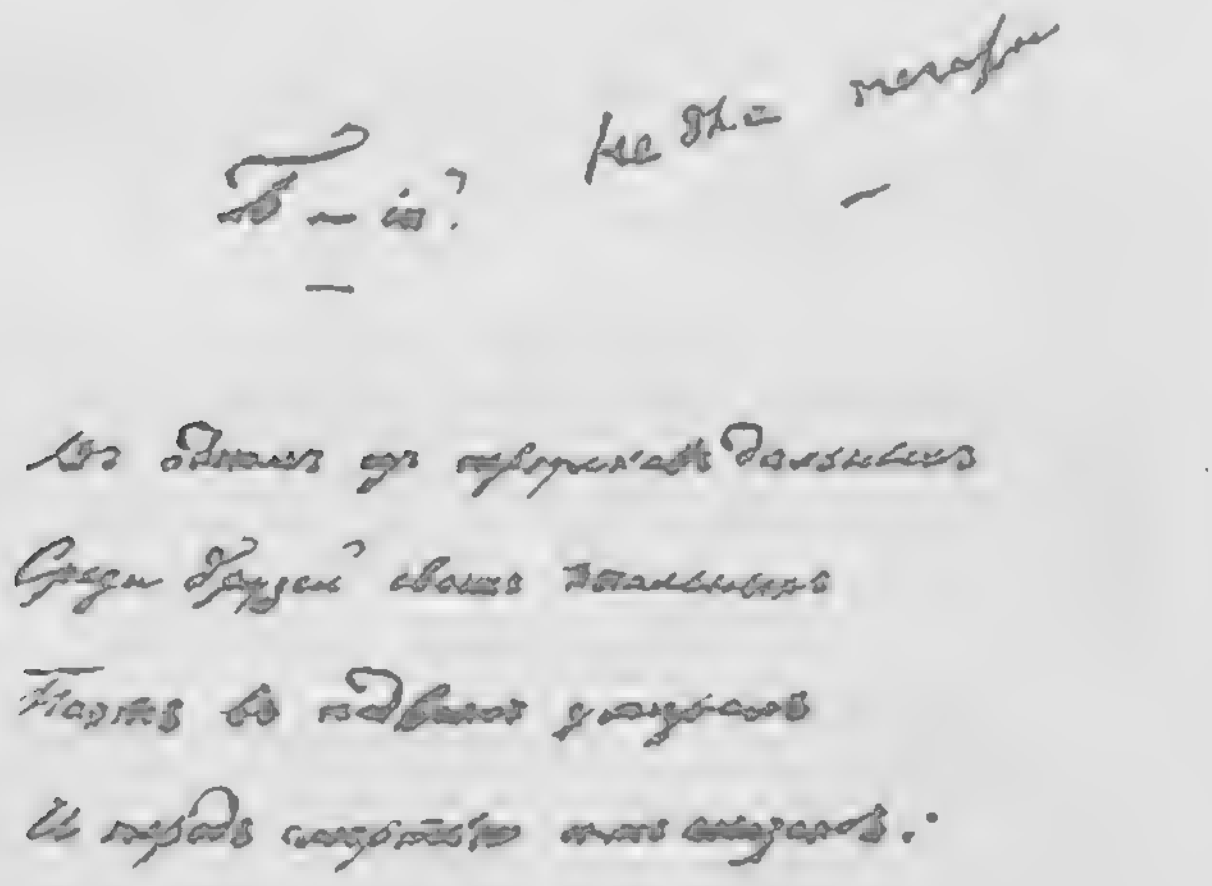
Второе здание музея – бывшее уездное училище, которое В. Г. Белинский окончил в 1825 году

В. Г. Белинский у Герцена в Париже читает письмо к Гоголю. Картина ма
лом А. Северина

В. Г. Бенсис — внук В. Г. Белинского
втор воспоминаний о своем знамени
том дедушке

Памятник В. Г. Белинскому работы Г. В. Вучетича, установленный в городе Пензе в память о столетии со дня смерти революционного демократа

В. Г. Белинский на смертном одре. Гравюра Л. А. Серякова, 1874 год, с картины маслом К. А. Горбунова, писанной 27 мая 1848 года.



Стихотворение Н. А. Некрасова «Белинский». 1855 год. Автограф А. Я. Панаевой. Сверху помета русского поэта: «Не для печати»

Сочиненія

В. БѢЛИНСКАГО.

МОСКВА

1862

Собрание сочинений В. Г. Белинского, изданное К. Т. Солдатенковым и М. Щепкиным в 1859—1862 годах, в двенадцати частях

СОВРЕМЕННИКЪ

ТОМЪ LVIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1856

Титульный лист 58-го тома журнала «Современник». В июльском номере Н. Г. Чернышевский в своих «Очерках гоголевского периода русской литературы» открыто назвал имя В. Г. Белинского

распространяли консерваторы. Так, в 1854 г. редакция журнала «Пшегленд познаньски» с тревогой писала о «новых веяниях», носителями которых были Белинский и Гоголь — эти якобы «разрушители» русской литературы.

Подобные нападки на идейное наследие великого критика продолжались и в последующие периоды. Орган ярых монархистов газета «*Czas*» («Время», № 148), защищая позиции реакционных кругов, выступавших против польского народного движения, вещала в 1876 г. на своих страницах: «Поколение современных молодых поэтов и прозаиков в России начало с мастерством настоящих виртуозов петь гимны в честь божества безобразного». Далее в статье указывалось: «Пример, показанный Гоголем в его романе «Мертвые души», а главное теоретический вывод известного критика Белинского о том, что национальное искусство и литература могут возникнуть только на почве свободного русского государства, так повлияли на младшее поколение писателей, что они начали считать критику строя и отношений в старой России важнейшей задачей литературы».

Высоко ценили творчество Белинского болгарские общественные деятели и писатели, многие из которых получили сведения о его деятельности во время пребывания в России. Так, один из первых болгарских критиков Н. Бончев учился на историко-филологическом факультете Московского университета в то время, когда появились «Очерки гоголевского периода русской литературы», вышло первое издание сочинений Белинского, когда на страницах газет и журналов часто писалось о нем.

Одаренный юноша с увлечением читал произведения гениального мыслителя и являлся его страстным поклонником. Все это, по определению известного болгарского ученого, профессора В. Велчева, оказало серьезное влияние на убеждения Н. Бончева. В своих статьях он боролся за утверждение реализма в болгарской литературе, считал, что она должна служить интересам народа, воодушевлять его на борьбу за национальную независимость и полное освобождение от турецкого ига [1].

---

[1] Велчо Велчев. Въздействието на руската класическа литература за формиране и развитие на българската литература през XIX век. Изд. на Българската Академия на науките. София, 1958, с. 21—22. Пользуясь случаем, выражаю сердечную признательность болгарским ученым Велче Велчеву и Георгию Димову, сообщившим сведения по теме «Белинский и болгарская литература».

Болгарский критик, следуя за Белинским, резко осуждал писателей, «витающих в облаках», плодивших бесцветные, чуждые народу повести и романы. Он призывал публицистов, всех тех, кому дорога национальная литература, давать беспристрастную оценку каждому произведению. Перефразируя несколько мысли Белинского, Н. Бончев писал: «Литературное поле — это не бальная зала, где можно ласкать и говорить комплименты. На литературном поле нет места деликатным чувствам. На этом поле, кто не с нами, тот против нас»[1].

Подобную же точку зрения разделял выдающийся болгарский писатель и политический общественный деятель Л. Каравелов. Любен утверждал: «По нашему мнению, всякая критика должна быть единой, строгой, многотребовательной, серьезной и объективной...»

Л. Каравелов в качестве вольнослушателя почти одновременно с Н. Бончевым посещал Московский университет. Около десяти лет, с 1858 по 1867 год, он жил в России и постоянно изучал русскую литературу. Особенно его привлекали произведения Пушкина, Гоголя, группы революционных демократов, в том числе Белинского, сочинения которого Любен знал отлично[2].

Некоторые литературоведы и историки выражают мнение, что, будучи в Москве, Л. Каравелов близко сошелся со многими славянофилами и не был чужд их идеологии. Однако В. Велчев, анализируя творчество Любена, его общественно-политические и эстетические взгляды, свидетельствует другое. В цитированной выше работе он указывает, что, какие бы влияния русской литературы ни испытал Каравелов, доминирующим было для него влияние революционеров-демократов».

В своем исследовании В. Велчев приводит такой факт. Полемизируя со сторонниками редакции газеты «Турция», стоявшей на оппортунистических началах в решении болгарского национального вопроса и под видом сближения с русским народом веявшей опошлявшей его передовую культуру, его славные традиции, Любен писал: «Но есть ли у этих предателей национальных интересов своего на-

---

[1] Г. Димов. Традициите на руската революционно-демократична естетика във формирането и развитието на българската литературна критика. Славянска филология. Т. IV. София, 1963, с. 93.

[2] Велчо Велчев. Указ. соч., с. 59.

рода право, чтобы произносить слово России? Знают ли они имена Шевченко, Гоголя, Герцена, Белинского, Чернышевского? Знают ли они их дела и идеи? — Эти строки весьма ярко характеризуют отношение автора к идеалам антикрепостнической борьбы.

Известный болгарский писатель постоянно восхищался деятельностью русских революционных демократов их философскими и литературно-критическими идеями, ставил их в один ряд с величайшими гениями человечества. В своей повести «Виновата ли судьба?» он сравнивал Белинского и Чернышевского с Шекспиром и Ньютоном, писал по этому поводу: «Они нам дороги, как выдающиеся полководцы и генералы, ловущие на бой с врагом. И во все это я так пламенно верю, что никто не сможет разубедить меня в противном».

Близко был связан с передовыми кругами русской литературы основоположник новой, реалистической болгарской поэзии П. Славейков. Он, как свидетельствует В. Велчев, часто гостил у своих российских собратьев по перу. В 1855 году Петко издал в Петербурге сборник болгарских песен. Много внимания поэт уделял переводам на свой родной язык произведений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова и других русских классиков.

Наряду с поэзией П. Славейков пристально следил за журналистикой и ее критикой. Уже в конце сороковых — начале пятидесятых годов он познакомился со многими статьями Белинского, которые оказали на него большое влияние. Под впечатлением прочитанного поэт преодолел романтические условности и отвлеченности, встал на путь реалистического отражения общественных явлений.

П. Славейков первым у себя на родине рассказал в печати о великом русском критике. 29 июня 1860 года в газете «Болгария» была опубликована его статья «Мудрые мысли». В ней автор, говоря о народности литературы, приводил в подтверждение высказывания Белинского.

Несколько позже, в письме Цв. Недеву, проживавшему в Габрово, П. Славейков просил своего друга выслать оставшуюся у Игнатова «одну русскую книгу — Белин-

---

[1] Велчо Велчев. Указ. соч., с. 60.
[2] Г. Димов. Указ. соч., с. 73.

ского[1]. По всей вероятности, здесь шла речь о последней, двенадцатой части собрания сочинений революционного демократа, которая увидела свет в 1862 году. В то время Ботев задумал написать статью о современной литературе, и ему нужны были для работы труды Виссариона Григорьевича.

Но, видимо, такой материал П. Славейков не подготовил, ибо много внимания уделял организации, а потом изданию газеты «Македония». Лишь в 1870 году в журнале «Читалище» появилась его публикация «Что такое роман». Она целиком и полностью была основана на эстетических принципах Белинского. В ней автор указывал, что «деловой характер русской критики в оценке литературных явлений может служить прекрасным примером и для наших писателей».

Вместе с П. Славейковым широко пропагандировал наследие великого русского критика редактор журнала «Общинен труд» Т. Икономов. В первом номере этого издания за 1868 год он поместил на двадцати страницах фрагменты из статьи Виссариона Григорьевича «О детских книгах». Спустя три года Т. Икономов напечатал собственное исследование «Природа поэзии и наши потребности», всецело,— как установил Г. Димов,— «основанное на положениях, развитых родоначальником русской реалистической критики»[2].

В последующих публикациях Т. Икономов твердо следовал за гениальным русским мыслителем. Популяризируя его философско-эстетические взгляды, болгарский публицист говорил о бессмертных трудах великого русского учителя, о их немеркнущей силе в области художественного творчества.

Важную роль труды русских революционных демократов сыграли в идейной закалке многих других южнославянских писателей и общественных деятелей. Например, часто литературоведы и историки, рассматривая истоки формирования мировоззрения известнейшего поэта, публициста и вождя болгарского национально-освободительного движения Христо Ботева, ссылаются на воспоминания его одесского сочленика Г. Смилова. Георгий указывал, что они с Христо в 1857–1866 годах жили в одной комнате и «Ботев запоем зачитывался в то время русской

---

[1] Г. Димов. Указ. соч., с. 72.
[2] Там же.

литературой, он с увлечением декламировал наизусть многие стихотворения Пушкина и Лермонтова, «вставал и ложился» с Белинским, Добролюбовым, Чернышевским...

Однако последние данные свидетельствуют о том, что Хр. Ботев и его соратник, выдающийся писатель-реалист Иван Вазов, хорошо изучили русский язык и познакомились с передовой русской литературой еще в Клисферском училище. Преподавал здесь словесность отец Христо – Ботьо Петков, который получил образование в России. Отсюда, видимо, он захватил с собой многие книги и номера лучших журналов. Г. Димов в цитированном исследовании сообщает: «Когда в это учебное заведение поступил Ив. Вазов, то он нашел в местной библиотеке наряду с сочинениями Пушкина, Лермонтова множество томов «Отечественных записок», в которых печатались знаменитые статьи Белинского».

Существенное значение в пропаганде наследия Виссариона Григорьевича имели исследования и популярные издания, в которых освещался жизненный и творческий путь великого критика. В конце семидесятых годов во многие болгарские библиотеки поступила двухтомная биография Белинского, написанная А. Н. Пыпиным. А в 1895 и 1897 годах дважды на болгарском языке издавалась работа М. А. Протопопова «В. Г. Белинский. Жизнь и его литературная деятельность. С знаменитым письмом В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю».

В 1896 году, раньше, чем в России, произведения гениального русского мыслителя вошли в болгарскую учебную литературу. Так, в «Хрестоматию» для пятого класса ее составитель Ив. Неев-Плачков включил отдельные высказывания Белинского, напечатанные под рубрикой «Различия между реалистической и идеалистической поэзией».

Приведенные примеры говорят о том, что развитие болгарской литературы и передовой общественной мысли было тесно связано с русским революционно-демократическим движением. Именно на это указывал в 1913 году Георгий Димитров. В статье «Куда идет Болгария» он писал: «Два исторических факта связали болгарский народ и великий русский народ. Первое — свое освобождение Болгария получила из рук русского народа. Второе — болгарский и русский народы связаны общей судьбой славянских народов в борьбе против тевтонских устрем-

ленный к поглощению славян. Кровное славянское родство, общность языка, общность письменности и культуры, общность интересов в борьбе против немецкой опасности создали таким образом основы нерушимой дружбы между русскими и болгарами»[1].

И одним из основоположников упрочения уз этой дружбы явился страстный человеколюбец Белинский. Его идеи болгарские мыслители, общественные деятели распространяли не только у себя, но и в соседней Хорватии, которая также страдала от иноземного гнета.

Во многих сербских публикациях того времени, указывает югославский литературовед Мила Стоянч, чувствуется обстоятельное знакомство их авторов с журналом «Современник» и особенно с положениями Белинского, Добролюбова, Писарева. Это, например, ощущается уже в структуре статьи Якова Игнатовича «Взгляд на литературу», написанной в 1857 году. Как и Белинский, он прослеживает процесс развития своей национальной художественной словесности, указывает ей путь к реализму[2].

Весьма много сделал для распространения наследия Виссарион Григорьевича сербо-лужичанин, видный деятель возрождения национальной культуры своего народа Я.-Н. Норман. Положение лужицких сербов, указывает академик М. П. Алексеев, было крайне тяжелым. Небольшие селения, раскинувшиеся в тогдашних Саксонии и Пруссии, тонули в волнах германизма. Сербские славянские имена и фамилии немилосердно перетолковывались на немецкий лад.

Ян-Непомук Норман, как пламенный трибун своего народа и ревнитель родного языка, организовал вокруг себя небольшой кружок разноплеменных славянских студентов и решил издавать в Лейпциге журнал на немецком языке «Летописи славянской литературы, искусства и науки». Его редактор пристально следил за русской критической мыслью. Уже в четвертом и пятом выпусках за 1843 год он опубликовал в своем органе «Краткий очерк истории русской литературы». В подзаголовке говорилось, что этот «Очерк» составлен по «Отечественным запискам». В 1844 году в третьем и четвертом выпусках по-

---

[1] Цит. по журналу «Вопросы философии», 1950, № 1, с. 204—205.

[2] Русско-югославские литературные связи. М., 1975, с. 13.

явилось его продолжение. Данные публикации представляли собой перевод, а местами пересказ первых двух статей Белинского о Пушкине.

Внимательное изучение этих переводов, подчеркивает академик М. П. Алексеев, позволило установить, что в дальнейшем Норлан продолжал свою работу над трудами Белинского. Несколько позже он почти в полном виде издал первые четыре статьи великого критика о гениальном поэте отдельной книгой под названием «История русской литературы» с указанием имени переводчика. В таком виде опубликованные материалы привлекли еще большее внимание. Книга несколько раз переиздавалась и таким образом оказывала все большее влияние на читателей, способствовала дальнейшему распространению идей Белинского за рубежом [1].

Активным пропагандистом творчества Белинского, Пушкина, Крылова, писателей натуральной школы в сороковых — семидесятых годах прошлого столетия являлся немецкий переводчик и критик Фердинанд Леве, который учился в Лейпцигском и Берлинском университетах, а потом долгое время жил в Петербурге. Он поставил перед собой цель, пишет Г. Цитенфест, «сделать лучшие произведения русской литературы доступными немецкой части населения России, а также общественности Германии». Леве верил, что обмен национальными культурными ценностями приблизит то заветное время, когда земля станет не полем сражений, а общей связью наций» [2].

Далее современный немецкий ученый в своем исследовании указывает, что взгляд Леве на русскую литературу, ее национально-историческое значение выработался в значительной степени под влиянием статей Белинского. Его критика помогала Фердинанду распознавать ведущие тенденции русского литературного развития и ориентироваться на те направления и на тех писателей, которые олицетворяли будущее русской культуры.

Г. Цитенфест свидетельствует, что Леве стоял в одном ряду с такими выдающимися пропагандистами русской литературы, как Вольфзон и Липперт. Но пока те журналы, газеты, в которых они участвовали, далеко не исследо-

---

[1] М. Алексеев. Белинский и славянский литератор Я.-П. Норлан. — «Литературное наследство», т. 56, с. 438.

[2] Русско-европейские литературные связи. М.—Л., «Наука», 1966, с. 251.

ван. Поэтому не исключена возможность, что в дальнейшем будут открыты новые факты популяризации наследия великого русского критика в Германии и доказано его влияние на развитие немецкой литературы.

Более широко во второй половине прошлого века имя Белинского было известно во Франции. Этому во многом способствовала деятельность Герцена и особенно Тургенева. Через них французские писатели, публицисты узнали о творчестве гениального русского мыслителя, его значении в истории развития передовой общественной мысли России.

В качестве примера, пишет Ф. Я. Прийма, может служить статья «А. Герцен», написанная в 1866 году Шарлем Бэ. В ней целая страница посвящена характеристике Белинского, полностью заимствованная из двадцать пятой главы «Былого и дум»[1].

Вспоминая шестидесятые годы, говорил о великом русском критике и Поль Депре. В одной из рецензий он писал о знакомстве с Тургеневым и тех беседах, которые велись между ними. Эти беседы, рассказывал французский писатель, касались почти исключительно политических тем и главным образом русской литературы, которая формировалась непосредственно под воздействием Белинского и его последователей.

Несколько позже узнал о Виссарионе Григорьевиче выдающийся французский писатель-реалист Анатоль Франс. В своей статье Иван Тургенев он указывал, что своими знаниями русской литературы обязан знакомому, славянину по происхождению, а также «Истории современной литературы России», вышедшей К. Курьером в 1875 году. В этом французском издании творчеству Белинского была отведена целая глава — восемнадцать страниц.

Анатоль Франс имел довольно основательное представление о значении творчества великого критика. На страницах «Le Temps» он писал: «В то время, когда русские романтические поэты, увлекшие с быстротой, какую придают живым человеческие страсти, оставили после себя только печальную и возвышенную память, новое поколение все еще восторженное, но внимательное и размышля-

---

[1] Ф. Я. Прийма. Белинский во французской литературе. — В кн.: Белинский. Статьи и материалы. Л., Ленингр. гос. ун-т им. Жданова, 1949, с. 248

ющей молодежи, вырастая, формировало, по примеру Гоголя, школу, направление которой критик Белинский сформулировал следующим образом: «Искусство должно быть верным отображением жизни». Мудрость нового поколения состояла в том, что мерою всех вещей был объявлен человек. Воображение молодежи не выходило за пределы действительности. Это воображение покоилось на истине, и последняя, приобретая новую силу, не становилась от этого менее изящной. Эта была натуральная школа»[1].

В результате общения с Тургеневым весьма высокое мнение о деятельности Виссариона Григорьевича сложилось у Ги де Мопассана. Видимо, Иван Сергеевич неоднократно рассказывал выдающемуся французскому писателю-реалисту о своих молодых годах, о той атмосфере, которая тогда царила в журнальных кругах. Все это нашло отражение в небольшой, но довольно обстоятельной статье, посвященной Тургеневу, которую Мопассан написал в 1880 году. В ней он указывал, что будущий великий русский романист, как и многие начинающие писатели, в молодости вообразил себя поэтом. Но появившиеся в печати стихотворные произведения не принесли большого успеха.

В это время, свидетельствует Мопассан, Тургенев заслужил поддержку от знаменитого русского критика Белинского. Этот человек оказал решающее влияние на литературное движение своей страны, и авторитет его был более распространен и более могуществен, чем авторитет любого другого критика в любую из эпох в любом месте...»

Обстоятельную и вместе с тем противоречивую характеристику творчеству выдающегося революционного демократа можно найти в работах о русской литературе Э. М. де Вогюэ. В своей книге «Русский роман», увидевшей свет в 1886 году, он резко осуждал Виссариона Григорьевича за его «сближение с атеистическим и болезненным радикализмом», называл гениального мыслителя «русским Маратом». Наряду с этим автор исследования, примыкавший к консервативному крылу французской критической школы, не мог не признать громадных заслуг Белинского как перед русской, так и западноевропейской литературой.

---

[1] Цит. по указ. выше ст. Ф. Я. Приймы, с. 251

.Этот неутомимый труженик, — писал Вогюэ, — оставил огромное наследство, постоянную энциклопедию русской литературы...

В России он один совершил труды, которые у нас приблизительно в это время поделили между собою Вильмен и Сен-Бев. Он очистил от хлама старую литературу и с редкой прозорливостью определил тенденции новой. Этот смельчак первый ниспроверг множество старых идолов и разрушил фетишизм, который был принят на веру и которого придерживались по отношению к писателям классического периода. Несмотря на свое восхищение Пушкиным, он указал на слабые места романтизма, он осудил этого еще теплого мертвеца (т. е. романтизм) словами, на которые мы мало что могли бы возразить и сегодня. Наконец, он обладал настоящим предвидением умственных запросов своего времени, это он создал и воодушевил своими наставлениями «натуральную школу», откуда вышли великие современные русские романисты; он начертал ей ее программу сразу же после 1840 года и, что всего важнее, он первый явил собой пример русского, опередившего литературное развитие Запада»[1].

Французский критик, по всей вероятности, изучил не только солдатенковское собрание сочинений Белинского но и ряд работ, посвященных его творчеству. Ему, видимо, были известны произведения Чернышевского, Пыпина, а также знаменитое письмо к Гоголю, которое, по выражению Бернс, писалось «кровью сердца и соком нервов». Ибо, анализируя истоки творчества каждого крупного русского писателя, Вогюэ невольно обращался к наследию Виссариона Григорьевича.

По мере распространения наследия Белинского за рубежом его идеи стали проникать и на другие континенты. Одним из страстных поклонников творчества великого русского критика является основоположник японской реалистической литературы нового времени Фтабатэи Симэи. «Это был, — указывает советский литературовед Р. Г. Карлина, — знаток и ценитель русской литературы, глубоко повлиявший на его собственное творчество, талантливый переводчик с русского, первый в полноценных художественных переводах познакомивший японское общество с произведениями наших классиков. Мы считаем воз-

[1] Цит. по указ. выше ст. Ф. Я. Приймы, с. 253—254

можным утверждать, что литературные воззрения Фтабатэя непосредственно восходят к идеям великого русского критика-демократа Белинского»[1].

Хорошо изучив русский язык, Фтабатэй еще на студенческой скамье познакомился с основными работами Герцена, Чернышевского, Добролюбова. По сочинениям Белинского, по собственному его признанию, «прямо зачитывался». Уже в 1885 году он перевел на японский язык одну из важнейших теоретических статей великого критика «Идея искусства» и частично «Разделение поэзии на роды и виды». А в следующем году Фтабатэй опубликовал в апрельском номере журнала «Тюо-гакудзюцу» свою статью, которая называлась «Теория романа» («Сёсэцу сорон»).

Эта публикация Фтабатэя, как установила Р. Г. Карлина, почти полностью построена на произведениях Белинского. Лишь в отдельных случаях материал подается с учетом национальных особенностей. Например, там, где Белинский говорит: «Всякий человек — прежде всего человек, и потом уже Иван, Сидор и т. д.», там Фтабатэй заменяет Ивана и Сидора на Чжан-Саня и Ли-Сы; «чернеющий вдали лес» и «трепет сребристого листа» превращаются в «соловья, поющего на ветках сливы» и в «голоса цикад в осенней траве»[2].

Однако главное заключается не в том, сколько по объему в статье Фтабатэя занимают извлечения и цитаты из произведений Белинского. Смысл данного явления, подчеркивает Р. Г. Карлина, гораздо глубже. Автор «Теории романа» прежде всего сам глубоко усвоил эстетические принципы великого русского критика и пронес их через всю свою жизнь. Воспринятые взгляды определили отношение Фтабатэя к литературе, составили идейную основу его творчества, помогли созданию реалистического метода писателя — того метода, которому в дальнейшем учились у него молодые японские писатели.

Таким образом, к концу прошлого века наследие Белинского заняло одно из важных мест в сокровищнице не только русской, но и мировой культуры.

С приближением пятидесятилетней годовщины со дня смерти гениального мыслителя интерес к его творчеству обострился с еще большей силой.

---

[1] Р. Карлина. Белинский и японская литература. — «Литературное наследство», т. 56, с. 502.

[2] Р. Карлина. Указ. соч., с. 511.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Инициатором чествования памяти Белинского явилось Общество Лермонтовской библиотеки в Пензе. Еще в 1891 году, когда отмечался юбилей М. Ю. Лермонтова, члены этого Общества выразили мысль об установке на одной из площадей города памятника Белинскому. В следующем году педагогический совет 1-й Пензенской гимназии ходатайствовал перед попечителем Харьковского учебного округа о разрешении отметить пятидесятилетие со дня смерти великого критика литературными чтениями, вывесить его портрет в залове зале гимназии и «в случае возможности поставить чугунную статую в сквере гимназии на частные пожертвования

Пензенский губернатор дал понять, что ему не нравится эта затея, и решение педсовета положили, как говорят, под сукно. Только 28 марта 1897 года оно было отослано по адресу. В мае того же года А. Бекетов — брат известных русских ученых и общественных деятелей А. Н. и Н. Н. Бекетовых, прогрессивно настроенные врачи, учителя П. Евграфов, К. Евграфов, С. Захарьин, М. Соловьев, В. Просвирнин и многие другие вошли с предложением в городскую думу о подготовке к юбилею Белинского

Представители пензенской интеллигенции особо подчеркивали то, что годы детства и юности Белинского протекали в пределах Пензенской губернии[1], с которой связа-

[1] Отец великого критика родился в семье священника села Белынь Нижнеломовского уезда Пензенской губернии. В 1797 г. он поступил учиться в Тамбовскую духовную семинарию. В этом учеб-

на его родословная и происхождение фамилии. А поэтому, говорилось в прошении, не кому другому, как пензенскому обществу, надлежит принять на себя инициативу чествования памяти Белинского.

Собрание членов Общества Лермонтовской библиотеки, рассмотрев прошение, постановило: просить «городское управление принять на себя труд исходатайствовать Высочайшее соизволение на открытие всероссийской подписки на памятник В. Г. Белинского в городе Пензе и на основание какого-либо просветительного учреждения его имени»; принять меры «к тому, чтобы самый день пятидесятилетия — 26-е мая 1898 года — ознаменовался торжественным празднеством, программа которого могла бы быть выработана особой комиссией, образованной городской Думой»[1].

Не надеясь на положительный исход ходатайства, Общество приняло скромное решение: издать литературный сборник памяти Белинского, доход от которого обратить в фонд на поддержание или создание просветительного учреждения его имени, и открыть бесплатную народную библиотеку-читальню имени критика. Оно обратилось с просьбой и приглашением к русским писателям и ученым принять участие в сборнике.

В мае 1897 года, после двукратного напоминания со стороны членов Общества, городская дума утвердила юбилейную комиссию в составе девяти человек и поручила ей совместно с правлением Лермонтовской библиотеки разработать программу торжеств[2]. Но дальше утверждения комиссии дело не пошло. Выработанная программа оставалась нерассмотренной на протяжении нескольких месяцев. Многие члены городского управления опасались ходатайствовать перед правительством о праздновании юбилея Белинского. Только под напором пензенской общественности дума 28 января 1898 года вынуждена была рассмотреть предложенные мероприятия.

Комиссия предусматривала пригласить в Пензу родственников Белинского, представителей университетов,

---

ном заведении существовал порядок присваивать ученикам клички — фамилии по названию населенных пунктов, откуда они прибыли. Так Григорий Никифорович Никифоров, как он именовался до определения в семинарию, получил фамилию Белынский. Впоследствии, при поступлении в Московский университет, Виссарион Григорьевич для мягкости произношения изменил фамилию на Белинского.

[1] ГАПО, ф. 109, д. 481, лл. 1—2.

[2] Там же, лл. 3, 6.

Академии наук, литературных и ученых обществ России, а также просила думу войти с ходатайством в правительство о разрешении учредить в г. Пензе музей имени Белинского, в котором должны быть собраны его реликвии, автографы, портреты, рукописи, издания его сочинений и прочее, относящееся к его памяти, современном ему эпохе и его литературным сподвижникам».

Лишь спустя месяц решение пензенских градоправителей было направлено в Петербург. На этом документе появилась виза директора департамента полиции: «Двухсотлетие Петра Великого праздновалось только два дня». Ниже другая запись — министра внутренних дел: «Пенза празднует и больше никто. Ограничиться Пензой».

Готовился к юбилею и город Чембар. 28 марта 1897 года член совета городской бесплатной библиотеки А. Д. Козьменков произнес взволнованную речь на заседании городской думы. Он указывал, что организованная в мае 1896 года бесплатная библиотека весьма скудна, книг в ней почти нет, а на 25 рублей, отпускаемых думой по бюджету в год, можно выписать лишь несколько газет и журналов. При этом, в соответствии с существующими для бесплатных библиотек правилами, выбор книг очень ограничен. Можно приобрести издания, разрешенные только для ученических библиотек. Между тем «самым главным, а в глухих закоулках нашего обширного отечества почти единственным средством к самообразованию служат хорошие книги». Если «школа — это первая ступень, библиотека — следующая ступень, не менее необходимая для того, чтобы сделаться человеком более или менее развитым». В Чембаре назрела необходимость открыть другую библиотеку, платную.

Преподаватель мужского приходского училища А. Л. Сергиевский внес предложение возбросить разрешение открыть в городе Чембаре земледельческое или профессиональное училище имени Белинского на казенный счет, а также организовать всероссийскую подписку на установку бюста в городском сквере.

Эта программа «большинством 11 против 5 голосов» была принята городской думой. Ход голосования свидетельствовал о наличии разногласий в думе по чествованию памяти Белинского. Это в известной степени объ-

ЦГАОР СССР, ДП, делопроизводство 3, 1897, д. 1499, л. 6 и Архив Государственного музея-усадьбы В. Г. Белинского, т. 3, лл. 1—3, 19

ясняло в тем, что во главе Чембара стоял влиятельный купец Антошин — брат владельца дома Белинских, в котором тот открыл трактир.

Готовящиеся торжества по случаю юбилея Белинского вызвали серьезную тревогу у пензенского губернатора. На имя министра внутренних дел поступались официальные донесения, испрашивались указания. Департамент дел общих дел министерства передавал все эти документы в департамент полиции. Обеспокоенные власти правительственные круги слали в Пензу инструкции, ответы на поставленные вопросы в связи с приближающимся юбилеем.

30 октября 1897 года на имя чембарского городского головы пришла директива за подписью пензенского губернатора. В ней указывалось: «Рассмотрев проект устава библиотеки имени Белинского, я не нахожу возможным представить этот проект на утверждение г. Министру внутренних дел по следующим основаниям: в проекте устава не предусмотрено самого главного условия, а именно — куда должны поступить книги, журналы, денежные суммы и др. имущество в случае ликвидации дел библиотеки, и затем следует означить, что подобная ликвидация должна последовать не иначе как по утвержденному постановлению Думы».

Как видно, правительство больше заботилось о том, чтобы в случае необходимости можно было ликвидировать все, чего добьется общественность по увековечению памяти критика. А в большинстве случаев высокое начальство, не прибегая к оговоркам, прямо отвечало отказом. Так, 1 декабря 1897 года в Чембар поступил ответ и на остальные пункты мероприятий. Тот же губернатор писал, что «ходатайством городской Думы как об открытии в г. Чембаре на казенный счет среднего учебного земледельческого училища имени В. Г. Белинского, так равно и об открытии всероссийской подписки на постановку в городском сквере бюста писателя Белинского и по имеющимся у меня разъяснениям Министерства внутренних дел по этому предмету не нахожу возможным дать дальнейшее движение».

Неутешительный приговор, вынесенный прислужниками самодержавия, последовал и в Пензу. В своем отношении от 18 марта 1898 года директор департамента полиции Министерства внутренних дел Зволянский писал: «Вследствие отношения департамента общих дел от

28 минувшего февраля за № 4018, имею честь уведомить ваше превосходительство, что по докладе моем господину Министру Внутренних Дел постановления Пензенской городской Думы по поводу чествования памяти и постановки в г. Пензе памятника писателю Белинскому его высокопревосходительство, имея в виду, что памятник покойному писателю еще не готов, причем проект такового еще не утвержден и даже неизвестно будет ли утвержден в установленном порядке, изволил признать, что до осуществления места и установки сего памятника и закладки фундамента преждевременным. Равным образом господин Министр находит, что... все чествование памяти известного писателя по случаю пятидесятилетия со дня его кончины должно ограничиться участием лишь сего города, а не иметь характера всероссийского торжества, как это предположено Пензенской городской Думой»[1].

В этом же документе, предписанием директору департамента общих дел, говорится, что все ближайшие распоряжения по поводу сообщений пензенскому губернатору о проведении юбилея В. Г. Белинского будут даваться лично самим министром.

Официальные власти боялись не только распространения идей великого критика, но и громкого произношения его имени. Открыто не высказывая свою ненависть к Белинскому, они под всякими предлогами затягивали утверждение мероприятий по чествованию его памяти, не давали им широкой огласки.

В ответе попечителя Харьковского учебного округа директору 1-й Пензенской гимназии 7 мая 1898 года было со всей ясностью выражено отношение правительственных кругов к гениальному мыслителю. Попечитель указывал, что по соглашению с обер-прокурором священного синода, министром внутренних дел, господином управляющим Министерством народного просвещения уведомил, что панихида по Белинском, на которую предполагается собрать всех воспитанников гимназии, имела бы вид некоторой демонстрации и поэтому, согласно с мнением статс-секретаря Победоносцева предположение это отклонить. Что касается иных устройства литературных чтений о Белинском, то разрешение означенных чтений только быть поставлено в зависимость от их характе-

[1] ЦГАОР СССР, ДП, делопроизводство 3, 1897, д. 1499, л. 14.

ра... и в цензурном отношении чтения эти вполне отвечали существующим правилам». Предписывалось также, чтобы литературная деятельность Белинского освещалась «не только с положительной, но и с отрицательной стороны», при этом давалось понять, что последняя «сторона» должна быть доминирующей.

Попытки правительства пресечь и заглушить подготовку к юбилею не увенчались успехом. Благородные начинания в Пензенской губернии вызвали жив и интерес не только в России, но и за границей.

4 августа 1897 года газета «Русские ведомости» писала, что в Пензе намечается воздвигнуть памятник Белинскому и достойно отметить его память. 17 августа газета поместила заметку о том, что в Чембаре предполагается открыть библиотеку имени Белинского.

В ответ на это сообщение в Чембарскую городскую управу поступило такое уведомление. В. А. Морозова, «прочитав в № 226-м «Русских ведомостей» от 17 сего августа, что ко дню пятидесятилетней годовщины кончины Виссариона Григорьевича Белинского постановлено открыть в городе Чембаре публичную библиотеку имени покойного, поручила нижеподписавшемуся препроводить Чембарскому городскому управлению от ее имени, как дань ее глубокого уважения к памяти великого писателя, серебром две тысячи рублей на дело устроения сказанной библиотеки». Такой же перевод от В. А. Морозовой на организацию библиотеки-читальни имени Белинского поступил и в Пензу.

Из Петербурга два студента В. Яковлев и Я. Киселев писали: «Прилагая при сем 6 рублей, имеем честь просить Пензенскую городскую управу причислить их к фонду на сооружение памятника Белинскому».

Астроном-наблюдатель Юрьевского университета К. Д. Покровский, впоследствии известный ученый, член-корреспондент АН СССР, запрашивал Лермонтовское Общество: «Я хотел послать во вновь учреждаемую библиотеку имени Белинского несколько своих работ, но не знаю, куда нужно адресовать посылку с книгами. Прошу меня уведомить»[1]

Деятельное участие в подготовке к юбилею Виссариона Григорьевича приняла его дочь. В 1895 году, после того как ее дети окончили афинскую гимназию, она вме-

[1] ГАПО, ф. 109, д. 437, лл. 3, 118, 25, 17

сте с ними переехала в Париж. Здесь Евгении поступил учиться в институт путей сообщения, а Владимир — в университет, на медицинский факультет.

В столице Франции Ольга Виссарионовна часто встречалась с прибывшими из России журналистами, писателями и другими творческими работниками. У нее на квартире собирались почитатели наследия великого критика. Г. Семенов, Н. Рубинов, скульптор М. Каплан, а также французский художник Леруа, написавший картину «Белинский на смертном одре», использовав для ее композиции одноименное полотно К. А. Горбунова. Она поддерживала дружеские отношения с сыном директора Лермонтовской библиотеки Мануиловым, который несколько раз бывал у нее в гостях.

Старший сын Евгении очень походил лицом на своего деда. На это обратил внимание М. Каплан, у которого зародилась мысль создать памятник Белинскому. Возникший вопрос не раз обсуждался в семье Бенеешов. Сначала решили выделить бюст Виссариона Григорьевича. Первые же сеансы, в процессе которых скульптору позировал Евгений, вызвали у ваятеля уверенность в своих возможностях. Он стал разрабатывать эскиз будущего памятника.

Ольга Виссарионовна внимательно читала приходившие в Париж русские издания. 16 августа 1897 года она отправила в Общество Лермонтовской библиотеки письмо следующего содержания: «Узнавши из газет намерение Пензенской городской Думы почтить отца моего В. Г. Белинского постановкой ему памятника к его юбилею, спешу принести глубочайшую признательность по этому поводу».

Однако в Париже не знали, какие меры принимает правительство относительно чествования пятидесятилетия со дня смерти революционного демократа. 12 марта 1898 года вице-директор департамента общих дел В. Ф. Трепов сообщал в департамент полиции: «Рисунок проекта памятника, исполняемого скульптором Капланом, уже препровожден Технически-строительным Комитетом в Академию художеств для доставления его отзыва о целесообразности идеи, об общих формах пьедестала и проч...»[1]

Рассматривая проект монумента, специальная акаде-

[1] ЦГАОР СССР, ДП, делопроизводство 3, 1897, д. 1499, л. 13.

ческая комиссия 14 марта 1898 года заключила: «Женская фигура не соответствует фигуре музы, если принято последнюю изображать (в классическом костюме), а поэтому [комиссия] не может дать свое согласие на утверждение предложенного эскиза».

Передовые круги русского общества, несмотря на противодействия правительства, настойчиво боролись за проведение юбилея выдающегося сына России. В ответ на обращение правления Лермонтовской библиотеки в его адрес стали поступать заявки от писателей, ученых, которые изъявляли согласие участвовать в объявленном литературном сборнике. В газете «Сын отечества» от 24 мая 1898 года говорилось: «Сборник, посвященный памяти В. Г. Белинского, будет издан Лермонтовской библиотекой в г. Пензе под наблюдением П. А. Ефремова. Чистый доход от этого издания поступит в фонд имени В. Г. Белинского при Лермонтовской библиотеке на приобретение дома, где будут помещаться общественная и народная библиотеки, читальня и читальный зал». В сборнике, сообщала газета, принимают участие Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, И. А. Бунин, В. Г. Короленко, А. И. Сумбатов, И. Д. Телешов, П. В. Засодимский, А. И. Пыпин, Г. З. Елпатьевский, Н. Н. Златовратский, Н. Н. Сорокенко, В. П. Острогорский и многие другие — всего перечислено около пятидесяти фамилий.

Вопрос о подготовке и проведении пятидесятилетней годовщины со дня смерти критика был поставлен на обсуждение Общества любителей российской словесности в Москве, Союза писателей в Петербурге.

Огромный интерес к юбилею проявила провинция. В большинстве губернских городов создавались инициативные группы, собирались пожертвования, разрабатывались программы чествования памяти писателя. И по всем этим вопросам шли секретные депеши в Петербург. Владимирский губернатор спрашивал, можно ли допустить чтение лекции в городе Владимире о жизни и творчестве Белинского, с которой намеревается выступить Александр Алферов. Такие же запросы приходили из Самары, Симбирска, Вологды, Саратова, Казани, Перми, Одессы, Харькова и т. д.

Общество Екатеринбургской (ныне г. Свердловск) публичной библиотеки выработало соответствующее положение и решило присвоить ей имя В. Г. Белинского.

В связи с этим министр внутренних дел поручил департаменту полиции проверить «лиц, подписавших устав». В справке по данному поводу указывалось: «За исключением фельдшерицы Н. Земляницыной, о других лицах сведений в делах департамента не имеется». И все же, несмотря на полную, казалось бы, благонадежность почитателей гениального мыслителя, их просьба была отклонена.

Спустя несколько дней департамент полиции подготовил еще один ответ на имя министра внутренних дел, касавшийся авторов конспектов речей, предполагавшихся к произнесению на пензенских торжествах. В документе указывалось: «Острогорский Виктор Петров, преподаватель Ларинской гимназии, по сообщению С.-Петербургского градоначальника в 1894 году присутствовал при освещении памятника Шелгунова, а до этого на обеде в «Метрополе» после похорон Тургенева. Знаком с известным департаменту Николаем Рубакиным и негласно поднадзорным Владимиром Святловским.

Грузинский Александр Евгеньев в 1885 году был знаком с состоящею под негласным надзором полиции Ольгою Сперанской, ввиду чего допрошен в качестве свидетеля по делу Сперанской. Кроме сего в квартире супругов Грузинских в 1893 году жила состоящая под негласным надзором Ольга Васильевна Слюсаренко.

Грузинский состоял членом Московского комитета грамотности.

О Балталоне сведений в делах департамента полиции не имеется (по сколько известно, учитель русского языка в Тифлисской гимназии)»[1].

Первым в России приступило к чествованию Белинского Общество любителей российской словесности, которое 8 апреля 1898 года провело торжественное заседание в актовом зале Московского университета. Среди многочисленной публики находились видные деятели русской литературы, гости из других городов. В нише, где помещалась кафедра, среди гирлянд зелени возвышался портрет Белинского, а справа и слева от него бюсты великого критика. В зале присутствовала восьмидесятитрехлетняя старушка Аграфена Васильевна Орлова — сестра жены Виссариона Григорьевича. Перед открыти-

[1] ЦГАОР СССР. ДП. [illegible] 3, 1897, д. 1499, лл. 19, 23, 26, 27, 29, 30, 31

ем заседания ей был преподнесен букет цветов. С речами о жизни и деятельности выдающегося сына России выступили Н. Н. Стороженко — председатель общества, А. И. Сумбатов — выдающийся русский актер и театральный деятель.

После торжественного акта в библиотеке университета открылась выставка памяти Белинского. Это была первая в России выставка, посвященная его жизни и творчеству. На ней было показано более двухсот предметов, представлявших огромный интерес для изучения эпохи и наследия Белинского. На стендах и витринах экспонировались рукописи, письма, издания произведений критика, его личные вещи, портреты жены и близких родственников. Большое внимание уделялось современникам революционного демократа — Пушкину, Гоголю, Кольцову, Лермонтову, Тургеневу, а также журналам, в которых он работал. Выставка привлекала внимание общественности. С 8 по 12 апреля ее посетило около семи тысяч человек.

Через два дня, 10 мая, торжественное собрание, посвященное пятидесятилетию со дня смерти Белинского, состоялось в Петербурге. Оно было организовано союзом взаимопомощи русских писателей. Огромная Александровская зала, сообщалось в газете «Сын отечества», едва могла вместить всех желающих. Билеты были распроданы заранее. На празднестве находились все видные литераторы, журналисты столичных газет и журналов, актеры и актрисы, учащаяся молодежь. За недостатком мест в зале многие разместились на хорах. На эстраде был поставлен бюст В. Г. Белинского, окруженный зеленью.

С речами выступили В. П. Острогорский, Н. А. Котляревский, С. А. Венгеров, Г. А. Джаншиев, Н. К. Михайловский. Драматург и режиссер Невского общества устройства народных развлечений Е. П. Карпов прочитал стихотворения Некрасова «О погоде», «Медвежья охота», «Памяти приятеля».

Присутствовавшие на торжественном собрании Короленко, Станюкович, Тагеншев, Михайловский и другие писатели направили в Пензу телеграмму. В ней говорилось: «Комитет литературного фонда, участвуя душой и мыслью в прекрасном чествовании Белинского из его родины, может поделиться отрадною вестью, что Л. Ф. Пантелеев в ознаменование празднества вносит в

литературный фонд полторы тысячи рублей для учреждения премии за лучшее сочинение о Белинском».

Радостное сообщение пришло и из Москвы. Устроители выставки решили переправить всю коллекцию для того, чтобы общественность Пензы смогла ознакомиться здесь сразу с двумя, хотя их программу Министерство с этими достопримечательными ценностями Торжества внутренних дел наполовину сократило.

В канун юбилея начальник Пензенского губернского управления полковник Рамеевский прислал на имя директора департамента полиции шифрованную телеграмму: «Архиерей не допускает соборе панихиды Белинского. Благоволите указать на сколько поощрять торжества чествования».

В силу такого обстоятельства чествование началось 26 мая с литургии в Петропавловской приходской церкви, находившейся вдали от центра города. Несмотря на это, почитателей памяти своего гениального земляка собралось очень много. После литургии открылась выставка, расположенная в здании рисовальной школы. Здесь же продавались новые издания сочинений критика, альбом с фотографиями Московской выставки, отпечатанной К. Ф. Фишером.

Присутствовавший в Пензе корреспондент газеты «Новости» писал о выставке: «Толпа, в которой видне[ются] и интеллигентные лица, и простонародные, и подростки, шумно поднимается по лестнице; слышится смех, обмен приветствий, но едва переступает она порог зала, как тотчас же стихает. В торжественном молчании группа посетителей обходит витрины, то быстро оглядывая портреты современников Белинского, его друзей и врагов, то надолго останавливается перед изображением самого виновника торжества. Трагическое полотно Наумова привлекает всех, около него теснота, и покрытые преждевременной сединой главы умирающего гения, кажется, обливают вия перед собой действительный, а не воображаемый только народ».

В этот же день открылась первая народная библиотека-читальня имени В. Г. Белинского. Она находилась в здании Общества взаимного кредита на углу Московской и Никольской улиц и размещалась в тесной комнате, наполовину заставленной книгами. Перед открытием читальни ее завсегдатай Н. Е. Евграфов произнес речь перед многочисленной публикой. Он кратко

изложил историю возникновения данного просветительного учреждения, напомнил о тех трудностях, которые пришлось преодолеть пензенской общественности в ходе подготовки к юбилею.

Примечательно, что бесплатная библиотека пользовалась у населения огромной популярностью. Хотя количество книг немногим превышало две тысячи пятьсот томов, число читателей составляло тысячу восемьсот пятьдесят девять человек. Половина из них приходилась на крестьян и рабочих, остальную часть составляла учащаяся молодежь и мелкие служащие. За год производилось более тридцати тысяч книговыдач. Бюджет читальни складывался в основном из пожертвований, сборов с концертов, спектаклей, устраиваемых участниками самодеятельности.

Наряду с официальной программой юбилея существовала и неофициальная. Готовились отметить эту знаменательную дату также представители социал-демократических рабочих кружков Пензы. Они предполагали отметить память великого критика и революционера солидарностью в борьбе с самодержавием. Об этом рассказывает особо секретный документ — отношение начальника Пензенского губернского жандармского управления в департамент полиции от 29 мая 1898 года. В нем говорится:

26 и 27 мая в Пензе происходило торжество чествования памяти Белинского, которое в политическом отношении не оказало никаких вредных последствий, хотя предварительно упорно носились толки, что кружок красной интеллигенции желает воспользоваться этим событием и выразить протест против существующего положения рабочего класса, а Белинского обрисовать как мученика за распространение этих идей. Во главе комиссии был доктор Евграфов и роспись его брат — заведующий Лермонтовской бесплатной читальней. Оба эти Евграфовы лица безусловно неблагонадежные в политическом отношении. До принятия мной репрессивных мер во время производства дознаний по государственным преступлениям[1] у этих господ были широкие планы, и, между прочим, в проект входил праздник железнодорожных ра-

[1] 11 марта 1898 г. начались аресты по делу об организации в г. Пенза социал-демократических рабочих кружков. К дознанию было привлечено пятьдесят шесть человек.

ских с присоединением Сергеевской фабрики, на этом собрании должен был сказать речь студент Резизов[1], привлеченный мной к дознанию, о значении Белинского для рабочих, затем предполагались свободные речи и на всех собраниях по поводу чествования. Первое охлаждение этим затеям навеял страх, произведенный несколькими арестами обвиняемых, а затем и твердое слово губернатора графа Адлерберга, который объявил распорядителям, что не потерпит выражения со стороны участников чего-либо противоправительственного, благодаря чему программа во многом сократилась и ни о каких речах не могло быть и речи. Так точно граф Адлерберг категорически воспретил петь кантату Белинскому, как первому провозгласившему свободу. Несмотря на такое строгое отношение губернатора, доктор Ефрафов успел выпустить в продажу программу литературного вечера, на виньетке коей изображен интеллигент, протягивающий руку крестьянину, работающему с заступом, а затем, выступив на кафедре во время литературного вечера для чтения доклада о торжестве, позволил себе высказать упреки по адресу министра внутренних дел за недозволение постановки памятника и за слишком позднее утверждение торжества. На выставке в рисовальном училище была установлена известная картина Наумова, по поводу которой шептались, что перед смертью Белинского жандарм явился арестовать его. Против этой картины висели симметрично портреты 3-х бывших шефов жандармов.

Далее на литературном вечере все шло довольно спокойно, ораторы обрисовали Белинского как критика и честного учителя, хотя в словах и проглядывала мысль, что Белинский проповедовал свободу и равенство. Все торжества закончились 27 мая вечерним народным спектаклем, в конце коего была поставлена живая картина, в центре коей стоял украшенный бюст Белинского, возле него кучка женщин и рабочих в блузах.[2]

Поступило секретное донесение в департамент поли-

---

[1] Бывший студент Московского университета, высланный из Москвы под надзор полиции в г. Пензу на два года за участие в демонстрации 18 ноября 1896 г. по поводу полугодовщины Ходынской катастрофы. За организацию в Пензе рабочих кружков был выслан в Вологодскую губернию на три года

[2] ЦГАОР СССР, ДП, делопроизводство 3, 1897, д. 1499, лл. 43—44

ции и от начальника жандармского управления Петербурга. Он сообщал о чествовании Белинского на его могиле. В докладной записке указывалось, что на Волковом кладбище состоялся своего рода митинг, на котором кроме писателей, артистов много было студентов и простого народа. Поэт Н. Панов в стихотворении, посвященном памяти писателя, называл последнего «защитником правды и свободы». По самой возмутительной, писал жандарм, была речь небезызвестного охранке Кулябко-Корецкого, который призывал молодежь «следовать заветам Белинского, стойко и честно отдавать народу все свои силы, свою душу и свои стремления в борьбе с угнетателями трудового люда».

Из-за препятствий властей задержалось до 1901 года открытие библиотеки имени В. Г. Белинского в Чембаре. Лишь улица, на которой он жил, стала называться его именем[1].

Торжественные собрания, литературные вечера были проведены во многих других городах России. Особенно широко отметила юбилей революционного демократа общественность Саратова. Еще в марте 1898 года в городской библиотеке состоялась первая публичная лекция о жизни и творчестве Белинского. О ее содержании сообщалось в «Саратовском дневнике». Эту газету редактировал находившийся под надзором полиции Б. А. Маркович — сын известной украинской писательницы Марко Вовчок, которая проживала в то время тоже в Саратове. В последующих номерах «Дневника» появились статьи и заметки, рассказывавшие о приближающемся пятидесятилетии со дня смерти Виссариона Григорьевича, его заслугах перед отечеством.

Инициатором чествования великого критика выступило местное Общество вспомоществования нуждающимся литераторам. Ревнители памяти писателя внесли предложение об учреждении библиотеки его имени и переименовании в честь него одной из улиц города. Однако власти не пошли на это. Имя Белинского было присвоено лишь «основной зале библиотеки народных чтений».

26 мая в городском театре состоялся торжественный вечер. «Здание снаружи,— сообщал корреспондент газеты «Сын отечества»,— было украшено флагами, вестибюль декорирован коврами; фойе, ложи и партер убраны

---

[1] ГАПО, ф. 5, д. 6775, л. 14

зеленью. Среди сцены, на особом возвышении, выделялся бюст знаменитого критика, выполненный учителем местного рисовального училища Волковским.

Вступительное слово о Белинском произнес Немировский. Затем директор музыкальных классов Экснер исполнил похоронный марш Шопена. После этого началось возложение венков к подножию бюста от различных городских обществ и учреждений, от редакций газет и учителей воскресных школ. И когда присутствовавшие в зале устали аплодировать, внесли последний, двадцать четвертый, венок. На ленте, обрамлявшей гирлянды, была короткая надпись: «В. Г. Белинскому — от Саратовских рабочих».

Появление на сцене представителей трудового народа, говорилось на страницах «Саратовского листка», в простых костюмах, выделявшихся своим видом на фрачном и сюртучном фоне, вызвало оживление. Сначала робко, на галереях, где помещался простой люд, послышались первые хлопки. Потом все громче и громче зааплодировали рукоплескания, превратившиеся в овацию, начали раздаваться возгласы «браво». Так свыше пятисот рабочих, принимавших участие в торжествах, от имени саратовского пролетариата чествовали революционного демократа.

После возложения венков публика восторженно приветствовала режиссера народного театра В. А. Марковского, который прочитал стихотворения Некрасова и Плещеева.

На второй день, 27 мая, чествование Белинского было продолжено в летнем театре Сервье. Сюда собрались рабочие железнодорожных мастерских, заводов Беринга, Ганнке и других предприятий. Это, пожалуй, был единичный случай во всей Российской империи, когда в торжествах Белинского столь активно участвовали представители самого передового класса.

Из Казани писали, что в память о Белинском открывается школа его имени. В телеграмме из Тифлиса говорилось: «Здесь передовая общественность добилась разрешения на устройство училища имени гениального критика и переименование одной из лучших улиц города в улицу Белинского». Из Вологды сообщали, что члены Общества бесплатной библиотеки в ознаменование пятидесятилетия со дня кончины Виссариона Григорьевича во время торжественного заседания собрали 150 рублей

и направили эти деньги в помощь детям голодающих губерний.

Лекции, литературные чтения, музыкальные вечера, посвященные памяти великого сына русского народа, состоялись в Омске и Новгороде, Костроме и Одессе, Ставрополе и Курске, Смоленске и Рязани, Нижнем Новгороде и Самаре, Перми и Вятке, Бирске и Якутске, Харькове и Батуми, Киеве и Кишиневе, Варшаве и Риге и также во многих других городах.

Далеко за пределами своей родины почтили память гениального мыслителя русские политические эмигранты в Швейцарии, Франции, Австрии. Активное участие в организации литературных вечеров за границей принял Г. В. Плеханов. Он выступил с речью о Белинском в Женеве, Цюрихе, Берне, в которой высоко оценил историческую роль выдающегося публициста и философа-материалиста в формировании передовой русской общественной мысли, определил значение его деятельности для последующего развития революционного движения. Подчеркивая мобилизующую силу критики Белинского, Георгий Валентинович указывал, что он был едва ли не первым и, без всякого сомнения, самым ярким литературным выразителем прогрессивных стремлений мыслящих разночинцев».

Плеханов свидетельствовал, что прекрасный образ этого замечательного человека являлся вдохновляющим примером для многих демократов. В своей «Речи» он привел такой факт. В 1856 году А. И. Левитов, тогда еще молодой студент медико-хирургической академии, был выслан административным порядком сначала в Вологду, а потом в Шенкурск. Положение его там в литературном и нравственном смысле было весьма тяжелое. Переписывавшиеся с ним друзья старались, как умели, поддерживать его. В апреле 1859 года один из них, некто Фиделин, советуя ему продолжать начатые литературные работы, писал: «Вспомни о Белинском и ободрись: читай, читай, доставай книги... теперь много выходит книг, и книги все хорошие, опять напоминаю тебе Белинского. Мне хотелось бы даже послать тебе что-нибудь, да признаться... впрочем, нечего признаваться,— как достану рубль серебром, то непременно обещаю тебе выслать первую часть сочинений Белинского».

Георгий Валентинович внимательно изучал и с большой любовью относился к творчеству Виссариона Гри-

горьевича, считая его одним из крупнейших предшественников марксизма в России. Он посвятил Белинскому более десятка обстоятельных статей и глубоко охарактеризовал литературно-критические, политические взгляды революционного демократа. Работы Плеханова имели важное значение в пропаганде творчества Белинского и явились ценным вкладом в изучение его идейного наследия.

В статьях Плеханова разоблачалась вся несостоятельность представителей декаденства в лице таких обскурантов, как Волынский, Розанов и им подобные, которые пытались доказать, что Белинский не был ни мыслителем, ни философом и не обладал той умственной силой, которая являлась бы «культурным рычагом, сообщающим определенное направление историческому прогрессу». Эти холопы крайне реакционной части русской буржуазии в 1897 году утверждали, что письмо Белинского к Гоголю «составляет одно из самых печальных явлений в истории русской журналистики» и свидетельствует об угасании критического таланта писателя. Волынский изрекал, что случайно восторжествовавший реализм Белинского «создал цепи, сковавшие духовную жизнь молодого общества, придушившие его умственное стремление», а поэтому не будет большого греха, если и забудем этого «далекого от истины» человека, который «не ведал, что творил».

Против таких суждений ярого приверженца буржуазного искусства с резкой критикой выступил Плеханов. Зло высмеивая завзятого эстета, он писал: «Фамусову нравилось когда-то, что московские барышни ни одного слова не произносили просто, а все с ужимкой. Г. Волынский почему-то вообразил, что следует подражать этим барышням. Короче, какую ни откройте страницу в книге «Русские критики», вы непременно встретитесь или с «дуновением вечных идеалов», или «с вдохновением свыше». Из этого «труда»,— указывал Плеханов,— явствует, что у нас, по мнению г. Волынского, до сих пор не было «истинной критики» и что если он нас не выручит, то и впредь ничего хорошего нам ожидать невозможно. И далее Георгий Валентинович свидетельствовал, что о г. Волынском приходится говорить теми же словами, которыми этот апологет «чистого искусства» характеризовал Белинского: «*Он не проявляет самобытного философского таланта*» и его рассуждения об «истинной кри-

ника» отличаются такою же бессодержательностью, как и все другие его философские упражнения»[1].

Опровергая недругов Белинского, Плеханов с марксистских позиций убедительно доказал, что Виссарион Григорьевич был рожден философом и социологом, обладавшим при этом всеми данными, необходимыми для того, чтобы стать превосходным критиком и блестящим публицистом. И далее Георгий Валентинович писал: «По-нашему, Белинский является центральной фигурой во всем ходе развития русской общественной мысли, был самой замечательной философской организацией, когда-либо выступавшей в нашей литературе»[2].

Однако в статьях, написанных Плехановым в 1900—1910 годах, делались неверные выводы, что философские воззрения Белинского заимствованы в основном у западно-европейских мыслителей и не имели под собой социальной почвы, т. е. не отражали классовую борьбу угнетенных крестьян с крепостным рабством и самодержавием. Такое определение вытекало из ошибочных взглядов самого Плеханова на роль крестьянства как союзника рабочего класса в пролетарской революции. Допускал он также некоторые противоречия в трактовке эстетического кодекса, созданного Белинским, якобы его неизменности на протяжении всей литературной деятельности писателя.

И все же при определенных недостатках, присущих работам Плеханова о Белинском, значение их неключительно велико. Георгий Валентинович писал: «В России не было критика, равного Белинскому. Да и во всемирной литературе не много найдется писателей, равных ему по своему критическому дарованию»[3]. Поэтому для Плеханова Виссарион Григорьевич являлся высочайшим авторитетом, и он считал себя не только по духу, но и по крови близким Белинскому. Дело в том, что мать Георгия Валентиновича, Мария Федоровна, урожденная Белинская, доводилась Виссариону Григорьевичу внучатой племянницей. Безусловно, Плеханов знал об этом, гордился своей родословной. И будучи тяжело больным, он завещал похоронить его после смерти рядом с Белинским.

---

[1] Г. В. Плеханов. Литература и эстетика. т. 1. М., 1958, с. 554, 555, 556, 563

[2] Там же, с. 330

[3] Там же, с. 381.

В Вене инициатива чествования памяти Белинского исходила от кружка русской прогрессивной интеллигенции, во главе которой стоял политэмигрант Павел Федорович Теплов, впоследствии видный участник политического процесса по якутскому делу — Романовцев — в 1904 году. Отбывал он ссылку вместе с одним из учеников и соратников В. И. Ленина — Виктором Константиновичем Курнатовским. На сибирских этапах встречался с членами Киевского союза борьбы за освобождение рабочего класса и Донского комитета С. В. Померанец, М. С. Зеликман. Знал И. В. Бабушкина и М. С. Урицкого, а также многих других политических заключенных.

Теплов являлся не только революционером, но и способным литератором. На собрании русских студентов в Вене 26 мая (7 июня) 1898 года он выступил с рефератом о Белинском. Обстановка, по сообщению корреспондента газеты «Сын отечества», была праздничная. На возвышении стоял украшенный портрет Белинского, прекрасно исполненный местным художником. Кроме реферата докладчик зачитал письмо Белинского к Гоголю. После официальной части работник-австриец показывал через «волшебный фонарь» репродукции с портретов критика и известной картины Наумова «Белинский перед смертью».

Торжественно отметил пятидесятилетие со дня кончины Белинского Париж. На вечере, устроенном 26 мая (7 июня) в одном из столичных театров, присутствовали писатели, художники, учащаяся молодежь. Участники вечера тепло приветствовали дочь Белинского — Ольгу Виссарионовну и ее детей Евгения и Владимира — внуков критика. С докладами о творчестве Белинского выступили Н. Русанов, Е. Семенов. Во время торжественного акта на имя О. В. Бенеш из Пензы пришла телеграмма. В ней говорилось: «Пенза, явившаяся в Пензу, чтобы почтить 50-ю годовщину Вашего знаменитого отца, приносит Вам свою глубокую признательность и горячую симпатию. Они очень сожалеют, что приходится откладывать открытие памятника».

В ответной телеграмме Ольга Виссарионовна писала: «Мыслью и сердцем я с Вами, хотя далеко от Вас».

В период подготовки и проведения юбилея Белинского почти все журналы и газеты опубликовали статьи, посвященные его жизни и деятельности. Так, в майском номере «Русского богатства» со статьей «Памяти Белинско-

го выступил В Г Короленко Высоко оценивая заслуги гениального критика в развитии русской литературы, Владимир Галактионович писал: «Нет, весь я не умру, — могбы сказать Белинский вместе с великим поэтом, и пока будет звучать русская речь, до тех пор, наряду с именами Пушкина, Лермонтова и Гоголя, каждое новое поколение будет вновь и вновь слышать имя Виссариона Белинского и перечитывать его пророческие страницы»

В еженедельнике «Жизнь» (№ 17) появилась статья «Детство, отрочество и юность Белинского». А в газете «Сын отечества» за 26 мая 1898 года были напечатаны материалы под названием «Белинский в Чембаре». Под первой статьей стояла подпись «Чембарский ценяк», а под второй — «Чембарец». За этими псевдонимами мог скрываться П Ф Тевлов, ибо содержание реферата, прочитанного им в Вене, и указанных публикаций весьма близко.

Разностороннее освещался юбилей Виссариона Григорьевича в украинской, армянской, латвийской, белорусской печати, а также в славянских странах. Примечательна в этом отношении статья Хомлели (Р. Пашхава), опубликованная в журнале «Моамбе» («Вестник»), посвященная творчеству великого критика. В ней автор указывал, что Белинский оказал большое воздействие на грузинскую литературу, и призывал общественность достойно почтить его память в день кончины.

Литературовед А Николадзе в своем исследовании «Русско грузинские литературные связи» отмечает: «Эта статья является замечательным образцом глубокого разбора философско-эстетических воззрений Белинского. Грузинский критик с исключительной точностью передает не только основные положения эстетической концепции Белинского, но и дает интересный анализ тому сложному пути философских исканий, который был пройден русским мыслителем. Хомлели проявляет тонкое критическое чутье и оценивает наследие Белинского с прогрессивно-демократических позиций» [1].

Такой высокий отзыв о публикации на страницах журнала «Моамбе» весьма справедлив, ибо в ее основу положены высказывания о великом критике, взятые из произ-

[1] А Николадзе Русско грузинские литературные связи Тбилиси, 1958, с. 74. Делая такой вывод, автор исследования, видимо, не знала, что многие положения Хомлели заимствовал у Пыпина

...ении Плеханова, с которыми Хомлели хорошо был знаком. В частности, характеризуя философско-эстетические взгляды великого критика на искусство, он писал: «Незыблемый эстетический кодекс Вис. Белинского состоит из пяти пунктов. Первый — общепризнанный пункт гласит о том, что поэт должен показывать, а не доказывать. Художник должен мыслить образами, а не рассуждать категориями. Философ говорит с нами языком силлогизмов, поэт — художественными образами.

Высшая красота, — указывал далее автор, — проявляется в истинности и простоте; правдивость, и естественность — существенная сторона, необходимое условие подлинного творчества. Поэт должен рисовать жизнь такою, какая она есть, без прикрас. Это второй закон эстетического кодекса Белинского.

Третий закон гласит, что идея, которая положена в основу произведения искусства, должна быть конкретной и отражать предмет полностью, без всяких преувеличений и умалений, отражать не какую-нибудь одну сторону предмета, а весь предмет в целом, в единстве.

В силу четвертого закона форма произведения искусства должна полностью соответствовать идее, а идея — форме.

По пятому, и последнему, закону каждая часть произведения искусства должна представлять собой «совершенное гармоническое целое»[1].

В этой же статье Хомлели выступил против эстетов, обвинявших великого русского критика в тенденциозности и в нем не художественности искусства. Отвечая подобным домыслам, автор указывал, что Виссарион Григорьевич никогда не грешил против истины. Все его творчество пронизано высокими идеалами, сопряженными с борьбой за счастье простых людей. Поэтому он требовал от писателей, чтобы они всеми делами и помыслами своими служили народу, защищали бы его интересы.

Конкретизируя эти положения, Хомлели писал: «Белинский не только обладал выдающимся талантом, умом и проницательностью, но и все его существо, духовный мир были поистине прекрасными. Его моральный облик,

---

[1] Более полно этот кодекс сформулирован Плехановым в статье «Литературные взгляды В. Г. Белинского», впервые опубликованной в журнале «Новое слово» в 1897 г. Ср.: Г. В. Плеханов. Литература и эстетика. т. 1. М., 1958, с. 352—354.

преисполненные энтузиазмом разум и чувство, которые отражаются в его статьях, будут вечно дороги и вечно живы. Именно поэтому оказывают они сильное воздействие на читателя. Если взять даже первые статьи критика, можно ясно увидеть, что они насыщены глубокими и полезными мыслями, которые возбуждают в читателе большую любовь к истине и правде». Продолжая свою мысль, Хомлели указывал: «А последний период литературной деятельности Белинского свидетельствует о том, что в его произведениях господствующее место стал занимать исторический и общественный элемент. Таким образом, он отверг абсолютистские взгляды и встал на почву материалистической диалектики»[1].

Статьи о великом русском критике были напечатаны в ряде латышских периодических изданий, в частности в журнале «Балтияс вестнесис» и газете «Балсс». В них говорилось о том, что Белинский являлся замечательной личностью не только для своего времени, но и последующих поколений. Его нравственный облик и вся его жизнь служат примером в преодолении трудностей и тех невзгод, которые так присущи простым людям.

Но особый интерес у читателей вызвала обширная публикация Я. Райниса, помещенная в мартовском, июньском, июльском номерах журнала «Маяс внеса менешкастс». Хотя называлась она «Александр Пушкин», но все ее содержание было проникнуто идеями великого критика. Автор основательно знал не только его программные статьи о гениальном русском поэте. Ему были известны также ежегодные литературные обзоры, суждения Белинского о творчестве Гоголя и Лермонтова. Ссылаясь на Виссариона Григорьевича, Райнис писал, что в Пушкине полностью отразилось его время; начиная с него, русская литература становится подлинно русской и вместе с тем всемирной.

Достойно почтили память выдающегося революционного демократа в Болгарии. Статьи о его жизни и деятельности были опубликованы в журналах «Заря», «Болгарский сборник», «Современное обозрение» и многих газетах. Известный историк и критик, пропагандист марксизма и русской литературы Г. Бакалов перевел и напечатал в Варне речь Плеханова о Белинском, произнесенную в Женеве, Цюрихе и Берне.

[1] Цит. по кн. А. Николадзе, с. 77.

Исключительное внимание к наследию писателя проявили книгоиздатели, выпустившие в юбилейном году десять избранных сочинений великого критика. Такого события никогда еще не наблюдалось в истории не только русской, но и мировой литературы. Причем три из них вышли большим форматом, в двух или четырех томах, имели сравнительно недорогую цену. Это способствовало значительному распространению произведений Виссариона Григорьевича, открывало доступ к ним более широким читательским кругам.

Однако все эти издания, как отмечал писатель В. Е. Якушкин в статье «Белинский, его друзья и враги», не отвечали научным требованиям. В них допускались произвольные сокращения, неточности. Значительная часть материала оказалась несверенной с автографами Виссариона Григорьевича. В частности, автор публикации указывал, что «рукописи одиннадцати статей, доставленных на выставку в Москве и бывших прежде в распоряжении Кетчера, показывают, что пользование рукописями было недостаточное. Между тем последующие издатели спокойно, без всякого редакторского труда, перепечатывали текст первого издания».

В. Е. Якушкин и известный библиограф П. А. Ефремов решили освободить некоторые тексты писателя от цензурных и редакторских искажений, восстановить их по рукописям. В результате был издан небольшой сборник под названием «Семь статей В. Г. Белинского».

Это издание, по определению литературоведа С. О. Машинского, показало, сколь бесцеремонно обращались с рукописями великого критика редакторы журналов «Отечественные записки» и «Современник» — Краевский и Никитенко[1]. Они не только «стилистически» правили его статьи, но порой даже искажали их смысл. Так, в статье о сборнике «Сто русских литераторов» Белинский писал: «Картинка к повести Вельтмана очень плоха». В журнальном же тексте после редактуры Краевского появилось: «порядочна».

А вот как искажал смысл произведений революционного демократа Никитенко. Например, в рукописи Виссариона Григорьевича написано: «По нашему крайнему разумению и искреннему горячему убеждению, «Мер-

[1] См.: С. Машинский. Семинарий по Белинскому. М., 1950, с. 52.

вые души» стоят выше всего, что было и есть в русской литературе». Такая оценка бессмертного творения Гоголя полностью отвечала той борьбе за торжество натуральной школы, которую вел Белинский с охранительной беллетристикой» и представителями «чистого искусства». А после «вмешательства» Никитенко на страницах «Современника» появилась следующая фраза: «Мертвые души» стоят весьма высоко в русской литературе». Эта обтекаемая формулировка до крайности изменяла суть трактовки великого критика.

Таким образом, труд, предпринятый В. Е. Якушкиным и П. А. Ефремовым, показал настоятельную необходимость выпуска в свет нового, научно обоснованного полного собрания сочинений Белинского, в которое вошли бы многие его выдающиеся произведения, не включенные ни в одно ранее выходившее издание. Среди них знаменитое «Письмо к Гоголю», антикрепостническая трагедия «Дмитрий Калинин» и другие.

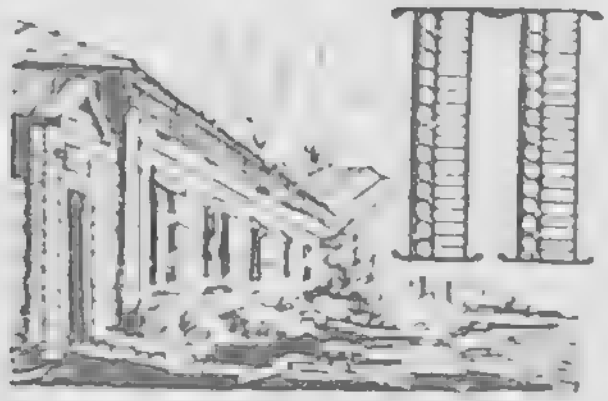
В 1898 году за подготовку такого собрания сочинений Виссариона Григорьевича взялся профессор С. А. Венгеров. Это было важным шагом по пути более глубокого изучения творчества писателя. Ученый собрал богатый материал об истории написания наиболее крупных статей и рецензий, сверил их по возможности с первоисточниками, выявил около пятисот новых публикаций, принадлежавших перу Белинского. Впервые были введены в научный оборот его ранние произведения, переводы, часть сведений из записных книжек, переписки с современниками. Кроме того, Венгеров успел подготовить и снабдить более половины произведений великого критика ценными в фактическом отношении комментариями. Но в характеристике его политических, философских и эстетических взглядов ученый допустил серьезные ошибки.

Здесь же надо отметить, что цензурные и отчасти финансовые затруднения осложнили дело с выпуском собрания сочинений Белинского. Если седьмой том вышел в свет в 1904 году, то одиннадцатый — лишь в 1917-м. После смерти С. А. Венгерова издание завершил его ученик, известный советский текстолог В. С. Спиридонов [1].

---

[1] Двенадцатый том вышел в 1926, а последний, тринадцатый,— в 1948 г.

В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ



рошедший юбилей Белинского, с одной стороны, свидетельствовал о том, что его имя стало для сотен тысяч простых людей символом правды и свободы, прекрасным примером служения своему народу в борьбе с самодержавием. С другой же стороны, в новых исторических условиях, когда в России до предела обнажились социальные противоречия и она оказалась «беременной революцией», когда с небывалой силой обострилась борьба демократической культуры с буржуазной, творчество революционного демократа снова оказалось под огнем многочисленных реакционеров. Уже в дни, когда все прогрессивные слои русского общества чествовали память великого критика, монархическая газета «Московские ведомости» писала: «Мы хотели бы помянуть его теплым словом. Любя литературу, мы не можем не любить таких ее представителей, как Белинский. Своего определенного и стройного миросозерцания у него не было. Он шатался, как тростинка от ветра, от каждого дуновения «свободного воздуха Европы». Для русской литературы не проистекает ничего, кроме страшного вреда, от признания за Белинским, даже 50 лет после его смерти, непогрешимого авторитета, права духовного руководства. Маяк на Запад в поисках истины, он увел от нее так далеко и так далеко увел интеллигентную русскую публику, что и до сих пор мы продолжаем блуждать, и до сих пор принимаем болотные огоньки за лучезарное солнце».

Вместе с издателями «Московских ведомостей» высказала свое отношение к Виссариону Григорьевичу и газета

«Русский труд» — этот «покрывшийся плесенью отголосок славянофильского течения». Его редактор Шарапов, пытаясь развенчать великого критика, вещал: «Белинский — увы! для наших поколений совершенно пустой, хотя несомненно исторический и милый звук. Все, что он говорил, совершенно утратило всякое обаяние, мы чуть не сказали: всякое значение — теперь».

К гонителям всего передового в русской культуре присоединились последователи пресловутого Акима Волынского в лице всевозможных борзописцев, группировавшихся вокруг декадентских изданий «Мир искусства», «Новый путь», «Золотое руно» и других. Особенно среди них выделялся своей реакционной сущностью журнал «Весы». Его ведущие критики восхваляли «творения» своего собрата, говорили о том, что «имя Волынского должно остаться в истории русской литературы», ибо он не чета «каким-то канувшим в лету Белинским и Добролюбовым».

Выступая против реализма, буржуазные идеологи на страницах «Весов» ратовали «за абсолютную свободу творчества», извращали и поливали грязью идейно-эстетические позиции революционных демократов. Защитники аморального, салонного искусства утверждали, что в сороковых и шестидесятых годах прошлого века все-де было подчинено «натуралистической» критике Белинского, Чернышевского, Добролюбова и это якобы подавляло творчество писателей, лишало их возможности создавать «истинно художественные произведения», отвечающие «духу народа».

Буржуазным идеологам помогали царские сатрапы. В обоюдном союзе они стремились искоренить все то, чего смогли добиться почитатели бессмертного наследия Белинского в период подготовки и проведения пятидесятилетней годовщины со дня его смерти. Правительство поручило проверить, что вышло к этой знаменательной дате и после нее из произведений Виссариона Григорьевича. В результате прислужники самодержавия обнаружили «вопиющие факты». Издатели Ф. Ф. Павленков и Ф. И. Иогансон выпустили в свет — первый в Петербурге, а второй в Харькове — четырехтомное собрание сочинений великого критика. Оба выпуска прошли через цензуру и не встретили каких-либо осложнений. Однако в октябре 1903 года департамент полиции Министерства внутренних дел обратил внимание на четвертый том из-

да в Погадаева, в котором было напечатано письмо Белинского к Гоголю.

В Главное управление по делам печати последовал запрос «Действительно ли книга разрешена к печати, так как в письме Белинского содержатся чрезвычайно резкие суждения о самодержавии, о православном духовенстве и о политическом строе России вообще, совершенно недопустимые в подцензурной печати». Подобный же запрос последовал и на издание Павленкова, где также перепечатали это крамольное произведение Белинского. В результате издатели понесли наказание. А Главное управление по делам печати 12 ноября 1903 года вынесло специальное секретное постановление. В нем указывалось: «Не допускать на будущее время печатания означенного письма как в отдельных изданиях, так и в собраниях сочинений упомянутого автора, а также не дозволять вообще его перепечатки полностью или в извлечениях»[1].

Но идеи и сама личность Белинского были дороги лучшим людям России. Он являл собой образец стойкости, верности тому делу, которому посвятил всю свою жизнь. 26 мая 1900 года в Петербурге на доме Галченкова по Литейной улице Союзом русских писателей была установлена первая мемориальная доска, текст которой гласил: «В этом доме скончался 26-го мая 1848 года Виссарион Григорьевич Белинский». Доска эта впоследствии, при сломке в 1910 году дома, затерялась, и в настоящее время о ней не имеется даже фотографии.

В разгар забастовочного движения на юге России и Украине харьковские социал-демократы выпустили листовку, которая была опубликована в первом номере ленинской «Искры». Авторы прокламации, обращаясь к трудящимся массам, писали: «Погляди, сколько лучших сынов твоих гнется в застенках Новиков и Радищев, Пушкин и Лермонтов, Герцен и Лавров, Белинский и Чернышевский, тысячи менее талантливых, но не менее любящих родину, подвергались гонению — «правды ради».

В 1901 году газета «Квали» — орган грузинской марксистской организации «Месаме-даси» — опубликовала статью о жизни и творчестве Виссариона Григорьевича.

---

[1] См.: К. Богаевская. Письмо Белинского к Гоголю. — «Литературное наследство», т. 56, с. 547.

В ней рассказывалось о русском провозвестнике свободы, о роли его наследия в борьбе с самодержавием.

С усилением революционной борьбы трудящихся и событиями русской буржуазно-демократической революции 1905 года Венгеров впервые опубликовал в России отдельным изданием полный текст знаменитого «Письма к Гоголю». Во вступительной статье он называл это выдающееся произведение русской публицистики первым политическим памфлетом, сыгравшим огромную роль в истории русской общественной мысли.

Спустя несколько недель в Петербурге читатели получили еще одно издание «Письма к Гоголю». Его выпустил в свет В. Яковенко.

Продолжалось распространение наследия Виссарион Григорьевича в Армении, Азербайджане, Литве, а также в славянских странах. Например, в 1907 году отдельным изданием вышло «Письмо к Гоголю» на латышском языке в Риге. Один из экземпляров этой исключительно редкой маленькой книжечки теперь хранится в Фундаментальной библиотеке Академии наук Латвийской ССР.

В Болгарии с 1900 по 1906 год было издано три сборника со статьями великого критика о произведениях Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова, Крылова, Державина, Жуковского и других русских писателей, поэтов. Четвертый сборник назывался «Из сочинений В. Г. Белинского. Искусство. Художество. Творчество. Гений. Публика». В указанное же время вышло несколько исследований творчества гениального мыслителя. Среди них выделялась монографическая работа Н. Милорева «Критика Белинского и русская общественная мысль». Положительно отзывались читатели о переведенных на болгарский язык книгах Л. Седова «Педагогические взгляды Белинского» и В. Е. Ермилова «Заветы Белинского молодому поколению».

В 1906 году отдельные статьи Виссариона Григорьевича были переведены на чешский и польский языки. Несколько публикаций появилось в хорватской печати.

В грозные дни декабрьского вооруженного восстания из Парижа в Пензу пришло письмо и от Каплана. В нем он писал: «Отношение министра внутренних дел в 1898 году против воздвижения памятника Белинскому в Пензе и все принятые им меры воспрепятствовать этому воздвижению принудило меня прервать на время работы над памятником и ждать благоудобного времени».

Теперь именно настал выжидаемый момент привесть в исполнение начатый памятник Белинскому и воздвигнуть его в момент введения народной свободы в России, которой Белинский был одним из первых пионеров»[1].

Далее автор письма говорил о композиции памятника, его особенностях.

Члены Общества Лермонтовской библиотеки в ответном письме горячо благодарили Каплана за предложенную идею монумента. Они выражали надежду, что в скором времени, может быть, удастся осуществить дорогую мечту и достойно почтить память своего знаменитого земляка. Вместе с тем на очередном заседании Общества был рассмотрен вопрос «О выработке ходатайства на предмет разрешения Всероссийской подписки и сбора средств для памятника Белинскому».

Но революция потерпела поражение. В стране установился режим столыпинской реакции. Банды черносотенцев громили рабочие организации, царское правительство запрещало прогрессивную литературу, в том числе и произведения о Белинском. В такой обстановке нельзя было поднимать вопрос о памятнике революционному демократу. Обстоятельства осложнялись и тем, что буржуазные интеллигенты в лице кадетов, «легальных марксистов» обрушились с клеветой на русских революционных демократов. В сборнике «Вехи» эти холопы царского кнута и виселиц пытались представить мировоззрение Белинского как индивидуальное, не зависящее от русской действительности и не отражавшее настроение народных масс. Идейные вожди либералов делали вывод, что в России нет революционных традиций и «надо благословлять не Белинского, Чернышевского и Добролюбова, а царствующий трон, который один, своими штыками и тюрьмами, еще ограждает нас (т. е. либеральную буржуазию. — *П. М.*) от ярости народной».

В защиту революционно-демократических идей Белинского выступили В. И. Ленин и его соратники. Они всесторонне раскрыли социальные корни мировоззрения Белинского, как идеолога русской революционной демократии.

Еще в период борьбы за создание марксистской партии Владимир Ильич подчеркивал, что первые русские социалисты, к которым он относил Герцена, Чернышев-

[1] ГАПО, ф. 109, д. 181, лл. 168—169.

слого, Белинского, жили надеждой и верой в возможность крестьянской социалистической революции. Давая сокрушительный отпор либеральным народникам, которые обвиняли марксистов в том, что они «не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства», вождь пролетариата говорил, что социал-демократы умеют ценить громадные исторические заслуги лучших людей своего времени, умеют глубоко уважать их память. В. И. Ленин доказал, что только марксисты являются действительными преемниками заветов революционно-демократических деятелей прошлого.

Об этом же писал один из первых русских марксистов Н. Е. Федосеев — необыкновенно талантливый, как его оценивал Владимир Ильич, необыкновенно преданный своему делу революционер. Уличая народников в клевете, он свидетельствовал: «Вы говорите, что мы «попираем отцовские идеалы». Этого нет и не может быть! С нашей стороны нужно быть кретинами и нравственными квазимодо, чтобы «попирать» идеалы Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова... Мы сами учились по литературным произведениям этих писателей... Мы дорожим этими именами, как самыми лучшими, драгоценнейшим достоянием русской мысли»[1].

В. И. Ленин в своей замечательнейшей работе «Что делать?» не только определил место революционных демократов в длительной борьбе с самодержавием, но и рассматривал их как прямых предшественников русской социал-демократии. «...*Роль передового борца,* — подчеркивал он, — *может выполнять только партия, руководимая передовой теорией.* А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов, пусть вспомнит о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...»[2]

После поражения революции 1905—1907 годов, в период жестоких преследований, Владимир Ильич вынужден был выехать за границу. Но и там он внимательно следил за жизнью России, не прекращал борьбу с силами

---

[1] «Литературное наследство», т. VII—VIII, с. 200
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 25

реакции, отстаивая чистоту и идейность марксистской теории. После выхода сборника «Вехи» В. И. Ленин дважды выступил в Льеже и Париже с публичным рефератом «Идеология контрреволюционного либерализма (успех «Вех» и его общественное значение)». Один из разделов реферата назывался «Белинский и Чернышевский, уничтоженные «Вехами». В конце 1909 года реферат лег в основу статьи о «Вехах», опубликованной в газете «Новый день», где давалась уничтожающая оценка теоретикам конституционно-демократической партии, которые окончательно отреклись от традиций русской демократии и встали на путь защиты самодержавия и мракобесия.

Разоблачая нападки «веховцев» на Чернышевского и Белинского, В. И. Ленин подчеркивал: «Письмо Белинского к Гоголю, вещают «Вехи», есть «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения» (56). «История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар» (82).

Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть «интеллигентское» настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, «сплошной кошмар». Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от воззрения народных масс остатками крепостнического гнета?»[1]

К творчеству Белинского В. И. Ленин обращался неоднократно и в последующие годы. В статье «Еще один поход на демократию» он указывал на огромный успех в период русской революции 1905 года новой демократической литературы, пропитанной идеями Белинского и Гоголя. Полемизируя с кадетами и, в частности, с органом «веховцев» журналом «Русская мысль», редактируемым главой ренегатов П. Струве, Владимир Ильич характеризовал либеральную буржуазию как трусливую, страшно перепуганную распространением таких книг, как «Письмо к Гоголю».

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 169.

В свете ленинской историко-литературной концепции Белинский предстает перед нами как один из самых ярких мыслителей и выдающихся представителей революционного движения России девятнадцатого столетия. Владимир Ильич всесторонне характеризовал значение деятельности великого критика и его последователей, сыгравших огромную роль в идейном формировании нескольких поколений русских революционеров и воспитании народа в духе свободолюбия, преданности родине.

Вместе с Владимиром Ильичем на защиту революционно-демократических взглядов Белинского встали его ученики и сподвижники. Им приходилось выступать против буржуазных идеологов в период разгула мракобесия и террора, когда особенно усилились разложение и упадочничество в среде интеллигенции. Появилась целая орава модных писателей, которые «критиковали» и разносили марксизм, оплевывали революцию. Возникли всевозможные религиозные течения, прикрытые якобы «научными доводами».

Срывая маску с критиканов из декадентских изданий, пытавшихся очернить личность и творчество Белинского, В. В. Воровский писал: «Нет, господа модернисты, ваша новейшая литература — доподлинный плод буржуазного общества, его гнилой плод, порожденный им и нужный ему для самоуслаждения».

Наследию Виссариона Григорьевича, его заслугам в развитии русской общественной мысли критик-большевик уделял постоянное внимание. Еще в 1906 году он дал достойную отповедь ренегатам-философам-идеалисту Н. Бердяеву и его компании. В статье «Мечущиеся и [illegible]ущиеся», опубликованной в четвертом номере журнала «Образование», Вацлав Вацлавович показал, что эти буржуазные прихвостни не прочь причислить свою родословную от Белинского, [illegible] себя за их духовных преемников.

В 1908 году В. В. Воровский снова обратился к имени революционного демократа. В статье «Памяти великого Виссариона», напечатанной 27 мая в газете «Одесское обозрение», он писал: «Вчера минуло 60 лет с того дня, когда передовая Россия опустила в могилу слабое измученное тело одного из величайших своих мыслителей и борцов — В. Г. Белинского.

Словно какая-то пророческая рука поставила на грани двух эпох эту могучую фигуру, так ярко отразившую

все чаяния и надежды, все горести и страдания подраставшей «безымянной Руси»[1].

Автор публикации, разоблачая иезуитскую тактику реакционеров, с ленинских позиций оценивал формирование мировоззрения Виссариона Григорьевича, говорил о том, что это была натура цельная и непосредственная. Он не мог взирать на философские вопросы с той созерцательной высоты, с какой обыкновенно на них смотрят. Для него мыслить значило жить: эти две области у него так же мало разделялись, как общественное и личное.

«Белинский, как и следовавшее за ним поколение, — делал вывод Вацлав Вацлавович, — был до мозга костей земным, он был детищем той черной земли, которая рождала столько действительного горя. И надолго никакая система не могла заставить его уверовать в призрачность этого горя. И героизм Белинского — а в нем было много героического — был героизмом не отвлеченного мыслителя, а борца, был по существу не абстрактным, а политическим героизмом»[2].

В 1908 году появились и другие публикации, которые свидетельствовали о том, что среди творческой интеллигенции были достойные ревнители памяти Виссариона Григорьевича. Например, во втором номере прогрессивного журнала «Образование» поместил свою статью «Социальное мировоззрение В. Г. Белинского» П. А. Берлин. В ней автор в противовес измышлениям декадентов говорил о страшной российской действительности, которая оказала воздействие на формирование взглядов великого критика, о его светлых идеалах, ставших для последующих поколений образцом служения своему народу.

Шестидесятилетие со дня смерти гениального мыслителя отметило учительство Белоруссии. В ряде школ и гимназий состоялись литературные вечера, посвященные его памяти. Вопреки препятствиям, чинимым властями, видный сотрудник газеты «Северо-западный край» М. Каролинский подготовил и поместил в «Минском курьере» за 31 мая статью, в которой деятельность Белинского характеризовалась как целая эпоха в духовном развитии России.

В связи с выходом второго, дополненного издания мо-

---

[1] В. В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., 1964, с. 194.

[2] Там же, с. 196.

нографии А. Н. Пыпина «Белинский. Его жизнь и переписка» в журналах «Образование» (№ 4), «Минувшие годы» (№ 1), «Исторический вестник» (№ 1) и других были напечатаны рецензии на этот труд известного ученого.

В этом же году известный болгарский публицист, пропагандист марксизма Георгий Бакалов перевел и издал в Бургасе статьи Г. В. Плеханова, вошедшие в сборник «Философские и литературные взгляды Белинского». Некоторые газеты и журналы поместили в майских и июньских номерах заметки о великом русском критике.

Судя по имеющимся пока что данным, впервые в 1908 году познакомились с деятельностью Виссариона Григорьевича английские читатели. В этом году в Лондоне вышла монография А. Брюкнера «История литературы России», переведенная с немецкого. В ней на восьми страницах рассказывалось о критической школе Белинского и влиянии его произведений на творчество выдающихся русских писателей.

В ожесточенной полемике с реакционерами передовые круги из числа писателей, публицистов уже в 1909 году поставили вопрос о подготовке к столетию со дня рождения Виссариона Григорьевича. Первые анонимные публикации, связанные с этим событием в общественной и культурной жизни России, появились на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» (№ 214, 218). Однако мнения среди почитателей имени Белинского о том, когда отмечать данный юбилей, оказались разноречивыми. Надо было установить точную дату рождения великого критика. В работу включились архивисты, ученые. 8 апреля 1910 года С. А. Венгеров по имеющимся у него сведениям, основанным на письмах самого Белинского и его родных, свидетельствовал, что он родился в 1811 году[1]. Новые документы из архива департамента герольдии, подтверждающие рождение Белинского в 1811 году (1 июня), опубликовал В. Е. Рудаков[2].

Пока уточнялось время рождения Виссариона Григорьевича, пензенская общественность решила взять инициативу по чествованию памяти гениального земляка в свои руки. Условия для проведения широких мероприя-

[1] С. В. Венгеров. Юбилей Белинского не в нынешнем году, а в будущем. — «Речь», 1910, № 96.

[2] В. Е. Рудаков. Новые данные о времени рождения В. Г. Белинского. — «Новое время», 1910, 14 августа

тий, связанных с этой знаменательной датой, были весьма неблагоприятными. Царское правительство сурово карало тех лиц, которые осмеливались распространять революционно-демократические идеи Белинского. Так, в 1909 году либеральный историк В. Я. Богучарский выпустил книгу «Три западника сороковых годов», куда вошло знаменитое письмо великого критика к Гоголю. Кабинет министров незамедлительно принял постановление об аресте и уничтожении всего издания.

Несколько позже царским чиновникам попалась небольшая брошюра с возмутительными, по их мнению, выражениями. Граф Головин в своем отношении от 7 июня 1910 года на имя прокурора С.-Петербургской судейской палаты писал: «Главное управление по делам печати препроводило в С.-Петербургский комитет по делам печати экземпляр брошюры под названием «Г. Плеханов. В. Г. Белинский».

Имя Белинского послужило только предлогом для автора вышеназванной брошюры выразить свое революционное настроение и свою революционную догму. Но вместе с тем г. Плеханов позволил себе высказать дерзостное неуважение к верховной власти в следующих выражениях: на стр. 17. *«на одну вас доску со всеми царями, попами и плантаторами»* и на стр. 18 «но мы не служили в Третьем отделении, мы не клялись быть верными жандармами его петербургского величества, и нам позволительно смотреть на дело с другой стороны».

Усмотрев в приведенных фразах признаки преступления, караемого по ст. 128 уголовного уложения... комитет имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство возбудить судебное преследование против автора брошюры Г. Плеханова, издательницы Р. И. Рутенберг (сведений о сих в комитете не имеется), а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по этому же делу...»[1]

В этом документе сообщалось о «Речи» Г. В. Плеханова, произнесенной им в Женеве, Цюрихе и Берне по случаю пятидесятилетия со дня кончины Виссариона Григорьевича и изданной в России восемь лет спустя. Но граф Головин допустил в своем отношении ошибку. Выделенные курсивом слова принадлежали не автору «Ре-

[1] Г. В. Плеханов. Литература и эстетика. Т. 1, М., 1958, с. 606.

чи[illegible] к самому Белинскому, которые приводил в «Былом и думах» Герцен.

Учитывая сложившуюся обстановку, педагогический коллектив гимназии и члены правления публичной библиотеки имени В. Г. Белинского в городе Чембаре обратились к Обществу Лермонтовской библиотеки с предложением, чтобы совместными усилиями добиться от правительства разрешения на открытие Всероссийской подписки по сбору средств для сооружения Народного дома в память о своем земляке. «Такое учреждение, — указывал в докладе инспектор народных училищ М. К. Нечаев, — у нас быстро завоюет симпатии всего населения и будет оценено народом по достоинству».

В Пензе инициативу чембарцев горячо одобрили, обещали им оказывать всемерную помощь и поддержку. Вдохновленные такой солидарностью, члены правления библиотеки имени В. Г. Белинского в сентябре 1909 года внесли в Чембарскую городскую управу проект ходатайства по затронутым выше вопросам.

Городская управа направила указанное ходатайство пензенскому губернатору, который, в свою очередь, отослал его непосредственно министру внутренних дел. Но последний отказался рассматривать данную просьбу. Только неоднократные напоминания общественности Чембара и Пензы заставили именитых сановников пойти на уступки ревнителям памяти великого критика. Понимая происшедшие в России изменения, царь вынужден был 31 декабря 1909 года дать «всемилостивейшее соизволение» на «повсеместный в империи сбор пожертвований для устройства, в ознаменование исполняющегося 30 мая 1911 года 100-летия со дня рождения В. Г. Белинского, Народного дома его имени в городе Чембаре»[1].

На основе монаршего «соизволения» Министерство финансов дало казенным палатам указание о беспрепятственном приеме пожертвованных средств и безквартальном переводе денег на счет Чембарской городской управы. Городская дума создала комитет для руководства строительством Народного дома, который отпечатал пятьдесят тысяч подписных листов и разослал их по всем губерниям России. Это была важная победа демократических сил в борьбе за увековечение памяти гениального мыслителя.

---

[1] ГАПО, ф. 6, д. 8727, л. 1.

Недавно один из таких подписных листов обнаружил кандидат педагогических наук Р. Шамелашвили в городе Кутаиси Грузинской ССР. В этом документе указывалось: «Граждане г. Чембара, в лице городского управления, в заботах о более достойном ознаменовании предстоящего дня столетия со дня рождения знаменитого своего земляка — Виссариона Григорьевича Белинского пришли к мысли, что лучшим памятником великому творцу русской художественной критики будет устройство в г. Чембаре Народного дома имени Белинского.

..Комитет по сбору пожертвований, прилагая при сем подписной лист за № 30393, обращается к Вам, Милостивый Государь, с просьбой пожертвовать и принять участие в сборе пожертвований.

Председатель *Морозов*. Член *Устинов*»[1].

Не дожидаясь сбора пожертвований, члены комитета в ноябре 1910 года внесли в Чембарское городское управление проект об отводе места для строительства означенного дома и разбивки сада при нем. Дума, ознакомившись с проектом, утвердила место под Народный дом на Никольской площади и просила пензенского губернатора дать свое согласие. Но он не спешил с ответом. По его указанию в Чембарское полицейское управление было направлено предписание, которое требовало сообщить точные данные о Никольской площади и не будет ли строительство Народного дома нарушать «общественного порядка» в отведенном месте.

В ответ на этот запрос полицейское управление сообщало, что Никольская площадь имеет с востока на запад сто двадцать сажен и с юга на север сто шестнадцать сажен. Посредине площади находится приходская церковь с оградой, а от нее в пятидесяти двух саженях царская церковь[2]. Народный же дом предположено уст-

[1] Кутаисский центральный государственный архив, ф. 9, д. 900, л. 2

[2] В 1836 г. Николай I решил осмотреть военные поселения на юге России. Его маршрут проходил через Москву, Рязань, Пензу, Тамбов. Выехав 25 августа из Пензы, вечером Николай I потерпел аварию в семи верстах от Чембара. Бенкендорф, сопровождавший царя, выпал из кареты, отделавшись легкими ушибами, а Николай I сломал левую ключицу. Такое событие страшно перепугало чембарских дворян и чиновников. Они не знали, куда поместить столь высокого гостя. В городе не нашлось более удобного помещения, чем здание уездного училища, в котором учился с 1822 по 1825 г.

ронить в юго-западной части площади, причем расстояние до царской церкви от него будет двадцать сажен. Руководствуясь нормами, предусмотренными строительным уставом, полицейское управление дало заключение, что «не имеет в виду препятствий к возведению на указанном на плане месте... Народного дома» [1].

Однако и после получения рапорта от полицейского управления губернатор не сделал нужных распоряжений. В результате общественность Чембара в апреле 1911 года вынуждена была обратиться в губернское правление с напоминанием о том, что затяжка с утверждением места под Народный дом не позволяет приступить к завозу строительного материала и весенней посадке деревьев, ставит городскую управу в затруднительное положение по осуществлению перечисленных действий».

Не успело напоминание чембарцев дойти до Пензы, как на имя губернатора с нарочным было отправлено срочное уведомление от предводителя Чембарского уездного дворянства. В этом документе сообщалось, что запроектированная местным обществом постройка Народного дома имени писателя В. Г. Белинского вблизи двух церквей совершенно недопустима по религиозным соображениям, «так как в доме, в котором ныне помещается храм во имя рождества Христова, довольно продолжительное время проживал покойный государь император Николай Павлович и неоднократно прогуливался в Никольской площади, а поэтому занять площадь под учреждение совершенно не патриотично» [2]. Просьбу предводителя дворянства поддержал епископ пензенский и саранский, который прямо указал, что такие действия общественности необходимо пресекать в их зародыше.

В мае, за несколько дней до юбилея, корреспондент из Чембара с огорчением сообщал в «Пензенских ведо-

---

В. Г. Белинский. Две недели пролежал царь в Чембаре. Уезжая, он спросил местных дворян, что бы они желали иметь в память о его пребывании. Городничий попросил средств на ремонт тюрьмы и полиции, духовенство — на достройку собора, а пензенский губернатор от имени помещиков уезда — открыть в здании уездного училища церковь. Все эти просьбы Николай исполнил. Чембар лишился единственной школы, которая имелась в те годы в уезде, а вместо нее возникла третья церковь, именуемая «царской».

[1] ГАПО, ф. 6, л. 9283, л. 5.

[2] ГАПО, ф. 6, д. 9283, лл. 10, 11.

местах, что неожиданно возникшие недоразумения из-за места под Народный дом не позволяют 30 мая произвести закладку этого памятника и пригласить на торжества всех почитателей Белинского.

Казалось, сложившиеся обстоятельства окончательно рушили все планы членов публичной библиотеки имени В. Г. Белинского. Но передовая интеллигенция Чембара проявила настойчивость и попросила городскую управу в срочном порядке отвести другое место под Народный дом — при городском сквере, который удален от Никольской площади более чем на двести сажен. Комитет по строительству Народного дома приложил к ходатайству также и проект здания, разработанный архитектором А. А. Баграковым. Наконец 27 мая 1911 года из Пензы последовало долгожданное утверждение отведенного на плане участка.

Весть об этом дошла до Петербурга. В Академии художеств проявили особое внимание к архитектурному оформлению здания и планировке зрительного и читального залов. Группа инженеров предложила внести в разработанный Баграковым проект ряд дополнений с тем, чтобы Народный дом наряду со строгими линиями имел также и привлекательную форму. Академия художеств рекомендовала расширить само здание и за счет этого увеличить зрительный и читальный залы, перестроить фасад, заменив четырехгранные столбы колоннами, поднять центральный купол, сделав его несколько тяжелее в основании, предусмотрев вместо печей калориферное отопление. После доработки проекта А. А. Баграковым подписал договор с Чембарской думой на производство работ и принял на себя надзор и руководство при постройке Народного дома.

В апреле 1912 года заложили фундамент, а в январе 1914 года здание было принято комиссией. За сравнительно короткий срок на земле детства и юности В. Г. Белинского был создан прекрасный памятник его имени, построенный, как писала газета «Новости», из кирпичей, принесенных со всех уголков необъятной России.

Каждый, кому были дороги немеркнущие идеалы выдающегося сына русского народа, стремился вложить посильную лепту в благородное дело. Всего в подписке приняло участие около двухсот пятидесяти тысяч человек. В большинстве — это рабочие, мелкие служащие, крестьяне. Поэтому часто пожертвования составляли 10—15,

реже 25—30 копеек. Лишь учителя и некоторые писатели, ученые вносили несколько больше. Так, из Кутаисской дворянской гимназии девять преподавателей перечислили в Чембар 5 рублей 90 копеек. Всего же в распоряжение комитета по строительству Народного дома поступило свыше 12 тысяч рублей, и на эти деньги, без какой-либо помощи со стороны казны, было не только построено здание, но и приобретено для него оборудование, огорожен прилегающий сквер.

Здание Народного дома в основном сохранилось в прежнем виде до наших дней, где в настоящее время размещается районный Дом культуры. Земляки критика бережно хранят один из первых памятников, воздвигнутых народом в честь выдающегося революционного демократа.

Вслед за общественностью Чембара активно включилась в работу по организации юбилея Виссариона Григорьевича интеллигенция Пензы. В губернском городе решили до конца выполнить ранее намеченные мероприятия по увековечению памяти великого критика, разработанные еще в 1898 году, но запрещенные правительством.

Как и в пятидесятилетнюю годовщину со дня смерти Белинского, инициативу взяло на себя Общество Лермонтовской библиотеки. Совместно с членами Народного драматического кружка в октябре 1909 года оно обратилось в городскую управу и ко всем почитателям В. Г. Белинского и М. Ю. Лермонтова с заявлением, в котором указывалось, что за восемнадцатилетний период своего существования Общество создало две библиотеки в память о своих земляках. Благодаря огромной помощи со стороны общественности книжный фонд этих библиотек составил пятьдесят две тысячи томов, многие из которых представляют библиографическую редкость. Но все это богатство, приобретенное на пожертвованные средства, находится в неприспособленных квартирах, опасных в пожарном отношении. Основанный в 1898 году фонд имени В. Г. Белинского за десять лет превысил 13 тысяч рублей. Этих денег крайне недостаточно, чтобы приобрести здание, подходящее для размещения книг и оборудования читальных залов. «Поэтому, — предлагало Общество, — в ознаменование столетнего юбилея со дня рождения Белинского необходимо построить просветительное учреждение его имени, что явится лучшей формой выражения

почтения памяти нашего великого критика». Передовые круги Пензы настоятельно просили городское управление рассмотреть указанное предложение и в связи с этим выделить необходимые кредиты.

Члены Общества Лермонтовской библиотеки надеялись, что правительство отпустит запрашиваемую ссуду, и, не дожидаясь окончательного решения, заказали проект будущего здания под Дом имени В. Г. Белинского. Но их надежды не оправдались. В марте 1911 года правительство под благовидным предлогом сообщало в Пензу, что Министерство народного просвещения не может выделить ссуду, ибо Лермонтовское Общество не состоит в означенном ведомстве.

Оставалось менее трех месяцев до юбилея, а Пенза еще не имела ясной программы празднования столетия со дня рождения Белинского. Это объяснялось тем, что ряд членов Общества Лермонтовской библиотеки, как врач Просвирнин, Вярьвильский и некоторые другие, получили строгое предупреждение от губернатора за свои неблаговидные мысли по отношению правительства, высказанные в связи с пятидесятилетием отмены крепостного права на страницах журнала «Пензенский городской вестник». В частности, в указанном журнале были напечатаны статьи, в которых крепостное право называлось рабством, только в более диком и необузданном виде. Городской вестник опубликовал несколько рассказов на тему о бесправии масс и в связи с этим указывал на огромную роль Белинского в борьбе передовых сил России за свободу человеческой личности. В результате губернское полицейское управление арестовало весь тираж журнала. Такое событие несколько приостановило подготовку к чествованию памяти Белинского.

По случаю указанных событий один из корреспондентов городского вестника писал, что русская действительность не позволяет расширить рамки приближающегося торжества, сделать его национальным праздником. Поэтому в конце апреля юбилейная комиссия, утвержденная думой, внесла на рассмотрение городской управы перечень вопросов местного характера по увековечению памяти своего земляка.

Предложенную юбилейной комиссией программу поддержали члены Народного драматического кружка, учителя, врачи, мелкие чиновники. Ревнители памяти Виссариона Григорьевича решили строить Дом имени

В. Г. Белинского на общественные средства. В результате губернатор вынужден был дать согласие, чтобы городское управление полностью утвердило выработанные мероприятия.

1 июня в двенадцать часов дня состоялось освящение места под закладку Дома имени В. Г. Белинского, а затем масса народа двинулась к «Верхнему гулянью». Здесь каменная арка была украшена барельефом Белинского. Председатель юбилейной комиссии зачитал постановление городской управы о переименовании «Верхнего гулянья» в городской парк имени В. Г. Белинского. Под звуки военного оркестра были открыты ворота, и публика заполнила аллеи любимого места отдыха пензенцев.

Около здания театра среди стройных дубков утопал в зелени высокий пьедестал, который венчал гипсовый бюст великого критика. До сего времени этот первый памятник Белинскому, установленный его земляками в Пензе, ни разу не упоминался в нашей печати, и мало кто знает о его авторе. Во многих советских изданиях помещены снимки с бюста Белинского, изготовленного скульптором М. Я. Каплаком, но указывается, что место нахождения оригинала неизвестно. Найденные за последнее время документы и фотографии с этого памятника раскрывают любопытные факты.

Как указывалось выше, еще в конце девяностых годов прошлого века Каплан по желанию дочери Виссариона Григорьевича изготовил для Пензы два бюста. Их должен был доставить из Парижа Мануилов, который был задержан на границе таможенными чиновниками, усмотревшими в его действиях «крамолу». На выяснение вопроса о возможности провоза бюстов Белинского ушло несколько дней. Поэтому Мануйлов вернулся домой лишь 29 мая 1898 года. Тогда бюсты установить не разрешили, и они находились в фондах Общества Лермонтовской библиотеки. Только в 1911 году один из бюстов поставили в городском парке. Скромный памятник Белинскому не сохранился до наших дней. В период белочешского мятежа в 1918 году его разрушили при артиллерийском обстреле Поповой горы, где размещался городской сквер.

После открытия парка и памятника Белинскому в театре состоялось торжественное собрание. От имени Общества любителей российской словесности при Московском университете собравшихся приветствовал с великим

днем чествования своего земляка профессор П. Н. Сакулин. Он зачитал реферат «О значении Белинского в истории русского театра». По окончании доклада П. Н. Сакулина к подножию бюста Белинского были возложены венки от редакций газет «Пензенские ведомости» и «Голос Москвы», городского самоуправления, членов и артистов Драматического кружка. Среди многочисленной публики появилась группа студентов-пензенцев, приехавших из Томска. Они возложили простой венок, обвитый кумачовой лентой с надписью:

Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! Перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

По инициативе артистической труппы совет старшин внес предложение переименовать Драматический кружок в Народный театр имени В. Г. Белинского. Это предложение участники собрания встретили громом аплодисментов. «Благодаря бескорыстной и энергичной деятельности группы местной интеллигенции, — говорилось в приветственном адресе от редакции «Пензенских ведомостей», — исполнилась заветная мечта земляков незабвенного В. Г. Белинского. На долю Пензы выпало редкое счастье, ибо почетное имя великого искателя истины впервые присвоено театру на его родине»[1].

Поздравительные адреса и телеграммы поступили в Пензу из Нижнего-Новгорода, от Московского художественного театра, из Саратова и многих других городов России. В них выражалось признание великих заслуг Белинского перед родиной и народом, горячая поддержка начинания и солидарность с деятельностью местной интеллигенции по увековечению памяти гениального критика.

В тот же период была переименована улица. Театральная стала улицей имени В. Г. Белинского, а 4-му городскому училищу присвоено имя критика. Пензенское городское управление по настоятельному требованию педагогического совета учредило стипендию имени В. Г. Белинского для выпускников реального училища, которые хотели бы учиться в высших учебных заведениях, но не имели для этого средств.

Вскоре после юбилея городская дума рассмотрела и

---

[1] «Пензенский городской вестник», 1911, № 10, с. 24—25

утвердила предложенный инженером Багра́ковым проект здания под Народный дом имени В. Г. Белинского в Пензе. Она нашла, что проект отвечает всем потребностям и Лермонтовской библиотеки и библиотеки имени В. Г. Белинского. В следующем, 1912 году началось строительство этого примечательного памятника. Но ранее обещанные средства городское управление не выделило. В результате строительство Народного дома затянулось на несколько лет. Только после гражданской войны на заложенном фундаменте возвели здание, в котором в настоящее время располагается областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова.

Недолго просуществовал и Народный театр, названный именем критика. Случившийся пожар уничтожил почти все оборудование и многие материальные ценности, накопленные с большим трудом за шестнадцать лет деятельности этого зрелищного заведения.

Отмечали столетие со дня рождения В. Г. Белинского в Киеве, Одессе, Казани, Кишиневе, Рязани. Здесь по инициативе местных писателей, поэтов, учителей прошли литературные вечера, в которых активное участие принимала учащаяся молодежь. В Екатеринбурге (в настоящее время город Свердловск) передовая интеллигенция добилась наконец разрешения на присвоение местной библиотеке имени Белинского.

Особенно важное значение в оценке наследия выдающегося революционного демократа имели выступления большевиков-ленинцев. В дни юбилея в газете «Терек», издававшейся во Владикавказе, была напечатана статья С. М. Кирова «Великий искатель». В ней автор, характеризуя эпоху Белинского, указывал: «Он воплотил в себе весь протест против окружающей «гнусной действительности» и все величие своего гения устремил к отысканию истины».

Рассматривая формирование взглядов выдающегося мыслителя, Сергей Миронович отмечал, что Белинский прошел в своих теоретических исканиях сложный путь от идеализма к материализму. Его не могли удовлетворить философские системы Запада, и каждая из них «служила переходной ступенью от одного мировоззрения к другому».

В заключение статьи С. М. Киров писал: «Тургенев назвал Белинского «центральной фигурой». Вернее было бы назвать его Моисеем русской общественной мысли,

который вывел ее из темных лабиринтов голой абстракции на торную дорогу реализма»[1].

5 июня 1911 года в «Черноморском портовом вестнике» увидела свет статья В. В. Воровского «В. Г. Белинский». Пользуясь случаем, Вацлав Вацлавович умело пропагандировал марксистские идеи. Он говорил, что помянуть этого замечательного человека имеет право не только образованная Россия, но в еще большей мере громадная масса бедноты, в частности рабочий люд. Ибо Белинский по положению своему и по мировоззрению являлся разночинцем, выходцем из низов русского общества. Автор указывал, что в условиях эксплуатации человека человеком разночинец, живущий литературным трудом, оставался интеллигентным пролетарием. «Как у фабричного рабочего наших дней, — подчеркивал В. В. Воровский, — так и у пролетария-интеллигента нет ничего, кроме своей рабочей силы, которую он вынужден продавать разным предпринимателям, чтобы было на что жить. Белинский, написавший за свою короткую жизнь десять-двенадцать громадных томов, жил полунищим и умер полунищим — точь-в-точь как любой пролетарий, который после годов труда и муки оставляет семью без куска хлеба».

Далее автор свидетельствовал, что Белинский «во многом думал так, как думают теперь миллионы пролетариев в разных концах мира. Правда, — пояснял В. В. Воровский, — в те времена еще и в Западной Европе рабочее движение было в младенческом состоянии, и теория этого движения еще путалась в туманах так называемого утопизма. И к этому-то утопическому социализму, как его правильно называли, тянулась жадная мысль Белинского».

Широко освещали деятельность великого русского критика многие газеты, журналы братских народов России и зарубежная печать. Например, выдающийся латышский писатель А. М. Упит, невзирая на рогатки реакции, говорил о Белинском как учителе жизни. А газета «Рига Авизе» писала о нем: «Каждая его критика является отдельным произведением искусства».

В юбилейном году вышло несколько изданий избранных произведений Белинского. Наиболее значительным изданием являлся трехтомник под редакцией Р. В. Иванова-

[1] С. М. Киров. Великий искатель. — «Терек», 1911, 29 мая.

Разумника, с его примечаниями к каждой статье и кратким биографическим очерком жизни и деятельности критика. Иванов-Разумник собрал большой фактический материал, который характеризует творческий путь Белинского, значение каждой его статьи или крупной рецензии для истории развития русской литературы. Часто комментарии разрастаются в обзоры, охватывающие целые периоды деятельности критика. Правда, Иванов-Разумник делал неверные выводы, что социально-политические взгляды Белинского складывались под влиянием западноевропейской философской школы и были оторваны от российской действительности.

В 1914 году впервые увидели свет письма Белинского, изданные Е. А. Ляцким в трех томах. До этого они частично приводились в книге А. Н. Пыпина «Белинский. Его жизнь и переписка», а также публиковались в ряде журналов и газет с 1859 по 1913 год. Предпринятый Е. А. Ляцким труд имел огромное общественно-политическое значение для изучения творчества Белинского. Переписка критика наиболее полно раскрывала его социальные, философские, эстетические взгляды. То, что Белинский не мог открыто, в силу цензурных условий, высказать в печати, он излагал в письмах к знакомым и друзьям.

Издание эпистолярного наследия Виссарион Григорьевича сразу же получило широкое признание. Несмотря на неточности и неполноту ряда текстов, оно дало более ясное представление о жизни и деятельности великого критика, его окружении, взаимоотношениях со своими корреспондентами. Важно было и то, что Е. А. Ляцкий включил в трехтомник знаменитое письмо к Гоголю.

По всей вероятности, об этой публикации «Письма» сообщала дочь Н. Ф. Арманд весной 1914 года в Париж. В ответном послании Инесса Федоровна делилась своими мнениями: «Письмо Белинского, о котором ты мне пишешь, я знаю. Оно действительно очень интересно и в свое время имело большое общественное значение. Вообще Белинский — удивительный человек! Все его письма, по-моему, очень интересны» [1].

До сего времени не установлено, каким образом Е. А. Ляцкому удалось в жестоких цензурных условиях

[1] Н. Ф. Арманд. Статьи, речи, письма. М., 1975, с. 217.

опубликовать письмо Белинского к Гоголю, тем более в последнем, третьем томе. Этот том включал в себя неопубликованные воспоминания о Виссарионе Григорьевиче Д. П. Иванова, Н. Н. Тютчева, весьма важные комментарии, а также указатель личных имен ко всем трем томам. Можно предположить, что издатель шел на определенный риск. И не случайно в предисловии он указывал: «При всем стремлении напечатать приводимые письма Белинского во всей полноте, редактор счел необходимым подвергнуть исключению некоторые строки и отдельные слова и фразы, заключавшие в себе выражения слишком резкие... Весьма немногие исключения сделаны, затем, в тех местах писем, где Белинский касался особенностей современного ему политического состояния России; эти исключения, относящиеся лишь к отдельным словам и выражениям, нигде не изменяют, впрочем, существа высказанных им мыслей».

Подобная оговорка могла в какой-то мере «усыпить» бдительность цензоров. Но в других случаях они беспощадно карали тех лиц, которые пытались обнародовать «изменнический манифест» великого критика. В том же 1911 году в Московской типографии А. Д. Плещеева было отпечатано отдельное издание письма Белинского к Гоголю. Комитет по делам печати сразу же конфисковал весь тираж, а виновных в выпуске брошюры привлекли к уголовной ответственности.

Как и раньше, вместе с царскими сатрапами выступили против идей Белинского махровые реакционеры. На сей раз в роли защитника «чистоты» русской литературы оказался один из мракобесов и ярых антисемитов Ю. Айхенвальд. В своих пасквильных «Силуэтах» он изрекал, что Белинский — это «человек без духовной собственности», «нищий-студент», «без хорошей натуры, без инстинкта правды». «Ему присуще, — вещал завзятый эстет — внутреннее мещанство, прирожденная ограниченность, отсутствие нравственного изящества и благородства».

По мнению Ю. Айхенвальда, Белинский был «повинен в том, что русская культурная традиция не имеет прочности», «это он расчистил дорогу публицистической критике и губительному течению тенденциозности». И далее этот заклятый враг реализма писал: «В целом прославленный критик — печальное явление в истории русской литературы и даже во всей истории русской культуры».

Спустя год патентованный клеветник выпустил книгу

«Спор о Белинском», которая явилась верхом всей гнусности в извращении мировоззрения великого критика. Выхватывая отдельные цитаты, искажая их суть, Ю. Айхенвальд занимался прямой подтасовкой фактов. Например, он утверждал, что письмо Белинского к Гоголю «не совсем революционно». Почему же? А по простой причине. «Так, перечисляя «самые живые, современные вопросы в России», — заявлял автор пасквиля, — Белинский называл среди них «ослабление телесного наказания». Согласитесь, — осклабившись, утверждал Ю. Айхенвальд, — что это далеко от максимализма». В подтверждение своих доводов он ссылался на первую публикацию письма, т. е. на «Полярную звезду» Герцена, «который, — как указывал на страницах своей книги Ю. Айхенвальд, — непосредственно от Белинского выслушал черновик зальцбруннского послания, где значится «ослабление». Но в «Полярной звезде» на 67 странице написано: «Самые живые, современные, национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть». Таким образом, даже простое сопоставление текста «Полярной звезды» с высказываниями Ю. Айхенвальда свидетельствует о всей их лживости.

Однако не всегда Ю. Айхенвальд возводил хулу на Белинского. Матерый эстет писал и о «положительных сторонах деятельности» великого критика, который, по мнению автора фальсификатора, «высказывал много верных и ценных идей ... о первенстве формы». Вот уж воистине, как в народе молвится, у кого что болит, тот о том и говорит. Ю. Айхенвальду очень хотелось взять в «союзники» Белинского, дабы оправдать свою теорию «чистого искусства». Но великий критик не отделял форму от содержания. Он указывал, что форма есть выражение содержания и она связана с ним так тесно, что отделить ее от содержания значит уничтожить само содержание. «В искусстве, — писал Белинский, — иначе мысль и не передается, как через содержание и форму»[1].

Сейчас можно было бы и не вспоминать о клеветнических измышлениях всевозможных волынских, бердяевых, айхенвальдов и им подобных, о которых давно уже забыла история. Но их «труды» покоятся на полках бур-

[1] В. Г. Белинский. Указ. соч., т. X, с. 253, 254.

жуазных идеологов. В них время от времени заглядывают и, стряхнув пыль, выискивают «факты» для своих суждений о развитии русской культуры, ее традициях. Взять, к примеру, хотя бы книжку Станислава Мацкевича. Называется она «Достоевский». Бывший премьер эмигрантского польского правительства больше пишет не о Федоре Михайловиче, а о русских революционных демократах. Не скупясь на выражения, он вещает, что Чернышевский «лично, несомненно, был человеком благородным», но «лишен таланта». О Белинском С. Мацкевич говорит более категорично: «Особенность его состояла в том, что он умел навязывать другим свое мнение», и его «неизвестно почему, слушались современники». Однако самое главное заключалось в другом. Следуя за Анненковым, автор утверждает, что «ряд богатых людей делал все, чтобы создать этому бедняге жизненные удобства, и Белинский принимал это, как должное».

На основе «Силуэтов русских писателей», указывает литературовед В. Р. Щербина, написана статья английского советолога И. Берлиным «Человек, который стал мифом». Подобно Анненкову, автор также с ненавистью относится к великому критику, с пеной у рта пытается доказать, что Белинский «проповедовал свои нетленные мысли в плохо написанных неуклюжих и невыразительных предложениях» [1].

Американский профессор Р. Матьюсон в книге «Положительный образ в советской литературе» в характеристике русских революционных демократов, не ссылаясь на Анненкова, многое заимствует у последнего. Подобно этому апологету, ученый из Колумбийского университета заявляет, что Белинский, Чернышевский и Добролюбов никогда якобы «не понимали эстетической природы искусства, поскольку видели в литературе лишь служанку политики и морали. Поэтому произведения, созданные по их предписаниям, имели лишь преходящее политическое значение и лишены были художественной ценности».

Другая группа буржуазных апологетов тщится доказать, что Белинский никогда не был революционером, атеистом и материалистом. Так, профессор папского Восточного института в Риме Г. Веттер в своей книге

[1] См. сб.: Белинский и современность. М., 1964, с. 31

«Диалектический материализм. Его история и система в Советском Союзе», вспомнив разглагольствования Н. Бердяева, приписывает Белинскому соглашательства с царскими властями. Такой же точки зрения придерживается В. Свобода. Основываясь на письме гениального критика к П. В. Анненкову от 1—10 декабря 1847 года, извлекая из него отдельные положения, он стремится доказать, что в последний период деятельности Белинский стал разделять политику царя, окончательно отказался от своих прежних взглядов. Данная концепция В. Свободы особенно ярко выразилась в статье «Шевченко и Белинский». Стараясь «просветить» английских читателей, «показать им мнимого и реального русского критика», В. Свобода пишет о том, что «Белинский искренне одобрял экспансию самодержавной России и был на стороне правительства в деле Шевченко, доказав тем самым, что он поддерживает усилия III отделения в подавлении национально-освободительного движения на Украине». Вторят этому автору Д. Скэнлен, Е. Ламперт, которые также уверяют англичан, что социализм Белинского до поры до времени оставался индивидуалистическим, а в конце жизни он перешел на умеренные либеральные позиции, выражал интересы «среднего класса», т. е. буржуазии, проводил якобы «двурушническую» линию между западниками и славянофилами.

Со своими собратьями по перу солидарен Б. Шульце. В книжке под громким названием «В. Г. Белинский — основоположник революционного атеизма в России» этот псевдоученый осмеливается утверждать, будто Белинский под конец своей жизни, разуверившись в «социальных идеалах правды и справедливости» и «разочаровавшись в борьбе с действительностью», стал «хвататься только за религию, за евангелие и начал черпать силу в вере в бессмертие», превратившись в «страстного богоискателя».

Вот, оказывается, когда это началось: не во времена «веховщины», а гораздо раньше, и пример подал, по мнению современных черносотенцев, никто иной, как Белинский. Но подобные вылазки буржуазных идеологов были биты еще в начале нынешнего столетия.

С усилением революционного подъема, вызванного расстрелом рабочих на Ленских приисках, возросла активность большевистской печати. Вместо еженедельной газеты «Звезда», закрытой царским правительством, ста-

ла издаваться по инициативе петербургских рабочих массовая марксистская газета «Правда». Она не только боролась за укрепление рядов партии, не только разоблачала происки ликвидаторов, троцкистов и прочих оппортунистов, но отводила значительное место пропаганде заслуг революционных демократов перед русским обществом. В. И. Ленин высоко ценил эту сторону в деятельности «Правды» и в письме на имя редакции 8 сентября 1912 года рекомендовал: «Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в «Правде» Щедрина и других писателей «старой» народнической демократии. Для читателей «Правды» — для двадцати пяти тысяч — это было бы уместно, интересно, да и получилось бы освещение теперешних вопросов рабочей демократии с иной стороны, иным голосом»[1].

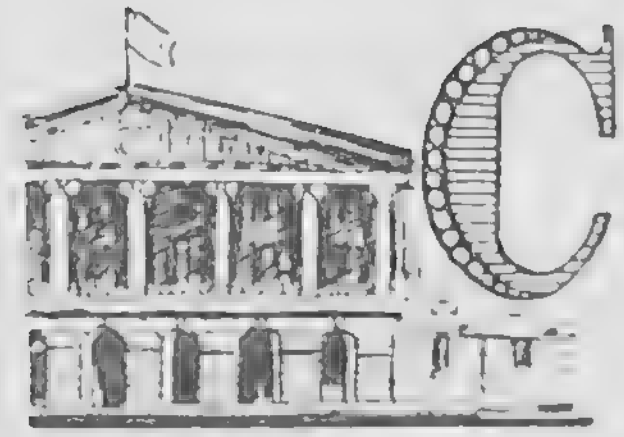
Выполняя ленинское указание, правдисты смогли найти правильное направление в борьбе с реакционными писателями, которые пытались представить события 1905 года как случайное явление, а социал-демократов вывести в образе одиночек, оторванных от масс, полных отчаяния и неверия в будущее. В этих исторических условиях большевики с большой теплотой и симпатией писали о Белинском, видели в нем прекрасный пример самоотверженной борьбы за чистоту и идейную направленность русской литературы. Одобряя прекрасные традиции Белинского и его последователей – Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, «Правда» писала, что память о Белинском будет дорога и священна для всех сознательных рабочих, так как его общественно-публицистическая критика находится в неразрывной связи с критикой марксистской. «Марксистская критика, — указывалась в газете, — может вести свое происхождение и от Добролюбова и еще ранее от Белинского».

Накануне вплотившихся исторических событий, незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции большевики-ленинцы, наиболее передовые слои русского общества боролись за Белинского, принимали меры, чтобы увековечить память о нем, дать широкую дорогу его наследию. В условиях царской России осуществить это было трудно. Только с победой Великого Октября произведения Виссариона Григорьевича стали достоянием самых широких народных масс.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 89

ВЕЛИКОЕ ИМЯ



С первых же дней установления Советской власти, когда к управлению страной пришли рабочие и крестьяне, В. И. Ленин наряду с другими вопросами большое внимание уделял развитию новой пролетарской культуры — национальной по форме, социалистической по содержанию. В этом он видел одну из главных особенностей укрепления могущества молодой Республики Советов. Чтобы разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции, подчеркивал Владимир Ильич, надо учиться и в повседневной работе неустанно повышать образовательный и культурный уровень народных масс.

В выступлениях перед рабочими, интеллигенцией, во многих статьях В. И. Ленин разработал основную программу культурного строительства. В речи на III съезде комсомола он указывал, что пролетарская культура должна создаваться не на пустом месте, а на основе закономерного развития лучших традиций, заложенных наиболее передовыми людьми в условиях чиновничьего, помещичьего и капиталистического гнета. Поэтому было бы величайшей ошибкой думать, что многомиллионные народные массы можно вывести из темноты, невежества и предрассудков только по линии чисто марксистского просвещения. Владимир Ильич учил, что коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, Совет Народных Комиссаров принял ряд постановлений, на основе которых театры, музеи, библиотеки, картинные гале-

реи, издательства из частной собственности переходили во всенародное достояние. Несмотря на огромные трудности, которые приходилось преодолевать молодой Советской Республике в годы гражданской войны, Народный Комиссариат просвещения и другие государственные органы, ведавшие вопросами культуры, проделали огромную работу по пропаганде наследия великих представителей русской литературы, публицистики и искусства. Достаточно сказать, что только с мая 1918 по май 1919 года было издано сто пятнадцать названий произведений классиков общим тиражом свыше шести миллионов томов. На обложке каждой книжки печатались с некоторыми сокращениями слова из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

...придет ли времечко..,
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

Еще 19 февраля 1918 года в «Газете рабочего и крестьянского правительства» сообщалось о том, что сочинения В. Г. Белинского монополизируются государством на пять лет. А спустя несколько месяцев вышел в свет двухтомник произведений великого критика под редакцией Р. В. Иванова-Разумника тиражом пятьдесят тысяч экземпляров.

Не только в Петрограде, но и в других городах в те грозные годы печатались труды Виссариона Григорьевича. В Одессе были изданы «Критические статьи о А. В. Кольцове», в Харькове — «Очерки из народную поэзию и ее значение». Кроме произведений Белинского вышло несколько книг, посвященных его жизни и творчеству.

Издание произведений Белинского, Чернышевского, Добролюбова было важным событием в общественно-политической жизни молодой социалистической республики. Идеи революционных демократов оказывали определенное воздействие на поэтов, прозаиков, художников, композиторов. В результате многие из них стали критически относиться к своему творчеству, по-иному смотреть на роль литературы и искусства в жизни общества. Это наносило решающие удары по всяким формалистическим течениям.

В частности, примером может служить позиция, занятая в те годы С. А. Есениным, который под влиянием эстетики революционных демократов и особенно Белинского порвал идейные связи с имажинистами, резко выступил против теоретических установок футуристов и других русских модернистов. Несколько позже, в майском номере журнала «Знамя» за 1921 год, выдающийся поэт в статье «Быт и искусство» писал: «Сии строки я посвящаю своим собратьям по тому течению, которое исповедует Величию образа.

Собратьям моим кажется, что искусство существует только как искусство. Вне всяких влияний жизни и ее уклада. Мне ставится в вину, что во мне еще не выветрился дух разумниковской школы, которая подходит к искусству, как к служению неким идеям.

Собратья мои увлеклись зрительной фигуральностью словесной формы, им кажется, что слова и образ это уже все.»

И далее, давая политическую оценку представителям имажинизма, с которыми ранее был связан С. А. Есенин, а вместе с ними футуристам и прочим абстракционистам, Сергей Александрович подчеркивал: «У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так не согласовано все. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния.

Но жизнь требует только то, что ей нужно, и так как искусство только ее оружие, то всякая ненужность отрицается так же, как и несогласованность»[1].

Ссылаясь на «дух разумниковской школы», С. А. Есенин имел в виду произведения Белинского, вышедшие под редакцией и с комментариями Р. В. Иванова-Разумника, а также его исследования, посвященные творчеству великого критика. Ибо эту сторону в деятельности литературоведа ценил выдающийся поэт, который сам благоговел перед личностью Виссариона Григорьевича. С. А. Есенин знал его письмо к Гоголю и другие произведения. В одном из своих посланий товарищу детства Г. А. Панфилову он указывал: «Разумеется, я имею симпатию к таким людям, как, например, Белинский.»[2]

---

[1] С. Есенин. Собр. соч., т. 5, М., 1962, с. 55, 61.
[2] Там же, с. 92.

Но противники реализма не сдавались без боя. Они видели, что идеи Белинского являлись той силой, которая подрывала их устои. Поэтому, отмечает В. Р. Щербина, когда В. В. Маяковский в стихотворении «На той стороне» отчетливо выразил свое стремление слить искусство с борьбой революционных масс, то члены футуристической группы подняли шум. Один из них, В. Шкловский, полемически обличая В. В. Маяковского, писал: «Искусство всегда было вольно от жизни, и на цвете его никогда не отражался цвет флага крепости». А мы, футуристы, связываем свое творчество с Третьим Интернационалом».

Товарищи,— обращался к собратьям по перу Шкловский,— ведь это же сдача всех позиций, это — Белинский — Венгеров. И неужели просто не режет глаз тот шуршащий хвост из газетной передовицы, который сейчас ему приделывают»[1]

В. И. Ленин внимательно следил за ходом издания произведений лучших русских писателей, поэтов, в том числе Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Владимир Ильич считал это только началом. В беседе с Горьким он указывал: «В массу надобно двинуть всю старую революционную литературу, сколько ее есть у нас и в Европе»[2]. В этой же беседе Владимир Ильич жаловался, что из-за неотложных дел некогда читать. И тем не менее он стремился всегда иметь под рукой наиболее нужные в работе книги, в том числе и связанные с деятельностью революционных демократов. Так, в рабочем кабинете В. И. Ленина находились письма Белинского в трех томах, сборники его произведений «Басни Ивана Крылова. Стихотворения Аполлона Майкова. Петербургский сборник. О жизни и сочинениях Кольцова», «Горе от ума. Вступительная статья И. Н. Кубикова», «Письмо к Гоголю. Предисловие П. С. Когана», «Сочинения Александра Пушкина (статьи 3-я, 4-я и 5-я)», «Статьи о Гоголе». Здесь же имелись книги Г. Плеханова «Речь о Белинском», произнесенная в Женеве, Цюрихе и Берне, П. Правдухина «Виссарион Белинский — основоположник социальной эстетики», М. Неведомского «Зачинатели и продолжатели. Поминки, характеристики, очерки по русской литературе от дней Белинского до наших дней», Р. В. Иванова-Разумника «Книга о Белинском» и другие.

---

[1] Цит. по сб.: Белинский и современность. М., 1964, с. 18.
[2] М. Горький. Собр. соч., т. 17. Гослитиздат, 1952, с. 45

В 1919 году Владимир Ильич просит доставить ему в рабочий кабинет полное собрание сочинений В. Г. Белинского, а вскоре пишет библиотекарю: «Нельзя ли достать мне (на прочтение только на 1 неделю) книгу Головачева-Панаева. «Воспоминания». СПб. 1890»[1].

Мемуары А. Я. Головачевой-Панаевой, писательницы и сотрудницы журнала «Современник», как раз охватывают литературную жизнь России с конца тридцатых до шестидесятых годов прошлого века. Большая часть воспоминаний посвящена взаимоотношениям Белинского с Некрасовым, Герценом, Кольцовым, Тургеневым. Автор мемуаров приводит интересные высказывания Белинского о крепостном праве и по другим социально-политическим вопросам, о его петербургском кружке, дает характеристику творчества критика в оценке его современников и писателей шестидесятых годов.

В тяжелые годы разрухи Владимир Ильич снова писал о великом критике. Разоблачая контрреволюционные элементы, которые утверждали, что у большевиков ничего не выйдет, ибо государством могут управлять только «высшие классы», вождь пролетариата указывал: «Со *шкурной* точки зрения их поведение понятно: прихлебателям и приживальщикам крепостников-помещиков, попам, подьячим, чиновникам из гоголевских типов, интеллигентам, ненавидящим Белинского, тоже было «трудно» расстаться с крепостным правом. Но дело эксплуататоров и их интеллигентской челяди — безнадежное дело»[2].

В этих словах особенно ярко проявилась классовая сущность деятельности Виссариона Григорьевича. Крепостники ненавидели Белинского за его революционность, буржуазия в лице всей контрреволюции ненавидит большевиков, поднявших народ на борьбу за победу социалистической революции. Это еще раз подчеркивает, что идеи революционного демократа отражали надежды и чаяния трудящихся масс и горячо воспринимались ленинской партией.

В августе 1918 года СНК принял подписанный В. И. Лениным декрет о постановке памятников выдающимся деятелям революционного движения и культуры. В приложенный список были внесены Пушкин, Гоголь,

---

[1] Ленинский сборник, т. XXXV, с. 167.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 197.

Лермонтов, Толстой, Радищев, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Некрасов и другие.

В. И. Ленин видел в развитии монументальной пропаганды одну из важнейших форм распространения идей марксизма и увековечения памяти борцов, которые своим творчеством развивали и поднимали революционную сознательность народа, посвятили свою жизнь борьбе за освобождение трудящихся. В беседе с А. В. Луначарским Владимир Ильич говорил: «Ставьте как можно скорее, хотя бы пока в непрочном материале, возможно больше памятников великим революционерам и тем мыслителям, поэтам, которых не хотела чтить буржуазия за свободу их мысли и прямоту их чувств. Пусть изваяния предшественников революции послужат краеугольным камнем в здании трудовой социалистической культуры»[1]

В 1918—1920 годах в Москве, Петрограде в торжественной обстановке в присутствии огромных масс народа были открыты памятники К. Марксу, А. Радищеву, Н. Огареву, мемориальные доски в память жертв революции. Но в те трудные годы декрет об установке памятников был выполнен не до конца. По вине отдельных работников Наркомпроса, а также из-за антипартийной политики «пролеткультовцев», которые старались оторвать искусство от действительности, от исторических и социальных процессов, от актуальных задач общественной жизни, не были установлены в Москве бюсты Н. Э. Баумана, А. В. Ухтомского, В. Г. Белинского и других.

Инициатива В. И. Ленина о широком развитии монументальной пропаганды нашла горячую поддержку в ряде губерний. В частности, по примеру столичных городов в 1918 году пензенские рабочие воздвигли памятник К. Марксу. В 1920 году в Екатеринбурге (Свердловске) установили на скромном постаменте небольшой бюст В. Г. Белинского в нише у парадного входа в библиотеку, носившую его имя. Это был первый памятник гениальному критику, сооруженный в России в послеоктябрьский период.

Не забыло Советское правительство и о доме Белинского в Чембаре. В сентябре 1918 года А. В. Луначар-

---

[1] А. В. Луначарский. Статьи о литературе. М., 1957, с. 137.

сны пригласил на беседу председателя Чембарского уездного комитета РКП(б) Е. И. Барышева[1]. И первый вопрос, который задал ему нарком просвещения, — о состоянии дома Белинских. Узнав о том, что в нем находится квартир, А. В. Луначарский посоветовал незамедлительно разобраться с этим вопросом. Нельзя, говорил он, чтобы этот вещественный памятник, в котором прошли детские и юношеские годы Виссариона Григорьевича, безжалостно разрушался и погиб для истории. Надо как можно скорее национализировать, привести в порядок и установить на нем на первых порах хотя бы простую мемориальную доску. Такие же распоряжения Анатолий Васильевич сделал относительно помещения в селе Гарязи, где прошли детские годы М. Ю. Лермонтова.

Возвратившись в Чембар, Е. И. Барышев доложил о своей беседе с наркомом просвещения на заседании исполнительного комитета уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов. В соответствии с указаниями А. В. Луначарского дом Белинских, здание уездного училища, где учился Виссарион Григорьевич, и поместье в Гарязях были объявлены достоянием Советского государства. Несмотря на тяжелое положение со строительными материалами, здания были частично отремонтированы и взяты под охрану. Попытка открыть в них музеи из-за финансовых затруднений в то время не осуществилась.

Общественность Чембара вошла также с ходатайством о переименовании железнодорожной станции Вяземского, названной ранее в честь одного из приближенных царского двора, в станцию Белинская. Это ходатайство в конце 1918 года было удовлетворено.

С приближением семьдесят пятой годовщины со дня смерти Белинского по предложению А. В. Луначарского был создан юбилейный комитет. В него вошли представители Наркомпроса, Российской академии художественных наук, Общества любителей российской словесности, Главнауки. Члены комитета развернули активную деятельность по подготовке к изданию ряда сборников литературно-критических статей Белинского, а также обратили внимание литературоведов на создание научных исследований о жизни и творчестве революционного

---

[1] Ермил Иванович Барышев, член КПСС с 1907 г., в феврале 1918 г. по распоряжению В. И. Ленина был направлен из Петрограда на работу в Пензенскую губернию.

демократа на основе марксистской методологии. Такой подход к изучению наследия Белинского имел важное значение, так как в дореволюционной литературе часто искаженно освещались исторические, философские и социально-политические взгляды критика.

Большую помощь оказала литературоведам речь А. В. Луначарского на объединенном заседании Российской академии художественных наук и Общества любителей российской словесности совместно с членами юбилейного комитета. Оратор охарактеризовал Белинского как крупнейшего представителя лучшей интеллигенции, сыгравшего громадную роль в развитии революционно-демократической мысли и литературной критики. А поэтому в современных исторических условиях, подчеркивал Анатолий Васильевич, необходимо дать новую оценку Белинскому и определить его место «в истории русской культуры с точки зрения класса, являющегося носителем Октябрьской революции». А. В. Луначарский указывал, что такая колоссальная личность, как Белинский, «могла появиться только в исключительную эпоху социальной биографии народа». Те проблемные вопросы, которые решал революционный демократ на протяжении почти всей своей короткой сознательной жизни, не уходили в область фантазии и несбыточной мечты. Являясь глашатаем и выразителем мыслей, нужд и чувств народных масс, Белинский верил, что Россия быстрее разрешит противоречия между трудом и капиталом, чем Западная Европа».

Говоря о социальной сущности наследия критика, А. В. Луначарский обратил внимание на то, что нельзя считать его творчество изученным, ибо «вся русская общественная мысль есть продолжение тех практических вопросов, которые поставил Белинский еще в 40-х годах прошлого века».

В заключительной части речи Анатолий Васильевич свидетельствовал, что мечта страстного провозвестника свободы осуществлена Российской коммунистической партией. «В этом, — подчеркивал оратор, — нашли мы реальное разрешение проблемы Белинского», и все могущественнее вливается в намеченное им русло «большая и большая ширь народной силы. Мы находимся, — говорил А. В. Луначарский, — посредине полноводья этой реки, но у истоков ее все еще видна колоссальная фигура Белинского, с глазами, вперенными в туман. Он стоит

там, величественный пророк с орлиными очами, первый апостол нашего народного сознания»[1].

В течение 1923—1924 годов было издано почти два десятка названий книг со статьями Белинского о творчестве Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Крылова, Грибоедова, Кольцова, а также его политическое завещание — «Письмо к Гоголю».

Небольшие книжки, дешевые по цене, были рассчитаны на массового читателя. Они пробуждали интерес к творчеству не только Белинского, но и лучших поэтов, писателей его эпохи, раскрывали значение их произведений для жизни общества. Особая необходимость в таких сборниках объяснялась и тем, что с победой Октябрьской революции по инициативе В. И. Ленина Наркомпрос разработал учебные программы для школ, в которых наряду с Пушкиным, Гоголем, Лермонтовым законное место занял и Белинский.

С первых же лет Советской власти наследие Белинского становилось на службу народу. На его идеях воспитывались новые кадры научных работников в области литературы, искусства, росли молодые творческие силы.

Произведения Белинского, его тернистый жизненный путь все более привлекали внимание литературоведов, историков, философов. Еще в период гражданской войны, не имея часто теплого угла и достаточного освещения, внимательно просматривали страницу за страницей, том за томом, комплект за комплектом газеты, журналы, в которых сотрудничал критик, известные ныне ученые В. С. Спиридонов, Н. К. Никольов, Ю. Г. Оксман, Н. Ф. Бельчиков. Изучая особенности лексики и текстологии работ Белинского, его метод в построении своих рецензий, они выявили более ста анонимных статей и заметок, принадлежащих перу Виссариона Григорьевича.

На основе критического пересмотра литературы о Белинском, которая была издана в дореволюционный период, а также вновь найденных архивных документов в 1924 году вышло в свет ценное исследование — «Летопись жизни Белинского» под редакцией Н. К. Никольова. Авторы этого труда Н. Ф. Бельчиков, П. Е. Будков, Ю. Г. Оксман дали читателю богатый фактический материал, который включал свыше полутора тысяч дат и около четырехсот первоисточников.

---

[1] А. В. Луначарский. Указ. соч., с. 145, 148, 153.

Спустя пять лет М. К. Клеман подготовил сборник «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников». Эта книга не потеряла своей значимости до наших дней, так как в ней опубликован тематический и библиографический указатель воспоминаний, которого нет в двух позднейших, хотя и расширенных изданиях.

В последующие годы в научный оборот были введены другие ранее неизвестные материалы, относящиеся к биографии и творчеству великого критика. Например, в печати появилось подготовленное А. М. Путинцевым описание библиотеки Виссариона Григорьевича, купленной у его жены Тургеневым и находящейся в орловском музее писателя. В. Е. Евгеньев-Максимов приводил ценные сведения о последних годах деятельности великого критика в своей монографии «Современник» в 40—50 гг. От Белинского до Чернышевского». М. П. Молебов, основываясь на выявленных архивных документах, рассказал о дружбе юного Виссариона с крепостным Дмитрием Калининым во время обучения в Пензенской гимназии.

Небывало возрос интерес к наследию и личности революционного демократа в период подготовки и проведения стодвадцатипятилетия со дня его рождения.

Претворяя в жизнь постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 11 июня 1936 года «Об увековечении памяти В. Г. Белинского», во многих городах страны улицам, площадям, паркам, культурно-просветительным учреждениям и учебным заведениям было присвоено имя великого критика. Творческим работникам было поручено разработать проекты памятников Белинскому для установки их в Москве и Ленинграде[1].

13 июня в Колонном зале Дома Союзов состоялся вечер, посвященный памяти Виссариона Григорьевича. В организации торжества активное участие принимали Народный комиссариат просвещения, Академия наук СССР, Союз советских писателей. На вечере выступили с речами представители общественных и научных организаций, а также нарком просвещения А. С. Бубнов. Профессор П. К. Лушпол сделал доклад «Философские

[1] Работа по созданию монументов Белинского затянулась до 1941 г. Начавшаяся Великая Отечественная война не позволила осуществить решение правительства по установке памятников.

взгляды В. Г. Белинского». Тему «В. Г. Белинский как критик» осветил в своем докладе П. И. Лебедев-Полянский. После официальной части выступили ведущие артисты Московской филармонии, Большого академического театра, которые прочитали отрывки из статей и писем критика, исполнили ряд музыкальных произведений.

К юбилею Виссариона Григорьевича Пушкинский дом и Государственный литературный музей развернули в Москве и Ленинграде выставки. Многие экспонаты рассказывали о его детских и юношеских годах, работе в журналах «Телескоп», «Московский наблюдатель», «Отечественные записки», «Современник» и значении трудов гениального мыслителя для последующих поколений.

Итоги работы, проделанной по изучению жизни и творчества Белинского в советское время, а также проблемные вопросы, по которым должно идти дальнейшее исследование его наследия, были обсуждены 20—21 июня 1936 года на сессии институтов литературы и философии Всесоюзной Академии наук, в которой приняли участие видные ученые Москвы и Ленинграда. С докладами и сообщениями выступили профессора П. И. Лебедев-Полянский — «Жизнь и деятельность В. Г. Белинского», Н. К. Пиксанов — «Белинский как историк литературы», В. В. Гиппиус — «Белинский и Гоголь», В. М. Жирмунский — «Белинский и Гете», Л. Ф. Спокойный — «Эстетика Белинского» и другие. Перечень докладов говорит о том, какое огромное внимание проявилось со стороны ведущих научных центров к творчеству гениального публициста и философа-материалиста, с какой заботой и любовью поддерживало Советское правительство всякие мероприятия, связанные с именем Белинского.

Ярким примером в данном отношении является организация музея В. Г. Белинского в Чембаре. Этот поистине самый лучший и самый значительный памятник создавался по инициативе пензенской общественности, местных партийных и советских организаций, при непосредственной помощи Н. К. Крупской.

Еще в 1934 году президиум Средне-Волжского крайисполкома объявил село Тархань Лермонтовским заповедником. Были также приняты меры по ремонту и дальнейшему сохранению дома Белинских. В 1936 году, после опубликования постановления ЦИК Союза ССР «Об

увековечения памяти В. Г. Белинского, общественность Чембара обратилась с просьбой в Народный комиссариат просвещения об открытии в Чембарском районе музеев В. Г. Белинского и М. Ю. Лермонтова. Желание почтить великих представителей русской национальной культуры было удовлетворено. Надежда Константиновна Крупская позаботилась о том, чтобы представители Государственного литературного музея, правления Пушкинского общества и музейного отдела Наркомпроса детально изучили состояние мемориальных зданий и в согласовании с местными органами власти внесли предложения о конкретном плане, которым нужно было руководствоваться при организации музеев. Одновременно Н. К. Крупская просила президиум Куйбышевского краевого совета выделить необходимые денежные средства для содержания хранителя домов Белинского и Лермонтова.

Специальная комиссия осмотрела здания и нашла, что они отвечают назначению мемориальных сооружений, но требуют реставрации и ремонта. Комиссии оказал большую помощь А. И. Храмов — неутомимый краевед, страстный поклонник творчества Белинского и Лермонтова. Он помог уточнить некоторые факты истории дома Белинских и усадьбы Лермонтова. По рекомендации районных организаций А. И. Храмов был назначен директором этих исторических памятников.

Музейный отдел Наркомпроса оказал большую помощь не только в выделении денежных средств, но и в приобретении мебели и других предметов бытового комплекса для оформления мемориальных комнат в доме Белинских и усадьбе Лермонтова. Энергичную собирательскую работу провели А. И. Храмов и научный сотрудник А. В. Корнилов. В Чембарском районе у частных лиц было выявлено и приобретено несколько мемориальных вещей, которые принадлежали членам семьи Белинских. Среди них: туалетный столик Марии Ивановны Белынской — матери критика, шашечный столик, принадлежавший отцу — лекарю Г. Н. Белынскому, ломберный стол, кухонный буфет, три кресла, шкаф с гобеленом, комод. Кроме мебели были приобретены другие предметы домашнего обихода конца XVIII — начала XIX века, которые были у Белинских, но со временем затерялись. Постепенно восстанавливалась жилая обстановка дома уездного лекаря, где прошли детские и юно-

шеские годы Виссариона Григорьевича, создавалась экспозиция о жизни и творчестве Белинского.

В июне 1938 года, в сто двадцать седьмую годовщину со дня рождения критика, музей его имени был открыт. Более тысячи человек присутствовало на этом торжественном акте. В небольшой районный город Чембар прибыли представители из Москвы, Саратова, Куйбышева, Тамбова, делегации от промышленных предприятий и учебных заведений Пензы, ряда колхозов, совхозов близлежащих районов.

Многое для популяризации наследия великого критика было сделано в связи с девяностолетием со дня его смерти. В 1938 году в печати появились новые исследования о жизни и деятельности гениального мыслителя. П. П. Лебедев-Полянский подготовил монографию «Три великих русских демократа», где большое место занимал анализ наследия Белинского. М. Т. Новчук выступил со статьей «Философские и социально-политические взгляды В. Г. Белинского». Тему «Проблемы реализма в эстетике В. Г. Белинского» разрабатывал В. Р. Щербина. Несколько позже весьма интересные факты собрал и прокомментировал В. Н. Шульгин. В своей публикации «О знакомстве Белинского с работами Маркса и Энгельса» он подтвердил мысль А. М. Панкевича о том, что произведения основоположников научного коммунизма оказывали влияние на мировоззрение русского революционного демократа.

Значительным событием в белиноведении того времени явилась монография А. Лаврецкого «Белинский, Чернышевский и Добролюбов в борьбе за реализм». Она, по определению В. Н. Кулешова, как бы подытожила литературоведческое изучение наследия великого критика в предшествующие годы и послужила исходным пунктом дальнейшего исследования его творчества в послевоенный период[1].

Ряд интересных работ, посвященных великому русскому критику, вышел в Болгарии. Георги Бакалов в газете «Брот» поместил статью «Письмо Белинского к Гоголю». В ней автор говорил о влиянии этого выдающегося произведения на развитие революционных идей в славянских странах. М. Арнаудов опубликовал свое

---

[1] В. Н. Кулешов. Итоги и перспективы изучения Белинского. — В сб.: Белинский и современность. М., 1964, с. 201.

весьма капитальное по объему исследование, в котором раскрыта тема «Пушкин в оценке Белинского»[1]. В двух номерах газеты для учителей увидела свет публикация М. Шабалевой «Педагогические взгляды революционного демократа В. Г. Белинского». Многие авторы, в том числе Н. Цеков, М. Чолаков, В. Александров, К. Зидаров, А. Георгов, Д. Янакиев, в периодических изданиях поместили статьи, рассказывающие о жизни и творчестве Виссариона Григорьевича.

Но особое внимание болгарских читателей привлекли «Личные воспоминания о В. Г. Белинском и его жене», опубликованные в газете «Литературен глас» за 31 января 1940 года. Их автором являлся внук Белинского — Владимир Георгиевич Беленс.

Большую и интересную жизнь прожил один из потомков революционного демократа. Окончив факультет Парижского университета, В. Г. Беленс вместе с матерью Ольгой Виссарионовной и братом Евгением вернулся в Афины, где прошел путь от рядового врача до крупного ученого. Долгое время он заведовал кафедрой внутренних болезней Афинского университета, имея ученую степень доктора наук и звание профессора. Одновременно внук Белинского являлся членом-корреспондентом Медицинской академии Франции. Наряду с занятиями медициной ему приходилось выполнять большую и очень важную общественную работу в качестве постоянного члена греко-болгарского Общества. Он вел неустанную борьбу за сближение Греции со славянскими странами. Особенно его влекло к Советскому Союзу — родине деда, о котором В. Г. Беленс всегда вспоминал с волнением. «Судьбе было угодно, — писал Владимир Георгиевич в воспоминаниях, — чтобы я ее увидел тридцать лет спустя, в 1925 году, через два года после смерти Ленина. В этом году отмечалось двухсотлетие со дня учреждения Ленинградской Академии наук (т. е. Академии наук СССР. — *П. М.*).

Советское правительство уведомило все страны, которые поддерживали с ним дипломатические отношения, и пригласило принять участие в торжествах. Вследствие моих связей с Россией я был делегирован греческим правительством, это дало мне возможность увидеть Великую

[1] Ежегодник Софийского университета. Историко-филологический факультет, 1938, с. 1—49.

Россию — гордую, бережливую одну из самых волнующих периодов своей истории».

Во время пребывания в Советском Союзе В. Г. Белинский внимательно осматривал музеи, исторические места. Он побывал на Волковом кладбище, где отдал дань уважения могиле своего дела, посетил дорогое сердцу Новгородское Поозерье. В Советском Союзе оказали на него неизгладимое впечатление. О нем он помнил всю жизнь и постоянно радовался росту и могуществу страны, где ему приходилось почти каждое лето гостить в годы детства, отрочества и юности. Спустя полвека десятки лет после ее посещения внук Белинского подчеркивал: «Россия — великая страна, чье будущее мне представляется грандиозным и прекрасным. И для счастья всех и равновесия в мире нужна великая Россия, великая не по своим географическим границам, но и по духовным и моральным достижениям. И она этого, несомненно, достигнет».

В своих мемуарах Владимир Георгиевич с теплотой вспоминал рассказы Марии Васильевны о муже, его общении и тех условиях, в которых ему приходилось творить. С любовью обрисовывал В. Г. Белинский бабушку, ее незаурядную натуру, писал о том, как она учила их, родившихся вдали от России, русскому языку, прививала любовь к русской литературе, заставляла на память читать стихи Лермонтова, басни Крылова, пересказывать произведения Тургенева, позволяла быть простых детей.

И неудивительно, что публикации В. Г. Белинского вызвали много писем, просьб поделиться дополнительными сведениями о своем знаменитом дедушке и его родине. Если учесть, что это происходило в условиях уже начавшейся второй мировой войны, то будет вполне понятно, какое огромное значение наряду с другими материалами, посвященными Белинскому, имели мемуары его внука для болгарских читателей.

Революционизирующая сила идей Белинского в тридцатые годы оказывала благотворное влияние и развитие прогрессивной литературы и искусства других стран. Например, несмотря на жестокие правительственные репрессии, широкое распространение произведений великого русского демократа получили в Литве.

Л. Гира-Ранцикаускас называл Белинского «отцом русской критики», «титаном мысли». Народный поэт Литвы восхищался глубиной ума Виссариона Григорье-

вида, его принципиальностью и гражданским мужеством в борьбе с реакцией, за воплощение в жизнь лучших идеалов человечества.

«Давая в своих критических статьях решительную отповедь господствовавшей на месте литовской антинародной литературе, — пишет К. Амбрасас, — Л. Гира опирался на мысли Белинского. Едко высмеивая тщетные потуги буржуазии создать «национальных» литературных кумиров, верных прислужников эксплуататоров, Людас Константинович ставил в пример Белинского, который в свое время бесстрашно боялся за развенчивание ходульных талантов и гениев во имя здоровых эстетических взглядов.

Особенно дороги были бессмертные творения великого демократа для молодых литовских поэтов, писателей, публицистов — страстных пропагандистов и созидателей критического реализма. Белинский их увлекал прежде всего своим революционным духом. Это нацеливало прогрессивную творческую интеллигенцию на борьбу против буржуазного режима. Произведениями Виссариона Григорьевича занимались К. Корсакас, С. Нерис и другие. А. Венцлова, указывает К. Амбрасас, в своих беседах с И. Швяркой не раз возвращался к письму Белинского к Гоголю, которое выпающиеся литовские писатели очень ценили за остроту и актуальность поднятых в нем вопросов, считая гениального мыслителя одним из создателей традиций русского реализма [1].

В 1934 году в Загребе вышла книга А. Радича «О русской литературе». Свыше двадцати страниц в ней автор отвел разбору творчества Белинского. Через три года в Белграде на сербском языке А. Нелапут издал свое исследование «Русская творческая мысль и литературная критика XIX века», в котором многие страницы были отведены Виссариону Григорьевичу. Ряд статей, посвященных его деятельности, появился в журналах, хрестоматиях Польши, Чехословакии и других стран.

Учитывая возросший уровень изучения наследия революционного демократа, а также проведенную работу по выявлению и сбору мемориальных предметов, относящихся к его жизни, Наркомпрос в 1940 году поручил группе научных сотрудников подготовить для музея

---

[1] К. Амбрасас. В. Г. Белинский и литовская литература. — «Советская Литва», 1961, 13 июня.

В. Г. Белинского новую экспозицию. В начале 1941 года был составлен тематико-графический план. Однако Великая Отечественная война не позволила продолжить начатые работы.

Но имя Белинского не было забыто и в то грозное время. 7 ноября 1941 года, в день XXIV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, когда звериные полчища фашистских захватчиков были у стен Москвы, газета «Правда» писала, что «эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова». Патриотические высказывания Белинского о судьбах русского государства, о великом назначении России, о талантливом русском народе вошли в отдельные брошюры библиотечки «Красноармейца» и в массовую серию «Писатели-патриоты великой родины». Они помогали политработникам Советской Армии понимать дух бойцов, вселять в них ненависть к врагу, совершать беспримерные героические подвиги во имя матери-отчизны.

Не только брошюры, но и десятки тысяч плакатов, листовок со словами Белинского призывали к мужеству и стойкости, к твердой вере в победу. Его пророческие мысли о том, что «дух народа, как и дух частного человека, выказывается вполне только в критические минуты, по которым одним можно безошибочно судить не только о его силе, но и о молодости и свежести его сил»[1], как бы сливались с оценкой вклада трудящихся нашей Родины со стороны всего прогрессивного человечества.

Многие армейские газеты использовали высказывания великого патриота, направленные против трусости и изменников своему отечеству. Белинский указывал, что человек, для которого где хорошо, там и родина, есть существо безнравственное и бездушное, недостойное называться священным именем человека. Видя подобных людей, критик писал: «Предатель своей родины есть злодей, при виде которого содрогается человеческое сердце, от которого с омерзением отвращается человече-

[1] В. Г. Белинский. Указ. соч., т. III, с. 346

ство и который... скитается по земле, подобно Каину, с печатью проклятия на челе и ненавистью к собственному существованию!»[1]

На временно оккупированной территории, свидетельствует в цитированной выше статье К. Амбрасас, гитлеровские «культуртрегеры» боялись распространения трудов Белинского, накладывали вето на его книги, уничтожали их. Но, несмотря на все запреты и опасности, многие литовские юноши и девушки изучали русский язык и украдкой читали Белинского, черпая у него основы материалистической эстетики. По сохранившимся рассказам, некоторые работники библиотеки Вильнюсского университета втайне выдавали сочинения великого критика. Прогрессивные студенты пропагандировали его идеи, вели острую полемику в литературном кружке, где в тот период преобладал дух так называемого «чистого искусства».

М. И. Калинин в январе 1945 года, говоря о высоких моральных качествах советских людей, подчеркивал ту огромную воспитательную силу идей Белинского, которые близки и по времени и по своему содержанию нашей эпохе, которые оказывают благотворное воздействие на мировоззрение трудящихся нашей страны. В связи с этим Михаил Иванович дал высокую оценку всей деятельности революционных демократов и их заслуг перед русским обществом. «Вряд ли кто-либо еще в истории русской литературы и публицистики, — писал он, — так властвовал над умами людей и столь действенно поднимал их гражданское самосознание, толкая на борьбу с самодержавием, за демократическую революцию, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов»[2].

С оружием в руках боролись с фашистской нечистью потомки Виссариона Григорьевича. Тяжелые испытания выпали на долю его правнука Александра Владимировича Бенсиса, родившегося в 1908 году. С начала второй мировой войны он ушел добровольцем во французскую армию. Мужественный воин, не щадя своей жизни, смело сражался с гитлеровскими захватчиками, но с капитуляцией предательского правительства Франции попал в плен. Три года находился в концлагере Маутхаузен,

---

[1] В. Г. Белинский. Указ. соч., т. III, с. 332

[2] М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. М., «Молодая гвардия», 1947, с. 220

переносил жестокие пытки, чудом остался жив, но вышел оттуда инвалидом. За стойкость и мужество, проявленные в боях с врагом, А. В. Бенеш награжден орденами и медалями. В настоящее время он полковник в отставке и постоянно проживает во Франции.

Возводил фортификационные сооружения в знаменитой Брестской крепости, а осенью 1941 года под Москвой Иван Осипович Белинский. Родился он в 1870 году в семье подпоручика Лифляндского полка Осипа Васильевича Белинского — родственника великого русского критика и революционного демократа. Боевые заслуги ветерана Вооруженных Сил СССР отмечены орденами Ленина, Красного Знамени и многими медалями. А недавно, в связи со столетием со дня рождения, генерал-майор-инженер в отставке И. О. Белинский был награжден орденом Трудового Красного Знамени [1].

В послевоенный период, когда встала необходимость повести непримиримую борьбу с космополитизмом и другой пошлостью, которая проникла в нашу литературу и искусство, Центральный Комитет Коммунистической партии напомнил о Белинском как прекрасном примере служения русской национальной культуре. В докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» А. А. Жданов указывал, что ошибки, которые стали возможны в творческой деятельности ряда писателей, не случайное явление, и объясняются они тем, что некоторые руководители идеологического фронта забыли положения ленинизма о литературе, воплотившие в себя прекрасные традиции русских революционных демократов XIX века в лице Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина.

Творчество Белинского апробировано самой жизнью. Шли годы, а его великое наследие все больше привлекало внимание, все больше завоевывало симпатии миллионов людей. Свидетельством этому столетний юбилей со дня смерти гениального мыслителя. Советское правительство приняло специальные постановления от 10 декабря 1947 года «О 100-летии со дня смерти В. Г. Белинского» и от 7 мая 1948 года «О мероприятиях по увековечению памяти В. Г. Белинского».

Для более организованной подготовки и проведения

---

[1] Д. Королев. И вот век позади... — «Правда», 1976, 26 сентября.

замечательной даты Совет Министров Союза ССР учредил Всесоюзный комитет под председательством выдающегося советского писателя А. А. Фадеева. Юбилейные комитеты по чествованию памяти критика были созданы во всех союзных республиках, во многих краях и областях страны. Была проведена большая работа по организации в колхозах, совхозах, на предприятиях, в учебных заведениях и культурно-просветительных учреждениях лекторов, литературных вечеров, лекций и докладов, посвященных жизни и творчеству Белинского. Печать и радио систематически информировали о ходе подготовки к юбилею.

7 июня 1948 года в Москве, в Большом театре Союза ССР, Всесоюзный юбилейный комитет провел торжественное заседание, посвященное памяти В. Г. Белинского. В зале собрались видные ученые, писатели, рабочие и служащие московских предприятий, представители братских республик. Открыл заседание краткой вступительной речью академик В. П. Волгин, который указал, что советский народ имеет все основания с чувством любви и национальной гордости вспомнить о «неистовом Виссарионе», как о нашем современнике, близком от нас по времени, но близком по своему революционному духу. С докладом «Белинский и наша современность» выступил генеральный секретарь Союза советских писателей СССР А. А. Фадеев. Можно не сомневаться, подчеркивал Александр Александрович, что великие творения Белинского, в которые он вложил столько душевной силы и крови сердца, любви к родине и своему народу, будут жить и при коммунизме.

Торжественные заседания, посвященные памяти Белинского, прошли также во всех республиках, краевых и областных центрах страны. В Москве, Ленинграде, Киеве, Пензе были развернуты большие выставки о жизни и творчестве критика.

Государственное издательство художественной литературы организовало показ рисунков пензенского графика Б. П. Лебедева, в которых он запечатлел образ Белинского. Всего на выставке экспонировалось шестьдесят четыре листа, и каждый из них раскрывал тот или иной период жизни Виссариона Григорьевича.

На выставке побывали тысячи людей. О своих впечатлениях многие оставили записи в книге отзывов. «Попав на выставку рисунков художника Лебедева, — писал

профессор В. А. Фаворский, — поражен громадностью труда. Для того, чтобы выполнить это, нужна была большая любовь к теме и вера в то, что это нужно.

К столетнему юбилею со дня смерти критика Ленинградская киностудия подготовила художественный фильм «Белинский», а Московская студия — документальный киноочерк «Виссарион Белинский».

В дни юбилейных торжеств во многих городах страны была увековечена память великого сына русского народа. На основе Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 мая 1948 года Чембар стал именоваться городом Белинский. Имя великого критика было присвоено Невельскому и Николаевскому педагогическим институтам, Чембарскому педагогическому училищу, средней школе в столице Армении, библиотекам в Ленинграде, Баку, Новосибирске, Якутске, Ростове-на-Дону, Калуге, Харькове, Горьком и ряде других городов. Почти в каждом областном или республиканском центре сейчас имеются таблички с указанием «улица Белинского».

Мемориальные доски были открыты в Ленинграде, на доме № 68-40 по Невскому проспекту, где жил Белинский с ноября 1842 года по апрель 1846 года; в селе Премухине Каменского района Калининской области на здании средней школы, сохранившемся от поместья Бакуниных, у которых Виссарион Григорьевич отдыхал в августе — сентябре 1836 года и останавливался на несколько дней в июле 1838 года и в июне 1843 года. В главном корпусе Московского университета имени М. В. Ломоносова наряду с мемориальной доской был установлен бюст В. Г. Белинского.

При огромном стечении почитателей Виссариона Григорьевича 13 июня на Московской улице в сквере против областного драмтеатра имени А. В. Луначарского общественность Пензы заложила камень под памятник В. Г. Белинского. На этом торжестве присутствовали А. А. Фадеев, П. И. Замойский, Ф. В. Гладков, И. Г. Эренбург, И. Л. Андроников, И. И. Вершинин, А. А. Жаров, члены Академии наук СССР В. В. Виноградов, М. П. Алексеев и другие писатели, поэты, общественные деятели, приезжавшие на юбилейные празднества в города Пензу и Белинский.

Монументальную фигуру великого критика взялся исполнить выдающийся советский скульптор Е. В. Ву-

четич. В течение двух лет он разработал множество вариантов, чтобы найти образ пламенного трибуна, человека с железной душой, обладающего сильной волей, глубоко верящего в правоту своих идей.

Кропотливый труд увенчался успехом. Гипсовая фигура высотой в пять метров была создана. С нее в Ленинграде отлили из бронзы монумент. В Пензу привезли серый украинский гранит для пьедестала. Художественное оформление выполнил лауреат Государственной премии архитектор Л. М. Поляков. 10 июня 1951 года в торжественной обстановке памятник В. Г. Белинскому был открыт.

Делегация Союза советских писателей посетила Государственный музей В. Г. Белинского. По ходатайству областных организаций Советское правительство отнесло этот замечательный памятник к музеям республиканского значения и наметило мероприятия по его расширению. Наряду с домиком Белинских музей занял здание бывшего уездного училища, в котором учился Виссарион Григорьевич с 1822 по 1825 год. В связи с этим произошли изменения и в содержании экспозиции.

Домик Белинских был переоборудован в мемориально-бытовой комплекс. В нем восстановили прежнюю планировку комнат, обставили их мебелью и другими предметами домашнего обихода, о которых упоминается в семейной переписке Белинских, а также в воспоминаниях современников критика, бывавших у штаб-лекаря.

В здании уездного училища была развернута музейная экспозиция о жизни и творчестве В. Г. Белинского, которую разработал коллектив сотрудников Государственного литературного музея под руководством искусствоведа Н. П. Пахомова.

В связи с памятной годовщиной особое внимание уделялось изданию сочинений великого критика. Данные Всесоюзной книжной палаты свидетельствуют о том, что если до 1948 года весь тираж книг Белинского едва превышал полтора миллиона экземпляров, то в юбилейном году только Государственное издательство художественной литературы выпустило миллион семьсот тысяч книг революционного демократа и исследований о нем. Впервые за всю историю распространения литературного наследия Белинского многие его произведения были переведены на языки народов СССР. Так, на азербайджанском языке в 1948 году вышло три сборника избранных

статей Белинского, на армянском — два сборника и «Письмо к Гоголю», на грузинском — «Письмо к Гоголю» и избранные философские сочинения, на казахском, башкирском, киргизском, литовском, татарском, туркменском, узбекском, латышском, эстонском, удмуртском языках — сборники, на украинском — «Письмо к Гоголю», избранные философские сочинения в двух томах и однотомник статей.

Большое количество архивных документов, писем и других материалов о великом критике и его окружении было опубликовано в пятьдесят пятом — пятьдесят седьмом томах «Литературного наследства», вышедших в 1948—1951 годах под редакцией А. М. Еголина, И. С. Зильберштейна и С. А. Макашина. Это издание сразу же получило высокую оценку в печати, и без него практически теперь не могут обходиться не только белинисковеды, но и многие другие исследователи, занимающиеся изучением истории литературы тридцатых — шестидесятых годов прошлого века.

Ряд новых сведений о жизни Виссариона Григорьевича приводился в книгах «Белинский и его корреспонденты», В. Г. Белинский. Сборник статей и документов к биографии великого критика», выпущенных первая в Москве, а вторая — в Пензе под редакцией профессора Н. Л. Бродского.

Но исключительно важным событием в культурной жизни страны явилось академическое издание Полного собрания сочинений В. Г. Белинского, которое началось по постановлению Совета Министров СССР от 10 декабря 1947 года. Редакционная коллегия под руководством известного литературоведа И. Ф. Бельчикова осуществила сверку всех известных и вновь выявленных произведений великого критика с первыми публикациями и с сохранившимися рукописями Виссариона Григорьевича. Большую работу в этом направлении провели члены редколлегии Л. Д. Благой, А. Г. Дементьев, В. А. Десницкий, В. С. Нечаева, И. К. Никеашов, В. С. Спиридонов, Б. В. Томашевский, заместитель главного редактора Б. И. Бурсов, контрольный рецензент Ф. Я. Прийма, а также комментаторы текстов В. Г. Березина, Е. И. Кийко, Л. И. Назарова и другие. В результате с 1953 по 1959 год вышли в свет тринадцать томов.

Этим как бы подводился итог столетней борьбы за

наиболее точное воспроизведение трудов Белинского. Несмотря на некоторые упущения и спорные вопросы относительно тех или иных публикаций и пояснительных текстов к ним, в целом академическое издание Полного собрания сочинений великого критика знаменовало собой огромное достижение советского белинсковедения[1].

В еще более широких масштабах наследие великого критика стало популяризироваться в послеюбилейный период. Различные издательства неоднократно выпускали в свет литературно-критические статьи Виссариона Григорьевича о Пушкине, Гоголе, Лермонтове, Грибоедове, Кольцове, Крылове, а также его сборники и однотомники избранных произведений.

Особенно плодотворную деятельность, направленную на более глубокое изучение жизни и творчества гениального мыслителя и революционного демократа, развернули многие белинсковеды. Здесь трудно не только прокомментировать, но даже назвать все исследования, вышедшие после 1948 года. Поэтому для иллюстрации проделанной работы приведем лишь некоторые из них. Так, В. С. Нечаева подготовила научно обоснованную биографию в четырех томах. М. Я. Поляков издал книги «Белинский в Московском университете» и «Виссарион Белинский. Личность — идеи — эпоха». Тепло встречен научной общественностью многолетний труд Ю. Г. Оксмана «Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского». На широком литературоведческом материале написаны книги В. И. Кулешова «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века», а несколько позже обстоятельная монография «Натуральная школа». Достойный вклад в разработку историко-литературных и философских взглядов Виссариона Григорьевича внесли Н. Г. Пехтелев — «Белинский как историк литературы», Н. И. Мордовченко — «Белинский и русская литература его времени», А. Лаврецкий — «Эстетика Белинского», Н. А. Гуляев — «Учение В. Г. Белинского о художественном методе», «Некоторые вопросы теории искусства в сочинениях В. Г. Белинского», «В. Г. Белинский и зарубежная эстетика его времени», В. Е. Иллерицкий — «Исторические взгляды В. Г. Белинского», А. Л. Хайкин — «Этика Белинского». Для студентов С. И. Машинский составил «Семинарий по Белинскому».

[1] См. В. И. Кулешов. Итоги и перспективы изучения Белинского. — Сб. «Белинский и современность», с. 204—216

Впервые за всю историю к наследию великого русского критика обратились ученые братских народов. В Минске вышла в свет монография В. И. Степанова «Философские и социологические взгляды В. Г. Белинского». В Армении обширное исследование «В. Г. Белинский — великий русский критик-публицист» подготовил академик А. Тертерян. В. Терзибатян обратился к теме «Белинский и армянский театральный реализм 60-х годов». А. Воскерчян выпустил книгу «Жизненный путь Белинского», а профессор Р. Оганнисян — «Жизнь и критическая деятельность В. Г. Белинского». В Азербайджане были изданы монография А. Мир-Ахмамедова «В. Белинский и А. Островский» и работа М. Арифа «Виссарион Григорьевич Белинский». Известный грузинский филолог и литературовед В. Шадури подготовил исследование «Виссарион Белинский». На украинском языке вышли работы П. П. Басса «В. Г. Белинский и украинская литература 30—40-х годов XIX века», Г. С. Костюка — «Психологические взгляды В. Г. Белинского», П. Пильчука — «Великие русские революционеры-демократы и украинская литература».

Яркое представление об активности изучения жизни и творчества великого критика дают защищенные диссертации. Судя по данным Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, до 1948 года получили звание кандидатов наук лишь семь человек. Причем П. А. Соколов представил к защите тему «Надежин и Белинский» в 1928 году, В. Г. Лис обратился к проблеме «В. Г. Белинский — основоположник истории русской литературы» в 1944 году.

С 1948 по 1961 год в нашей стране выдержали защиту по Белинскому пятьдесят шесть человек, в том числе В. Г. Баскаков, П. Г. Пехтелев, В. С. Нечаева, П. А. Гулыев, В. И. Кулешов, М. Я. Поляков получили звания докторов наук.

Редкие документы, введенные в научный оборот, многочисленные издания, богатые фактографические данные, выявленные в ходе исследования жизни и творчества великого критика, послужили той базой, на которой создавался новый экспозиционный комплекс Государственного музея В. Г. Белинского в период подготовки к столетию со дня рождения революционного демократа. В этом благородном деле приняли участие многие общественные и творческие организации Москвы, Ленин-

града, Пензы, Саратова, а также ряд почитателей памяти Виссариона Григорьевича. В результате фонды музея значительно пополнились ценными реликвиями. Так, Саратовский музей А. Н. Радищева передал карандаш, принадлежавший Белинскому, его посмертную маску, снятую 26 мая 1848 года художником-скульптором Гринманом. Орловский музей И. С. Тургенева прислал одиннадцать книг из личной библиотеки великого критика. На некоторых из них имеются автографы, карандашные пометки, подчеркивания, сделанные рукой Виссариона Григорьевича.

Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина передала в дар музею свыше пятисот томов редких книг, журналов, комплектов газет конца XVIII века и первой половины прошлого столетия. Среди них журналы «Покоящийся трудолюбец», издававшийся Н. И. Новиковым, «Телескоп», «Отечественные записки», «Современник» со статьями критика, а также «Москвитянин», «Маяк», «Библиотека для чтения», с которыми он вел непримиримую полемику и клеймил их как верноподданнические и продажные издания. Большой интерес представляют сочинения Бюффона, Вольтера, Державина, Жуковского, Карамзина, Нарежного, Гацита. С ними Белинский был знаком еще в юношеские годы и впоследствии посвятил им ряд рецензий.

В знак любви и уважения к имени Белинского передали музею свои работы лауреаты Государственной премии — народный художник СССР Н. С. Томский, скульптор П. Ф. Мовчун. Известный коллекционер, заслуженный деятель наук, профессор И. М. Саркизов-Серазини переслал в музей большое количество литературных сборников с первыми публикациями произведений А. С. Пушкина, И. А. Крылова, Н. А. Некрасова, А. И. Полежаева, Е. А. Баратынского, А. А. Бестужева-Марлинского, Ф. Н. Глинки и других поэтов, писателей, а также комплект «Полярной звезды», издававшейся Герценом и Огаревым в Лондоне.

По заказу музея великого критика художники Пензы создали ряд интересных работ из цикла «Белинский в жизни». В эту серию вошли рисунки «Белинский в споре с семинаристами» и «Белинский в Пензенском театре» художника Б. И. Лебедева, «Приезд Белинских в Чембар» и «Белинский читает драму «Дмитрий Калинин» графиков Н. Сидорова и А. Король. Живописец А. В. Се-

берии написал картины «Больные на приеме в доме Белинских» и «Белинский читает Герцену письмо к Гоголю».

Большой творческой удачей можно считать монументальную скульптуру «Белинский-гимназист», установленную на городской площади недалеко от музея. Он держит в правой руке полураскрытую книгу. Часть страниц прочитана. Возникли какие-то новые вопросы, на которые надо найти ответ. Глаза юноши полны решимости, вся его фигура, устремленная вперед, свидетельствует, что путь в будущее определен. В Москву, на широкий простор, где растут новые силы, и в этих рядах можно найти свое место. В простой композиции скульптор Г. И. Малов сумел передать внутренний мир юного Белинского, его стойкость и непримиримость в борьбе с невзгодами жизни.

Куйбышевская киностудия документальных фильмов и кинохроники выпустила к знаменательной дате цветной киноочерк «Здесь жил Белинский». Режиссеру-постановщику В. А. Плотникову и сценаристу А. С. Васильеву удалось показать ту атмосферу, в которой формировалось мировоззрение будущего гениального мыслителя и революционного демократа.

Торжества, посвященные столетию со дня рождения великого сына России, начались в городе, где прошли годы его детства и юности. Здесь 10 июня состоялось торжественное заседание, а на следующий день — многотысячный митинг. Перед собравшимися на городском стадионе выступили доктор филологических наук, профессор Московского университета имени М. В. Ломоносова, известный белинсковед В. И. Кулешов, профессор Куйбышевского педагогического института Я. А. Ротковин, представитель Всероссийского театрального общества доктор искусствоведческих наук Ю. А. Дмитриев, крупнейший советский писатель Б. Н. Полевой. Участников митинга тепло приветствовали представители колхоза «Родина Белинского», педагогического училища имени В. Г. Белинского, учащиеся средней школы имени В. Г. Белинского, партийно-советские работники.

Гости и свыше двух тысяч экскурсантов, прибывших из разных городов и областей страны, осмотрели новую экспозицию, разработанную сотрудниками музея совместно с Государственным литературным музеем горо-

ла Москвы. На стендах и в витринах были представлены архивные документы, многочисленные книги, гравюры, картины и другие изобразительные материалы, раскрывавшие неустанную литературно-критическую и общественно-политическую деятельность Виссариона Григорьевича, а также идейную борьбу за его наследие.

12 июня чествование памяти великого земляка прошло в Пензе. В празднично убранном зале областного драмтеатра имени А. В. Луначарского собрались рабочие, партийные, советские работники, преподаватели высших и средних учебных заведений, студенты, служащие. С докладом «Белинский — гениальный мыслитель и революционный демократ» выступил ректор педагогического института кандидат философских наук В. П. Милосердов. Затем приветственные речи произнесли В. П. Куленов, Ю. А. Дмитриев, Б. П. Полевой и другие представители творческих союзов и общественных организаций.

В Москве торжественное заседание, посвященное столетию со дня рождения Виссариона Григорьевича, прошло 13 июня в Государственном академическом Большом театре СССР. Его открыл вступительным словом председатель Всесоюзного юбилейного комитета известный советский поэт А. А. Сурков. Присутствовавшие в зале тепло встретили старейшего литературоведа, лауреата Государственной премии профессора Д. Д. Благого, который рассказал о величии гения Белинского, значении его творчества для последующих поколений.

Торжественные заседания, научные сессии по случаю знаменательного юбилея великого критика, публициста и революционного демократа состоялись во всех союзных республиках, Ленинграде, Свердловске, Томске, Хабаровске, Саратове, Казани. Широко отметили эту памятную дату в Болгарии, Чехословакии, Польше, Югославии, Корейской Народно-Демократической Республике и других странах.

Например, тема «Белинский и современность» отчетливо прозвучала в докладах и сообщениях на объединенной научной сессии отделений экономических, философских и правовых наук, литературы и языка, исторических наук Академии наук СССР. Гениальный мыслитель предвидел, как далеко шагнет Россия, став демократической страной. Об этом напомнил в своем вступительном слове при открытии сессии вице-президент Академии

наук СССР академик К. В. Островитянов. Понятие пророческих, сказал он, звучат для нас слова Белинского: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году — стоящею во главе образованного мира, дающею законы и науке и искусству и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества...».

Передовые идеи Белинского, подчеркивал оратор, помогают нашей современной борьбе против империализма, колониального рабства и крепостничества, за мир и социализм.

Как отметил в своем докладе член-корреспондент Академии наук СССР М. Т. Новчук, провозглашенные великим критиком высокие принципы реализма, идейности и народности в искусстве и литературе, его призыв к сближению искусства с жизнью, действительностью созвучны с партийными принципами современного советского искусства. Далее докладчик говорил о том, что художественно-критическое наследие Белинского не оставляет равнодушными как его друзей, так и идейных противников. Словно с «живым врагом», указывал он, воюют с Белинским реакционные литературоведы буржуазных стран Европы и Америки. Но это, сказал в заключение М. Т. Новчук, нисколько не может умалить гениальность русского провозвестника свободы и выдающегося гуманиста в представлении всего прогрессивного человечества.

На научной сессии были с большим интересом выслушаны и другие доклады, в которых освещались отдельные проблемы мировоззрения и творчества Белинского.

Стремление увековечить имя великого русского критика возникло у почитателей его наследия в Польше. В течение ряда лет один из ревнителей памяти гениального мыслителя А. Шиперский занимался историей Зальцбруннна, который перешел к Польской Народной Республике и стал называться Щавно-Здруй. Краеведу удалось найти дом, в котором почти полтора месяца жил Виссарион Григорьевич во время лечения в 1847 году и где родился документ, названный В. И. Лениным «итогом» деятельности Белинского.

Польская общественность, Союз польских писателей, руководство города и курорта, партийные организации решили отметить исторический дом мемориальной доской. Присутствовавшая на этом торжестве В. С. Нечае-

ная доска. Яркое солнечное июльское утро 1965 года. Блестят медные трубы оркестра горняков шахты имени Мориса Тореза, пришедших на празднование в народных шахтерских костюмах. Перед домом на высоких флагштоках алеют польский и советский стяги... полукругом расположились делегации трудящихся, молодежи, школьников, толпы жителей Щавно и соседнего районного города Валбжиха.

Профессор Вроцлавского университета Мариан Якубец снимает полотно, закрывавшее мраморную доску, и перед нами польская надпись, которую с душевным волнением прочтет каждый гражданин Советского Союза: «В этом доме жил в 1847 году Виссарион Белинский, русский философ, мыслитель, общественный деятель и литературный критик, ведущий представитель революционных демократов первой половины XIX века. Здесь он написал известное «Письмо к Гоголю».

Оркестр исполнил «Интернационал», делегации горняков и школьники покрыли цветами площадку перед доской.

Во времена Белинского не было тех прекрасных благоустроенных санаториев и лечебниц, какими сейчас может похвастаться Щавноздруй, но природа его и тогда пленяла посетителей, как и исторические древности, которыми любовался Белинский. Но мне крепче запомнились и связались в памяти с днями, проведенными в Щавно, два места, запечатлевшие совсем разные эпохи. Одно — шесть жалких деревянных хат, прижатых друг к другу, как карточные домики, превращенные ныне в музей. Это жилища ткачей, восстание которых потрясло Европу за три года до приезда сюда Белинского. Глядя на них и вспоминая историю разгрома силезских ткачей, точно слышишь слова Белинского из его письма к Боткину: «Только здесь я понял ужасное значение слов «пауперизм и пролетариат...»

Другое незабываемое впечатление произвело кладбище советских воинов на пути из Вроцлава в Щавноздруй. Тысячи надгробий с советскими именами, с датами рождения 1920—1925 и гибели 1944—1945. Это многие из тех «внуков и правнуков», к которым обращался Белинский и которые отдали свою жизнь за освобождение своего Советского Отечества и народов Европы»[1].

[1] В. Нечаева. Здесь написано «Письмо к Гоголю». — «Известия», 1965, 12 августа

Ежегодно десятки тысяч экскурсантов посещают памятные места, связанные с жизнью и деятельностью Виссариона Григорьевича. Их волнует общение с этим Человеком. Побывавшие на чембарской земле широко известные советские писатели Г. Марков, С. Сартаков и депутат Верховного Совета Союза ССР С. М. Бутузов записали в книге отзывов: «Неизгладимые впечатления оставляет ознакомление с музеем В. Г. Белинского, глубокое волнение охватывает от соприкосновения с воздухом этих исторических мест. Сердечное спасибо всем людям, которые берегут память о великом человеке, страстно пропагандируют замечательное наследие гениального мыслителя. Хочется отметить особо вдохновенную, по-настоящему талантливую скульптуру Г. И. Малова, достойную широкого распространения».

Студенты Пензенского педагогического института, ознакомившись с музеем, оставили такую запись: «Как хорошо принадлежать к тому поколению внуков и правнуков, которым, провидя сквозь толщу века, завидовал «неистовый Виссарион». Как был бы счастлив этот великий человеколюбец, если бы сегодня он мог увидеть родные пензенские края, преображенные годами Советской власти».

«Мы, молодые советские люди из разных уголков нашей страны, — пишет группа воинов, приезжавших на уборку хлебов, — с большим интересом ознакомились с материалами и экспонатами дома-музея В. Г. Белинского. Жизнь этого великого русского человека всегда будет для нас живым примером беззаветного служения высокому гражданскому долгу, народу, Родине».

Глубокий след оставляет в сознании посещение города детства и юности В. Г. Белинского, — делятся своими впечатлениями туристы из Саратова. — Оно рождает большие мысли о нашей Отчизне, о могучем и богатом талантами народе, о мудрости великой ленинской партии».

Принося дань уважения выдающемуся сыну русского народа, посетители Государственного музея-усадьбы В. Г. Белинского с благоговением осматривают каждый предмет, связанный с его именем. Их мысли обращаются к прошлому, к тем временам, когда могучая Русь стонала под гнетом крепостного рабства. «Как много дум и воспоминаний наводит посещение музея, — пишут в книге отзывов банковские работники города

Пензы. — В далекое прошлое ушло страшное былое нашей Родины. Как яркие звезды средь темной ночи блистали такие имена, как Белинский и другие. Мы поражаемся их мужеству и стойкости говорить правду и бороться за право и счастье простого человека».

«Ты велик, могуч, гениален, — пишут сотрудники Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. — Мы гордимся тобой, наш учитель, друг, истинно русский человек

Высокая нравственность, человечность и преданность народным массам и своей матери-Отчизне — таков облик Белинского. Поэтому не удивительно, что его светлый идеал является прекрасным примером для последующих поколений, в силу таланта и гения которых он так страстно верил

Потомки не забывают и никогда не забудут имя великого искателя истины. И как бы пышно ни развивалась культура, каких бы вершин ни достиг ум человечества, наследие В. Г. Белинского будет жить в веках.

СОДЕРЖАНИЕ

3
Предисловие

7
Страшное время

31
Возрожденные идеи

66
Стезею Белинского

108
Пятьдесят лет спустя

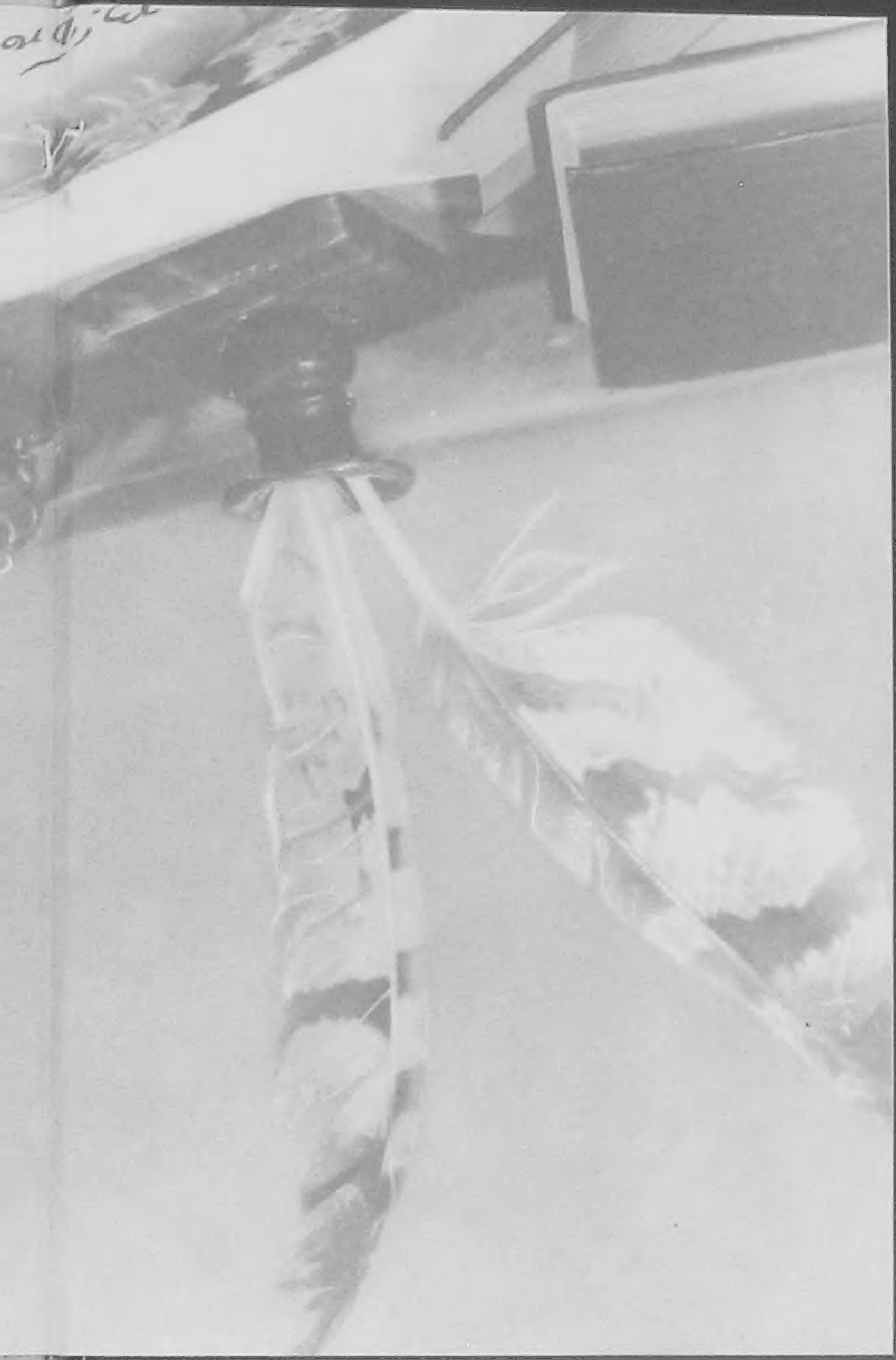
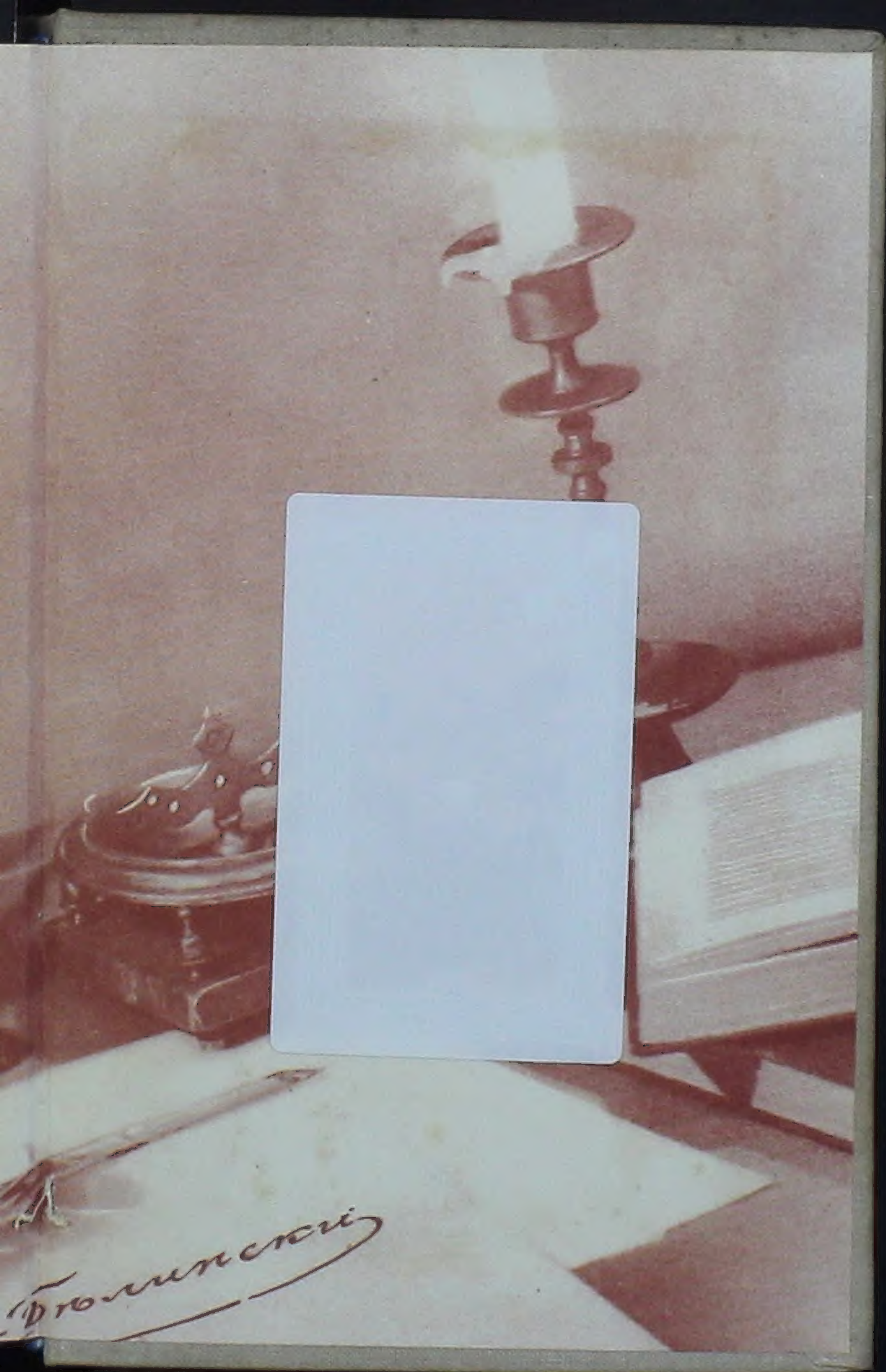
132
В памяти народной

159
Великое имя

Петр Федорович Максяшев

НАШ БЕЛИНСКИЙ

Редактор Л. Н. Толмириди
Художник Е. И. Бочаров
Художественный редактор В. К. Иванов
Технический редактор Л. И. Борисова
Корректор Р. И. Богданова

[illegible]
[illegible]ано в набор 26/I 1977 г. Подписано в печать 13/V 1977 г. ФЛ11810. Формат 81×108 1/32. Усл. [illegible] л. 10,08(6)+0,42 л. вклейки. Уч.-изд. [illegible] 0,38 л. вклейки. Тираж 50 000. Цена на типографской бумаге № 1 в коленкоре 64 коп. на типографской № 2 в бумвиниле 57 коп. За[illegible]

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 1
Производственное объединение «Полиграфист» Саратов, пр. Кирова.